

Ю. СЛЕПУХИН ДЖОАННА АЛАРИКА

Ю. СЛЕПУХИН

ДЖОАННА
АЛАРИКА

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

Ю. СЛЕПУХИН

ДЖОАННА
АЛАРИКА

П О В Е С Т Ъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1962

Юрий Григорьевич Слепухин родился в 1926 году в городе Шахты Ростовской области. Детство провел на Северном Кавказе — Ростов, Пятигорск, Ставрополь. В 1942 году оказался в оккупации и был отправлен на работы в Германию.

После окончания войны, прожив два года в Бельгии, уехал в Аргентину. Там прожил десять лет, сменив много профессий, от художника-модельера до чернорабочего. В 1957 году вернулся в СССР, где полностью посвятил себя литературному труду.

В 1961 году в Ленинграде вышел роман Ю. Слепухина «У черты заката», написанный на аргентинском материале и отражающий сегодняшнее положение искусства на Западе. В настоящее время то же издательство, «Советский писатель», готовит к печати другой роман Ю. Слепухина — «Перекресток», посвященный жизни советской молодежи в канун Великой Отечественной войны.

Повесть «Джоанна Аларика» написана в 1957 году, сразу после возвращения Юрия Слепухина из Южной Америки. Первоначальный ее вариант был опубликован в 1958 году ленинградским журналом «Нева» под заглавием «Расскажи всем».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Четырехмоторный лайнер «Президент» ушел в воздух с аэропорта Ла-Гардиа точно по расписанию — в два часа тридцать минут пополуночи.

Высокий трап, украшенный эмблемой Панамериканской линии — крылатым глобусом, — был убран, овальная дверца в фюзеляже задраена; провожающие стояли в стороне, за барьером, не отрывая глаз от серебряного чудовища, освещенного прожекторами. По сигналу диспетчера с контрольной башни аэропорта дрогнули и медленно завертелись гигантские четырехлопастные винты, над группой провожающих заметались платочки, ветер скомкал и

погнал по бетону оброненную кем-то газету. Потом мелькающие все быстрее лопасти слились в туманные диски, рокот моторов усилился и перешел в протяжный громовой раскат. Провожающие смеялись, что-то кричали, закрывая уши ладонями. На концах крыльев лайнера вспыхнули красный и зеленый ходовые огни, он тяжело тронулся с места и, набирая скорость, покатился по взлетной дорожке.

В рубке управления было темно, лишь остро светились зеленым фосфором стрелки приборов да мигали разноцветные индикаторные лампочки. Свет мощной носовой фары, отражаясь от белого бетона дорожки, слабо освещал напряженные лица обоих пилотов в фуражках морского образца, примятых дужками радионаушников. Мелькающие бетонные плиты слились в сплошную белую ленту, стрелка указателя скорости медленно ползла вправо по циферблату, проходя одно светящееся деление за другим. Еще секунда — и огромная машина едва осязательным упругим толчком отделилась от земли и повисла в воздухе.

В пассажирском салоне, надежно изолированном от рева моторов, холода разреженных высот и колебаний атмосферного давления, мягким опаловым светом сияли белые потолочные плафоны, слышалась приглушенная музыка и негромкие голоса пассажиров. Некоторые, прильнув к иллюминаторам, смотрели вниз — туда, где разворачивалось и уплывало во мрак бескрайное электрическое зарево ночного Нью-Йорка; другие, слишком уже привыкшие к отлетам и приземлениям во всех точках земного шара и в любое время суток, равнодушно листали пестрые брошюры с расписанием рейса, правилами поведения в полете и рекламами туристских компаний и отелей или, откинув спинку своего кресла, просто готовились проспать большую часть рейса. Лайнер шел по маршруту Нью-Йорк — Гватемала — Лима — Сантьяго — Рио-де-Жанейро; почти девять тысяч миль — редкая возможность отоспаться для делового человека, давно уже принесшего отдых в жертву ненасытному богу бизнеса.

Стюардесса в ловком мундирчике и кокетливо сдвинутой набекрень пилотке, украшенной тем же крылатым глобусом и буквами «ПАА», шла по проходу между креслами, делая пометки в списке пассажиров.

— Мисс Монсон, — остановилась она возле кресла номер 46, — вы летите до Гватемала-Сити, не так ли?

Девушка, смотревшая в иллюминатор, обернулась и рассеянно вскинула брови. С ее миловидного лица несколько мальчишеского склада, с крупным ртом и слегка выдающимися скулами, не сразу сбежало отсутствующее выражение.

— Простите? Ах, да, совершенно верно, до Гватемалы...

— Отлично! — Стюардесса профессионально улыбнулась и поставила в списке птичку. — Мы прибываем туда в девять пятьдесят, мисс Монсон, но вы, если пожелаете, успеете еще позавтракать на борту. Ранний ленч будет подан в восемь ноль ноль...

— Спасибо. Я еще не знаю, может быть, и позавтракаю... Вообще я не люблю есть в полете.

— Как вам будет угодно, мисс Монсон. «Пан-Америкэн» славится своим обслуживанием, вы знаете. На борту наших лайнеров можно позавтракать не хуже, чем в любом первом классе ресторана на земле.

— Вы меня почти убедили, — улыбнулась пассажирка, — придется попробовать.

— Как вам будет угодно, — повторила стюардесса. — Вы успели ознакомиться с инструкциями, мисс Монсон? Общее освещение будет выключено через полчаса, но для чтения вы сможете пользоваться индивидуальным — вот эта кнопка на подлокотнике. А этим рычажком вы придаете нужный наклон спинке кресла-кушетки...

— Спасибо, я уже летала. Благодарю вас.

— Спокойной ночи, мисс Монсон. Если вам что-либо понадобится — кнопка вызова находится рядом с выключателем индивидуального освещения.

— Ко мне вопросов не будет? — проворчал по-

жилой костлявый пассажир, сидящий рядом с девушкой.

— О нет, мистер... — стюардесса бросила быстрый взгляд на список, — Флойд, к вам не будет. Вы ведь следуете до Сантьяго?

— Именно, — мрачно подтвердил мистер Флойд. — К сожалению, мне на вашей посудине придется и завтракать, и обедать, и ужинать.

— О, вы об этом не пожалеете, — ослепительно улыбнулась стюардесса. — Спокойной ночи, мистер Флойд!

— Черта с два не пожалею, — буркнул ворчливый пассажир ей вслед. — Знаю я эту бортовую кухню... Впрочем, и южноамериканская не лучше — все перец, перец... Ешь и держи наготове огнетушитель. Вы вот сами увидите, — обратился он к своей соседке. — В первый раз в Латинскую Америку?

— Кто, я? — рассеянно переспросила та, снова отрываясь от иллюминатора. — Нет, что вы, я ведь там родилась...

— В Гватемале? — удивился Флойд. — Вот не сказал бы! Но, разумеется, ваши родители...

— Отец — настоящий гватемалец, — предупредила девушка его вопрос. — Почему вас это удивляет? Из-за этого?

Она улыбнулась и поднесла руку к прическе: волосы ее и в самом деле мало подходили для уроженки Гватемалы — странного пепельно-золотистого оттенка, они казались светлее загорелой кожи.

— Из-за всего, — пожал плечами Флойд. — Блондинку с коротким носом и серыми глазами так же трудно вообразить себе на Панамском перешейке, как негра на Аляске. Исключая туристов.

— В моей крови есть примесь европейской. По материнской линии.

— Это другое дело! — Флойд опустил спинку своего кресла и вытянул ноги, сунув руки в карманы. — Так вы домой... — Он зевнул. — Чем же занимались в Нью-Йорке? Просто прогулка?

— Я училась, — с гордостью сказала она. — В Колумбийском, на факультете журналистики.

Флойд повернул голову и посмотрел на нее, как ей показалось, немного насмешливо.

— Ого... И окончили?

— Вот так! — девушка подняла руку и щелкнула пальцами. — С отличием.

— О-о, даже так. Поздравляю, в таком случае мы с вами друзья по несчастью.

— Вы тоже журналист? — обрадованно спросила девушка.

— В некотором роде... Я сейчас работаю для «Юнайтед»...

Он опять зевнул. Девушка, очевидно обидевшись, прекратила дальнейшие расспросы и замолчала, отвернувшись к иллюминатору.

— Не обращайтесь внимания, — пробормотал Флойд, — мне вообще чертовски мало приходится спать... Так как вас зовут, вы говорили?

— Я вам ничего не говорила, — пожалала та плечами. — Меня зовут Монсон, Джоанна Аларика Монсон.

— Меня — Реджиналд Флойд. Зовите просто Реджи, так проще. Монсон... Монсон... У вас там, если не ошибаюсь, есть один министр...

— Полковник Эльфего Монсон, — кивнула Джоанна Аларика. — Просто однофамилец... Меня всегда спрашивают, но это совпадение. Мы даже не дальние родственники, насколько я знаю. Вообще в Гватемале Монсонов много.

— Вот как... — лениво протянул Флойд. Он пошевелил ступней, разглядывая носок туфли, и вытащил из кармана трубку. — Чем же занимается ваш дэдди? Тоже политикой, как и его однофамилец?

— О нет! Он... У него просто плантация кофе... довольно большая, — добавила Джоанна извиняющимся тоном. — Политикой он пробовал было заняться при триумvirате генерала Понсе в сорок четвертом году, но не успел из-за октябрьской революции*.

* Имеется в виду переворот 20 октября 1944 года.

Флойд сунул в рот пустую трубку и закинул руки за голову.

— Надо полагать, нынешнее правительство ему не особенно по душе, не так ли? — подмигнул он своей собеседнице.

— Боюсь, что да... Он... — Джоанна замялась, подыскивая слово, — он придерживается несколько устарелых взглядов на многие вещи и... в конце концов это понятно, не правда ли? Когда политические и общественные взгляды человека сложились еще при старом порядке вещей, ему не так просто привыкнуть к новому... В частности, он почему-то убежден в гибельности аграрной реформы, это самое неприятное.

— Неудивительно, черт возьми, — усмехнулся Флойд. — У человека отняли возможность стать политиком, а теперь отнимают еще и землю.

— Вы плохо об этом осведомлены, мистер Флойд, — возразила Джоанна. — Землю у нас в стране ни у кого не отнимают — согласно новому закону правительство имеет лишь право откупить у владельцев известную часть пустующей земли. А вовсе не отнять! Кроме того, у нас взяли вовсе не так много. Кажется, около сотни акров, что ли.

— А сколько у вас всего?

Джоанна пожала плечами.

— Право, не знаю.

— Так, так... Одним словом, мне уже ясен характер семейного конфликта в доме Монсонов, — насмешливо заявил Флойд. — Консервативно настроенный папа — и дочь-прогрессистка, горячая сторонница полковника Хакдбо Арбенса*. Так?

— О, у нас в семье нет никакого конфликта! И потом я уверена, что папа рано или поздно поймет ошибочность своей точки зрения.

— Желаю от всей души, — сказал Флойд, подавляя очередной зевок. — Вам сколько?

— Мне? Двадцать три.

— Ну, в таком возрасте всегда думаешь, что

* Президент Гватемалы в 1950—1954 годах.

родители рано или поздно поумнеют... А как смотрит на все это миссис Монсон?

— Мама умерла в год моего рождения.

— Простите, я не хотел вас огорчить... Как же вы думаете использовать свой новенький диплом, мисс Джоан? Где собираетесь работать?

— Небо, я и сама еще не знаю! — засмеялась она. — У меня столько планов... Надеюсь, устроиться будет не так трудно — я везу очень хорошие рекомендательные письма.

— Вы думаете, рекомендательные письма из Нью-Йорка будут иметь вес в Гватемала-Сити?

— Это зависит от того, кем они подписаны, мистер Флloyd, — отпарировала Джоанна. — Я не люблю хвастать, но одно из них дал мне сам доктор Галиндес. И безо всякой просьбы с моей стороны... Вы слышали это имя?

— Галиндес? М-м... Трудно сказать...

— Вы не знаете? Это один из профессоров Колумбийского университета, дон Хесус де Галиндес. Во время гражданской войны в Испании он был членом республиканского правительства Астурии и потом бежал от Франко. Он сейчас пишет книгу, в которой разоблачает Трухильо.

— О-о, так вам просто посчастливилось — получить рекомендацию от такого знаменитого человека! — со скрытой иронией сказал Флloyd. — Как же это?

— Он прочел мою дипломную работу «Свобода печати и диктаторские режимы Карибского бассейна», и, по-видимому, она ему понравилась. В общем я не знаю, — смутившись, поправилась Джоанна.

— Вы отлично знаете, не прикидывайтесь. И не краснейте, вам не шестнадцать лет. Так какую же основную мысль вы проводите в своей дипломной работе, если не секрет?

— Ну... что только свобода печати может служить достаточной гарантией против возникновения диктатуры. И что диктатура неизбежно возникает там, где нет свободы печати. Вы согласны?

Флloyd усмехнулся.

— В основном верно, мисс Джоан. Хотя и несколько наивно... Впрочем, не будем спорить.

На этот раз ирония прозвучала в голосе Джоанны:

— Я вообще заметила, мистер Флойд, что ваши соотечественники неохотно говорят о карибских диктатурах. Не потому ли, что многие из них несут марку «сделано в США»?

— Не кусайтесь, зверек, — лениво отозвался Флойд. — Есть и такие, на которых стоит «сфабриковано в СССР».

— Клевета! — вспыхнула Джоанна. — Как вам не стыдно повторять выдумки, от которых пришлось отказаться самому Даллесу? Сегодня — простите, уже вчера — ваша делегация отступила от требования созвать Консультативное совещание ОАГ по вопросу о «коммунистической инфильтрации в Гватемале». Даже они поняли, насколько это глупо звучит!

— Послушайте, мой юный коллега, — сказал Флойд, с любопытством покосившись на девушку, — есть одна вещь, которую вам следует хорошо запомнить. Старый Джон Фостер никогда ни от чего не отказывается. Уж я-то это знаю, поверьте мне.

Джоанна машинальным жестом поправила прическу и замолчала, не зная, что ответить. Свет в салоне погас; она вздохнула и прижалась носом к холодному стеклу иллюминатора.

— Видно что-нибудь? — с зевком полюбопытствовал Флойд.

— Какие-то огоньки... Где мы сейчас находимся? Флойд оттянул рукав и взглянул на часы.

— Судя по времени, где-то между Ричмондом и Вашингтоном... или чуть западнее. Спать не хотите?

— Нет, что вы...

— Ничего, скоро захочется. Прошу прощения...

Он лениво встал и, подойдя к сидящему на два кресла впереди пассажиру, хлопнул его по плечу.

— Не спите, Эл? Идемте лучше курить, мне тоже не спится. Проклятье, надеялся отдохнуть хоть в самолете...

Приятели вышли в маленький курительный салон. Флойд развалился на диванчике и, отчаянно зевая, принялся набивать трубку. Эл, тоже позевывая, сунул в угол рта сигарету, смял пустую пачку и щелчком швырнул ее в противоположный угол. Потом сел и похлопал себя по карманам.

— Спичек нет? Хотя стойте, вот они... Чертовская у меня сегодня изжога, с самого утра... Просто ума не приложу, отчего бы это.

— Сожрали что-нибудь неподходящее, — фило-софски заметил Флойд, окутываясь клубами дыма. — В нашем возрасте, старина, приходится за этим сле-дить.

— Ничего такого я не ел... Ф-фу, дьявол! Как мне не хочется тащиться в это проклятое Чили, если бы вы знали! Воображаю, какая там сейчас погода... В прошлом году я в это же время был в Аргентине — холод, слякоть. Целый месяц протаскался с самым гнуснейшим гриппом, какой только можно себе во-образить. Кстати, вы не забыли эти бюллетени для Джессупа?

Флойд молча кивнул.

— Хорошо, а то он взъелся бы. Реджи, вам повезло с соседкой — ноги у нее как миллион долла-ров, по трапу она поднималась впереди меня. Кто такая?

Флойд пожал плечами и вынул изо рта трубку.

— Новоиспеченная журналистка из Гватемалы, поклонница Арбенса. Окончила у нас Колумбийский и теперь в телячьем восторге несется домой, мечтая о свободе печати и всяких таких штуках.

— Дура, нашла когда возвращаться! Вы бы ей хоть намекнули, э?

— Чего ради? Другое дело, познакомься я с нею неделю назад... А сейчас что, советовать ей пере-прыгнуть во встречный самолет? Да и потом, ей-то самой мало что грозит, — Флойд улыбнулся и мах-нул рукой. — Похоже на то, что ее дэдди как раз один из тех, кто заваривает всю эту кашу. Во всяком случае, он плантатор и не в ладах с правитель-ством... мягко выражаясь. А прогрессивные взгляды

самой мисс — ну, кто из нас в молодости не грешил?.. А вы думаете, там начнется скоро?

Эл пожал плечами и снял с языка табачную крошку.

— Фрэнк Осборн вернулся из Тегусигальпы... Я видел его вчера в пресс-клубе... Так он рассказывает потешные вещи. В Гондурасе не осталось ни одного пистолера *, который не записался бы в крестовосцы... и вербовочные афиши расклеены совершенно открыто: триста долларов в месяц, жратва и обмундирование. В общем похоже на то, что этот парень Арбенс — как это в библии? — «взвешен, измерен» и так далее... — Эл усмехнулся и пальцем прочертил в воздухе широкий крест. — Так что ваша блондиночка скоро переживет большое разочарование. О, кстати, по поводу блондинок! Мне рассказали совершенно потрясающий анекдот...

Маленькая лампочка над головой Джоанны бросала яркий круг света на дорожный бювар, развернутый у нее на коленях. Проставив в верхнем углу дату — «15 июня 1954 года», — она подумала и стала быстро писать тонким косым почерком:

«Мигель, мой любимый, я буду дома через каких-нибудь восемь часов, но не могу утерпеть и пишу тебе здесь, на борту самолета, чтобы отослать письмо с нарочным сразу же по приезде в «Грано-де-Оро». Твое я получила только сегодня, уже собираясь на аэродром. Подумать только, опоздай оно на час — и я бы его уже не прочла! Милый, спасибо за поздравление, — вижу, что моя каблограмма пришла вовремя. Ты не можешь себе представить моего состояния сейчас: тут все смешано в кучу (в очаровательную кучу!) — и мое возвращение домой, и мой диплом с отличием, и то, что не нужно больше жить в Штатах, и то, что я теперь самая-самая настоящая журналистка, понимаешь? А главное — то, что я при-

* Pistolero (исп.) — бандит.

ближаю к тебе со скоростью четырехсот миль в час. Как я по тебе соскучилась за этот год! Просто невозможно представить себе, что завтра мы увидимся. Завтра вечером у нас, очевидно, будет «большой прием» — папа написал мне, что приглашения уже разосланы. Милый, я тебя не приглашаю, потому что знаю твоё отношение к тому обществу, которое собирается у нас в доме; но это будет вечером, и если ты приедешь днем (утром — еще лучше), то у нас будет достаточно времени наговориться до приезда гостей. Ох, эти гости! У меня заранее начинается зевота. Представляю себе всю эту милую компанию питекантропов: Гарси́а-старший и Гарси́а-младший (младший тоже относится к числу редких ископаемых, несмотря на вполне, казалось бы, современное звание лицензиата), Орелья́на, Лопес, Кинта́на с дочкой — единственным живым существом в собрании окаменелостей (ты ее должен знать — Долорес, такая хорошенькая, черненькая), потом Ордоньо, тоже с дочкой, которую я терпеть не могу, как и она меня. Ну ладно, хватит сплетен. А у меня еще одна приятная новость: в этом же последнем письме папа пишет, что купил мне машину — английский «миджет», двухместный, полускоростного типа. Уж мы ее обновим, правда, Мигелито? А вообще папино послание сильно меня огорчило (письмо мое выходит страшно непоследовательным, но ты не обращай внимания, это просто от радости. Когда очень радуешься, трудно собраться с мыслями и излагать их в порядке). Оно меня огорчило, знаешь, чем? Папа, по-видимому, стал еще более нетерпимым в своем отношении к правительству и ругает его почем зря. Я постараюсь с ним не спорить — последую твоему совету. Но это очень, очень неприятно. Слушай, помнишь, я писала тебе относительно профессора Галиндеса? Вообрази, он дал мне рекомендацию в «Ревиста де Гватемала», я с ним разговаривала перед отъездом, он лично пригласил меня к себе. Вот что он мне сказал (я запомнила дословно): «Вы можете по праву гордиться своей страной, сеньорита Монсон, Гватемала сейчас показывает

пример обеим Америкам. Поезжайте в добрый час и помните, что, как бы много ни сделало правительство полковника Арбенса до сих пор, еще больше предстоит ему сделать, и оно сможет справиться со своей благородной задачей лишь в том случае, если ему будут помогать все честные и способные граждане. Особенно молодежь». Хорошо сказано, правда? «Особенно молодежь» — это значит Вы, мой уважаемый дон Мигель Асеведо, я, Джоанна Монсон, и так далее и так далее. Приятно вдруг почувствовать себя ответственной за судьбы своей страны! Слова профессора исполнили меня поистине дьявольской гордыней: возвращаясь к себе, я шла и упивалась сознанием собственной значимости, и нос мой задирался все выше и выше, пока меня чуть не переехали на углу Риверсайд-Драйв. Представь, какую потерю понесла бы Гватемала! Ну, что еще тебе рассказать? Я купила себе новую машинку (старую подарила подруге) — чудесный ремингтон «куайт-райтер» последнего выпуска, легкий как пушинка и совершенно бесшумный. И такого красивого светло-салатного цвета! Я в него прямо влюбилась с первого взгляда, так же как в свое время в тебя. Да, чуть не забыла! В предпоследнем номере «Висьон»* появилась совершенно гнусная, клеветническая статья о внутреннем положении нашей страны. Мы немедленно написали редактору коллективное письмо — к сожалению, весьма корректное (чего этот журнал определенно не заслуживает), вежливо опровергая фразу за фразой. Подписались почти все латиноамериканцы нашего факультета за исключением отъявленных грингетос**. Тем мы даже не предлагали, ты сам понимаешь. Письмо, на мой взгляд, получилось очень убедительное, но его, разумеется, все равно никогда не напечатают...»

* «*Vision*» — официальный журнал, издающийся в США на испанском языке и освещающий главным образом проблемы Латинской Америки.

** *Gringuetos* (исп.) — презрительное прозвище лиц, преклоняющихся перед всем североамериканским.

— ...Послушайте, Флойд, я уже не первый год таскаюсь из одной республики в другую и знаю Латинскую Америку как свои собственные штаны. На этом проклятом материке у нас никогда не будет друзей, запомните это раз и навсегда! Я говорю о настоящих друзьях, вы меня понимаете. Все эти типы, как Сомоса, Батиста и Трухильо, в счет не идут. Такая «дружба» легко покупается и еще легче продается. Это мне напомнило последнюю шуточку Джессупа. «В Латинской Америке, — говорит, — я до сих пор видел только два типа правительств: конституционные или проституционные». Чертовски верно сказано, если вдуматься. Поэтому я и говорю, что настоящих друзей в Латинской Америке у нас нет и не будет, и этим основным положением нужно руководствоваться. Вы как хотите, а я утверждаю одно: им нужна палка и только палка...

Флойд слушал, приподняв брови. Выколотив трубку, он продул ее и с задумчивым видом уставился куда-то в потолок, концом мундштука пощелкивая себя по передним зубам.

— Палка? — переспросил он, усмехнувшись. — Палка, к сожалению, обычно имеет два конца, дорогой мой Эл. И она очень легко превращается в бумеранг, об этом тоже следует помнить. Я не паникер, но на вещи я смотрю здраво... И потом у меня есть «чувство времени», чего явно не хватает вам. Видите ли, когда-то — пусть не так давно — любое осложнение с любой из этих банановых анчурий* улаживалось очень просто: наш посол звонил в Вашингтон, через неделю на анчурийский берег высаживалась морская пехота, наши парни без шума занимали президентский дворец и наводили там порядок. Я готов согласиться с вами, что это было отличное время, но оно прошло, хотим мы этого или не хотим. Теперь все это стало значительно сложнее. Приходится считаться со слишком многими факторами — такими, как

* Название вымышленной центральноамериканской республики (О'Генри, «Короли и капуста»).

национальное самосознание, растущая роль общественного мнения, наконец, даже...

— Аб-со-лютно не согласен! — крикнул Эл, перебивая коллегу. — Категорически — нет! Поймите, Флойд, одну вещь: вся беда в том, что все эти последние годы — точнее, с тридцать третьего по сорок пятый — мы слишком считались с latinoамериканским общественным мнением. И что получилось? Что из этого получилось, я вас спрашиваю? За двенадцать лет политики Доброго Соседства* эти амигос** обнаглели настолько, что сейчас вопрос стоит так: либо мы в кратчайший срок сумеем восстановить в Латинской Америке свой престиж силы — любыми методами! — либо с нами будет то же, что с англичанами в Индии. Поэтому я от всего сердца приветствую то, что не сегодня-завтра произойдет в Гватемале. Мне лично совершенно наплевать, что у тамошних плантаторов отбирают землю или что их заставляют повышать поденную плату пеонам... Скажу больше, мне наплевать и на «Юнайтед фрут» с ее прибылями и потерями! На что мне не наплевать, Флойд, — это на престиж моей страны, на престиж Соединенных Штатов, на престиж демократии...

Под крыльями «Президента», подернутая голубой утренней дымкой, плыла на север Флорида — земля апельсиновых рощ и золотых пляжей. Лайнер шел на высоте двенадцати тысяч футов; в первых лучах солнца, встающего над безбрежной равниной океана, он казался хрупкой серебряной игрушкой. Любители раннего купанья, выехавшие встретить рассвет на Пальмовом Берегу, поднимали головы, заслышав далеко разносящийся в чистом воздухе гул моторов, и провожали самолет долгими взглядами. Моторы пели уверенно, на низкой вибрирующей ноте; десятки сложнейших приборов, никогда не спящих и не знаю-

* Официальное наименование внешнеполитического курса президента Франклина Д. Рузвельта в отношении Латинской Америки.

** *Amigos* (исп.) — друзья.

щих усталости, безошибочно вели лайнер по курсу, проложенному радиомаяками.

Только что сменившийся с вахты пилот дремал в своем кресле. Его напарник, небрежно положив руки на штурвал, насвистывал сквозь зубы песенку Бинга Кросби и думал о том, как лучше провести двое суток отдыха в Рио перед обратным рейсом. В своем тесном закоулке, окруженный бесчисленными шкалами и циферблатами, бортинженер лениво жевал резинку и, поглядывая на приборы, краем уха слушал навигатора, который через переговорное устройство рассказывал содержание дочитанного перед вылетом детективного романа. В курительном салончике, скрючившись в неудобной позе, храпел на диване Флойд, а его коллега, которому так и не удалось заснуть, сидел в другом углу, морщась от изжоги, и жевал потухшую сигарету.

В главном пассажирском салоне было тихо. Дежурная стюардесса, осторожно наклоняясь над спящими, одну за другой задерживала шторы иллюминаторов правого борта. Скуластенькая белокурая девушка спала в своем кресле-кушетке, уронив на пол бювар с недописанным письмом, и ее слегка осунувшееся от предотъездных хлопот лицо было по-детски счастливым.

ГЛАВА 2

В тысяча девятьсот тридцать первом году господа в столице опять передрались между собою, и президентом республики стал его превосходительство генерал дон Хорхе Убико. Мамэрто хорошо это запомнил, потому что в тот же год случилось еще два крупных события.

Во-первых, он начал получать поденную плату взрослого пеона — пятнадцать центов. До этого Мамэрто получал десять, а еще раньше работал вообще без денег. С утра до вечера он лушил кофейные зерна за миску фасоли и пару маисовых лепешек. Работа была тяжелой, от нее ломило спину и мучительно болели пальцы, разъеденные ядовитым

кофейным соком, но это уж как водится — сам падре говорил в церкви, что человек должен трудиться в поте лица. Мамерто был усерден и никогда не спорил с капатасами*, и, наверное, поэтому он среди других подростков одним из первых был переведен на «взрослый» оклад.

Это было первым важным событием в его жизни. А второе случилось очень скоро, месяца через полтора. У патрона родилась дочь, и дон Индалесио Монсон устроил роскошный праздник, который надолго запомнился всем пеонам. Гости и старшие служащие пировали в доме, а остальные на воздухе, под деревьями, пестро разукрашенными цветными фонариками. Было весело, как на карнавале, маримба** не утихала до самого утра, за столами пеонов не было недостатка ни в еде, ни в напитках: дешевый ром, текила, мескаль и кукурузная чича лились рекою. В разгар веселья сам патрон вышел на веранду, поднял над головой маленький сверток в кружевах и розовых лентах и крикнул, что наследница сеньорита Джоанна Аларика — хотя еще и не умеет говорить — прибавляет всем поденную плату на пять центов. Слова дона Индалесио потонули в буре приветствий и благодарностей, и Мамерто кричал громче всех.

Он был очень рад получать целых двадцать центов в день, но через месяц радость его потускнела, как забытая в сыром углу медная пуговица. Принадлежащая плантации лавка, где пеоны покупали себе еду и одежду, вдруг подняла цены на все товары; подняла вроде и не намного — почти незаметно, цент здесь, цент там, — но в расчетной книжке Мамерто цифра его месячного заработка, за вычетом стоимости покупок, осталась прежней. И это несмотря на то, что весь месяц он, ободренный прибавкой, работал старательнее и быстрее.

Что же это за прибавка? Мамерто понял, что сеньорита наследница здорово его обставила. Точнее, он понял это не сам, а с помощью негра Флориндо. Негр

* *Sapataz (исп.)* — надсмотрщик на плантации.

** Ударный музыкальный инструмент (вроде ксилофона).

Флориндо когда-то работал смазчиком на заправочной станции и вообще был образованным человеком — умел даже подписать свое имя. Он-то и объяснил Мамерто, что их всех провели с этой прибавкой. И вообще несправедливо, сказал негр Флориндо, что какая-то девчонка, у которой и носа еще не видать, родилась наследницей десяти тысяч мансан * земли, а у других нет и одной мансаны. Мамерто согласился, что это и в самом деле несправедливо.

Однажды он вместе с несколькими другими пеонами был послан чистить дорожки парка возле «Большого дома» и там увидел наследницу совсем вблизи. Старая Селестина везла ее в красивой белой колясочке на блестящих колесах; Мамерто почувствовал сильное любопытство. Сняв сомбреро, он отважился подойти поближе и поклонился. Сеньорита оказалась очень беленькой, она сосала палец и серьезно таращила на Мамерто круглые серые глаза. Он вспомнил о десяти тысячах мансан ее владений, и ему стало вдруг очень обидно, потому что в тот год он хотел жениться на дочери старого Иларио, но та сказала, что и не подумает выйти за пеона, у которого нет ни клочка земли, чтобы прокормить семью. «А ведь, пожалуй, патрон не ее отец, — подумал он вдруг злорадно, — слишком уж она беленькая. Не иначе, как сеньора наставила ему рога с каким-нибудь гринго...» Но тут же Мамерто вспомнил, что сеньора умерла несколько недель назад, — ему стало стыдно, и он торопливо перекрестился, чтобы отогнать внушительную дьяволом греховную мысль.

После неудачного сватовства жизнь на плантации ему опостылела, и он ушел в город, надеясь устроиться чернорабочим на какую-нибудь фабрику. Негр Флориндо, бывалый человек, часто говорил ему, что там и платят больше и работа не в пример легче. Может быть, в городе ему действительно удалось бы устроиться, но в то время свирепствовали изданные новым президентом «законы о бродяжничестве», и

* М а н с а н а — единица площади в Гватемале = 0,7 гектара.

жандармы задержали Мамерто недалеко от Эскинтлы. После недолгой отсидки в тюрьме его отправили работать на строительство шоссейной дороги в одно из самых гиблых мест департамента Реталулеу, где люди десятками гибли от малярии. Через три месяца, дождавшись начала ливней, он ушел и оттуда, прорубившись своим мачете * сквозь сплошную стену джунглей, и в конце концов вернулся на плантацию Монсона. Знакомый капатас согласился не подымать шума и снова зачислил его пеоном за взятку в двадцать пять кетселей. Мамерто работал и выплачивал ему эти деньги в течение полугода.

В лето, когда началась большая европейская война, он, наконец, женился. Не на дочери старого Иларио — веселая хохотушка Росаура к тому времени имела уже ребенка от помощника весовщика, — а на другой девушке, двумя годами старше его самого. Каталина оказалась хорошей женой, они жили дружно и мечтали скопить на покупку хотя бы одной мансаны собственной земли. Оба знали, что это им никогда не удастся — денег не хватало даже на еду, какие уж тут сбережения! — но продолжали мечтать, потому что в трудной жизни ничто так не утешает, как мечта, пусть даже неосуществимая. А жизнь была очень трудной.

Еще труднее стало, когда родилась Нативидад. Фасоль и маис, которые им, не имеющим собственной земли, приходилось покупать в лавке, дорожали из месяца в месяц. А плата так и не повышалась, и Мамерто едва зарабатывал полтора доллара в неделю. Капатас объяснял пеонам, что весь мир сейчас воюет — борется за свободу и демократию — и что, хотя Гватемала и не участвует в этой большой войне, всем им приходится тем не менее приносить жертвы, потому что Соединенные Штаты — единственный защитник обеих Америк — не могут сейчас платить за кофе и бананы дороже, чем платили до войны.

Да, трудно приходилось не только семье Мамер-

* Длинный нож-тесак, применяющийся и как оружие и как сельскохозяйственное орудие.

то — трудно было всей стране. Даже дон Индалесио Монсон говорил своим рабочим, что стоит на пороге разорения; поверить этому было трудно, но не станет же врать патрон, самый уважаемый человек в департаменте! Впрочем, кофе на складах не залеживалось, и работы на плантациях шли полным ходом.

В «Грано-де-Оро» было теперь вдвое больше пеонов, чем до войны. На плантации появились индейцы, пригнанные сюда отчаянной нуждой — раньше этого не могла сделать даже всеильная жандармерия, и пеон индеец был великой редкостью. Мамерто первое время приглядывался к ним с опаской и недоверием, он ведь был метисом, «ладино», а вражда между жителями равнин и горами — потомками древних племен киче́ и какчикель — началась не год и не десять лет назад. Страшные вещи рассказывал об индейцах и падре: христиане они, дескать, только для виду, а на самом деле как были нечестивыми язычниками, так и остались. Самое страшное, говорил падре, это то, что индейцы лицемерны: курят ладан перед статуями христианских святых и девы Марии, а в сердце своем поклоняются сатане, которого зовут по-разному — иногда это «Великий Оперенный», иногда «Блистательный Повелитель в Зеленых Перьях». Слушать такие вещи было страшно, а уж работать рядом с поклонниками «Оперенного» и подавно.

Потом оказалось, что бояться не стоило. Ничего дурного индейцы не делали, ссор не затевали и были хорошими товарищами. Нельзя было и представить, чтобы индеец пожаловался на тебя капатасу или развонил подслушанный случайно разговор. Они вообще почти не говорили с начальством: не спорили, не вступали в пререкания; молча работали и молча получали заработанные центы. Все молча! Индейцы молчали даже тогда, когда их обсчитывали и обвешивали весовщики, конторщики, лавочник; но молчали они не так, как обычно молчит в подобных случаях старый пеон, давно узнавший на собственном опыте, что споры с начальством до добра не доводят. В молчании индейцев — Мамерто и его товарищи поняли это очень скоро — было больше презрения, чем без-

ответной приниженности. Молчаливые люди явно считали ниже своего достоинства спорить с белым обманщиком из-за каких-то центов, хотя эти центы и доставались им тяжким трудом.

Потом в столице снова произошла революция, а спустя три месяца — еще одна. Дочь патрона приехала из столицы и жила дома. Однажды Мамерто встретился с нею в воскресенье. Нинья * Джоанна вежливо ответила на его поклон и сама заговорила с ним о событиях в стране. Она сказала, что диктатуры больше нет и что теперь все пеоны получают землю. Мамерто отлично знал, что никакой земли он не получит, потому что революций было уже несколько и с каждым разом пеонам становилось только хуже, но он еще раз снял шляпу и пожелал сеньорите, чтобы Гваделупская Божья Матерь вознаградила ее за добрые слова.

Сеньорита, которой было тогда лет тринадцать, еще больше стала походить на иностранку своими серыми большими глазами и удивительным, точно спелый маис, цветом волос, но говорила она на правильном и красивом кастильском наречии, какое можно услышать лишь в церкви, когда падре Теодосио читает свою воскресную проповедь.

Может быть, именно поэтому до Мамерто не сразу дошел смысл сказанного Джоанной. Ему пришлось даже переспросить, и она снова принялась объяснять вежливо и терпеливо. Пеонам действительно должны теперь дать землю, сказала она, потому что эта революция не такая, как были в Гватемале до сих пор, а настоящая. Раньше президентами бывали генералы, им нужна была только власть и деньги, а о пользе страны и народа они вовсе не думали; а теперь президентом стал очень умный и образованный человек — школьный учитель, только не из той школы, где учат детей, а из большой школы для взрослых, в которой учатся на врача или на адвоката. Этот новый господин президент сам написал много книг, и во время диктатуры его за это хотели поса-

* Nina (исп.) — барышня.

дить в тюрьму, поэтому ему пришлось убежать из страны и жить за границей, где он тоже писал книги и учил людей. Теперь, сказала няня Джоанна, когда президентом Гватемалы стал учитель, здесь будут открывать много новых школ — для всех детей, кем бы ни были их родители, хотя бы пеонами.

Мамерто подумал о своей Нативидад и недоверчиво ухмыльнулся. Так он и поверил, что кто-то станет открывать школу для дочери пеона!

Но на свете случаются иногда самые странные вещи. Предсказание сеньориты исполнилось, и четыре года спустя Мамерто, притихший и торжественный, в новых сандалиях и чисто выстиранном и заплатавшем комбинезоне, сам отвел дочку в школу. Своей земли у него тогда еще не было — с этим обещанием няня Джоанна, видно, поторопилась, — и он продолжал работать в «Грано-де-Оро», но уже был членом аграрного синдиката, получал целый кетсаль* в день, и патрон обязан был платить ему сверхурочные.

А в прошлом году он получил, наконец, и землю, он и многие другие. Двести мансан отличной пустыющей земли правительство откупило у патрона и еще около тысячи — у владельцев соседних плантаций, и вся эта земля была роздана пеонам и индейцам из кофрадии** святого Бартоломéo. Церемония выдачи титулов на владение землей состоялась в соседнем местечке Коатльтенанго. Площадь заполнилась народом с самого рассвета, утро выдалось знойным, но толпа ждала молча и терпеливо. Индейцы пришли всей кофрадией — со статуей Сан-Бартоломео, с серебряными дисками-регалиями на высоких шестах, со своим колдуном, своими барабанщиками и своим пиротехником. Перед зданием кабыльдо*** был сколочен помост, где за столом, покрытым бело-голубым флагом, сидели члены муниципалитета и представители Института аграрной реформы. Незнакомый сеньор

* Денежная единица в Гватемале (приравнен по стоимости к доллару).

** *Cofradia* (исп.) — религиозное братство, община у гватемальских индейцев.

*** *Cabildo* (исп.) — местное самоуправление.

в очках сказал речь, потом учитель дон Мигель Асеведо повторил ее на языке тсутуиль; индейцы выслушали его по обыкновению молча и с достоинством; потом начали вызывать по спискам на помост и вручать титулы.

Мамерто тоже получил свой участок — пятнадцать мансан отличной плодородной земли, совершенно бесплатно и в вечное пользование. Долго ни он сам, ни его жена Каталина не могли освоиться со своим счастьем. Да и страшновато было: падре Теодосио сказал, что небесная кара испепелит всякого, кто осмелится работать на украденной у хозяев земле. Правда, потом из Коатльенанго приехал учитель дон Мигель и напомнил новым землевладельцам, что падре обещал те же небесные кары тем, кто осмелится вступить в синдикат, — а пока что они все живы и здоровы. Это успокоило Мамерто, а работа на собственной земле очень скоро и вовсе излечила его от страха перед небесными карами...

В этот вечер к Мамерто пришли двое приятелей — дон Чус и дон Анаклéто, когда-то работавшие вместе с ним в «Грано-де-Оро» и теперь ставшие его соседями по участкам. Дон Анаклéто днем вернулся из Эскинтлы с хорошей новостью: цены на кофе нового урожая поднялись до пятидесяти трех долларов за квинтал.

— Скажи ты, Мамерто, а ведь скупщик из «Магдалены» предлагал по тридцать семь, и то говорил, что это самая последняя цена и выше никто не даст, — сказал дон Чус. — Может, он сам не знал, а, Мамерто?

— Как ему не знать! — негромко отозвался тот. — Хотел надуть, вот чего он хотел.

— Это они умеют, — согласился Чус. — Хороши бы мы были, если бы послушались.

— Не говори...

Они помолчали. С ближних холмов, мягкие очертания которых уже расплывались в вечернем сумраке, тянуло свежестью. Дон Анаклéто достал из кармана пачку купленных в городе сигарет, угостил приятелей.

— Знаете, кто мне там встретился? — сказал он. — Старый Куикé вместе с Тибурсио Асейтуно, помнишь, Чус? Они еще работали на финке * вместе с другими индейцами, а после получили участки в Кебрада-дель-Манадеро.

— Как не помнить старого Куике, еще бы! Интересно, сколько они этот год сняли... в Кебрада можно взять хороший урожай. Они что, продавать туда приехали?

— Где там продавать, они привезли в командансию ** оружие. Нашли много оружия, в двух местах.

— Возле Коатльтенанго третьего дня тоже нашли, — кивнул Мамерто, сплюнув и растирая плевков босой пяткой. — Целую связку. А индейцы много нашли?

— Похоже, что много. Асейтуно говорит, пять раз по десять и еще четыре. Такие, говорит, маленькие ружья, что стреляют быстро и помногу.

— Пулеметы, — определил дон Чус, в молодости отбывавший воинскую повинность. — Маленькие новые пулеметы, как у полиции. Опасная штука. В мое время таких не было.

— Чего теперь не придумают!

— Это уж будь спокоен.

— Асейтуно говорит, что молодой Гарсиа с финки «Эль-Прогресо» предлагал за оружие большие деньги — чтобы не сдавали в командансию. Большие деньги, говорит Асетуйно. В золотых песо.

Мамерто курил, осторожно держа в негнущихся пальцах непривычно маленькую сигарету.

— Зачем это господам понадобилось оружие, хотел бы я знать? — сказал он.

— Может, для охоты?

— Кто станет охотиться с пулеметом, ты шутишь! Для охоты нужна хорошая эскопета ***, ничего другого для охоты не нужно.

— У господ все не как у людей. А вообще-то, ес-

* Finca — усадьба, плантация в Центральной Америке.

** Comandancia (исп.) — военная комендатура.

*** Escopeta (исп.) — охотничье ружье.

ли идешь на пуму или на ягуара, то пулемет не помешает. Господа хотят, чтобы все было наверняка. Это уж всегда так.

— А может, они боятся?

— Кто?

— Господа, кто же еще!

— А чего им бояться?

— Падре говорил, что индейцы и кумунисты хотят их перерезать и забрать всю землю. Землю и женщин, а самих убить.

— Не верю я, чтобы он так говорил. Сроду индейцы никого не убивали. А что это за кумунисты?

— Это такие, в городе, — неопределенно объяснил Анаклето. — Которые умеют читать. И вообще механики.

— Что ты знаешь! — сказал дон Чус. — Учитель в Коатльтенанго тоже кумунист. Что он, механик? Кумунисты были за аграрную реформу, если хочешь знать. А на что она механикам? Она нужна тем, кто живет землей.

— Господам — нет, — заметил Мамерто. — А они тоже живут землей.

— Землей... Потом нашим, вот чем они живут! Жили, сейчас-то уже нет. Но и сейчас они сами не работают.

— Не верю я, чтобы индейцы собирались их убивать, — сказал Мамерто. — Не мог падре этого говорить.

— Вот говорил.

— Сроду индейцы никого не убивали.

— Может, это-то и плохо.

— Грех так говорить, — покачал головой Мамерто. — Большой и тяжкий грех. Никто не может убивать никого.

— Что ты понимаешь в грехах! Это пускай кúра * разбирается, грех или не грех.

— Ладно вам, — вмешался Анаклето, — никто и не собирается никого убивать. Кому это надо? Сдается мне, что господа сейчас тоже вовсе об этом не

* Сига (исп.) — священник.

думают. Сейчас они думают о большой выпивке, вот что.

Мамерто посмотрел на него непонимающе.

— О какой выпивке?

— О большой, я ж тебе говорю. Завтра у Монсонов будет большая фьеста, потому что приехала сеньорита.

— Нинья Джоанна? — переспросил Мамерто. — Я слышал, она училась в большой школе у янки. Приехала, говоришь? Пошли ей небо много счастья, хорошая она девушка.

— Еще бы ей не иметь много счастья! — проворчал дон Чус. — Сколько денег, столько и счастья, а уж ей-то жаловаться на бедность не придется...

ГЛАВА 3

Дом был построен в старом колониальном стиле: белые стены, красная черепица крыш, увенчанных башенками-мирадорами, выложенные синей майоликой террасы и кованые завитки оконных решеток. На площадке перед домом стоял уже десяток машин, и другие то и дело подкатывали по главной аллее.

Гости начали съезжаться к семи часам. В холле их встречала сама виновница торжества, сеньорита донья Джоанна Аларика — сияющие глаза, улыбка, чуть тронутые легким загаром плечи и ослепительный вечерний туалет. Она казалась окруженной сиянием, видимым и невидимым, эта вернувшаяся из Штатов наследница лучшей плантации в департаменте.

Гостей было много, их поздравления и провинциальные комплименты были слишком однообразны, и Джоанна уже начинала тяготиться своей ролью. К счастью, ее выручала тетка.

Донья Констанция чувствовала себя в подобной обстановке как рыба в воде. Ее увядшее лицо с высоко поднятыми выщипанными бровями выражало самое любезное гостеприимство, смешанное с заботой о том, чтобы все было «как полагается». Она вовремя овладевала вновь прибывшими и, оставив пле-

мянницу на ее передовом посту, увлекала их в гостиную, где ими занимался уже сам хозяин.

Забота хозяина о гостях ограничивалась тем, что он — после грубовато-фамильярного приветствия — предоставлял их самим себе и слугам, разносящим напитки. Своим настоящим вниманием дон Индалесио Монсон удостаивал очень немногих. К ним относились такие фигуры, как старый Гарсиа, владелец второй по размерам (после «Грано-де-Оро») плантации; бывший сподвижник генерала Понсе отставной полковник Перальта и особенно иезуит падре Фелипе — болезненного вида личность с изысканными манерами и елейным голосом, пользующаяся огромным влиянием при дворе монсеньора архиепископа и чуть ли не в самом Ватикане.

Остальных гостей с их женами и дочерьми дон Индалесио замечал постольку-поскольку. Небрежный кивок, а в лучшем случае — покровительственное похлопывание по спине, первый подвернувшийся на язык комплимент для сеньоры или сеньориты — и хватит. О чем можно говорить со старым дураком Тибурсио Орельяна, чья земля не сегодня-завтра пойдет с торгов?..

Дон Индалесио стоял в углу, держа руки в карманах, и внимательно слушал иезуита, который что-то говорил ему вкрадчивым шепотом, то и дело складывая молитвенным жестом руки с белыми до восковой прозрачности пальцами. Рядом со своим утонченным собеседником плантатор казался воплощением грубой силы: тяжелый, широкоплечий, с темным квадратным лицом, изрезанным глубокими морщинами, и жесткими подстриженными усами, еще не тронутыми сединой. Закончив таинственную тираду, падре Фелипе склонил голову и, не ожидая ответа, отошел от хозяина своей скользкой походкой, спрятав руки в рукава сутаны. Дон Индалесио хмуро посмотрел ему вслед и достал из кармана потертый кожаный портсигар.

— Сеньорита Джоанна сегодня сводит всех с ума! — воскликнул подошедший лицензиат Гарсиа, предупредительно щелкнув зажигалкой.

Дон Индалесио прикурил и поблагодарил молчаливым кивком.

Парень ему не нравился — хлыщ и растяпа, каких мало. То ли дело старик! Да, люди мельчают.

— Вы и сами, сеньор лисенсиадо, похитите сегодня не одно сердце, — насмешливо сказал он, с ног до головы окинув взглядом молодого человека: пробритые в ниточку усики, лакированный пробор и модного покроя белый смокинг с красной гвоздикой в петлице.

— О, я на это не претендую, дон Индалесио, — скромно возразил юный дон Энрике, не заметив иронии. — Кроме того, здесь сегодня есть только одно сердце, похитить которое я счел бы величайшим счастьем моей жизни...

— Что ж, действуйте, — кивнул плантатор и, движением пальца подозвав слугу, не глядя, взял с подноса стакан виски с содой. Лицензиат тотчас же последовал его примеру, намереваясь продолжить мужскую беседу, но дон Индалесио отошел со стаканом в руке.

В дверях показалась Джоанна в окружении девушек.

— Халло, па! — крикнула она, взглядом отыскав отца среди гостей. — Знаешь, мне кажется, никто больше не приедет!

— Ну что ж, тогда можно к столу, — отозвался дон Индалесио и взглянул на часы. — Уже девятый час, пора... Ты там узнай у тетки.

Джоанна кивнула и вышла из гостиной.

Дон Индалесио, хмурясь, в два приема опорожнил стакан. Он был недоволен дочерью, явно недоволен, хотя и не показывал этого. Джоанна вернулась из Нью-Йорка какой-то... какой-то слишком самостоятельной, что ли. В прошлом году, когда она приезжала на каникулы, он этого не заметил. А теперь... Уже одно то, что она, отлично зная его отношение к правительству, в первый же день приезда поставила на своем письменном столе карточку президента. Это ведь, по существу, почти вызов. Ну, конечно, карточка еще ни о чем не говорит... У этого прохвоста внеш-

ность киноактера, возможно, девчонка просто захотела иметь перед собой фотографию интересного мужчины. Но есть вещи и более серьезные, например, ее неприличная выходка вчера вечером, когда он, отец, сказал ей о тех убытках, которые причинила ему проклятая аграрная реформа. На это девчонка не нашла ничего лучшего, как заявить: «Прости, папа, но смешно говорить об убытках, если ты нашел возможным подарить мне автомобиль и эти бриллиантовые серьги...»

За столом общество по-провинциальному разделилось на три группы: по одну сторону сели мужчины с доном Индалесио, по другую — дамы под председательством доньи Констансии; середину стола заняла молодежь.

Соответственно этому разделился и разговор. В начале ужина центром внимания оставалась Джоанна, и ей приходилось то и дело раскланиваться направо и налево с бокалом в руке, отвечая на тосты. Однако это скоро прекратилось. Большинство мужчин успело порядочно выпить еще до ужина, и сейчас нескольких бокалов шампанского оказалось достаточно, чтобы гости забыли о виновнице торжества и перешли к теме, которая интересовала их гораздо больше: о последствиях аграрной реформы. Джоанна и сама была бы не прочь принять участие в этом разговоре, но положение молодой хозяйки обязывало, и она вынуждена была слушать краем уха, постоянно отвлекаясь болтовней подруг. К тому же и собеседницы тети Констансии, оживленно обсуждающие последние европейские и американские моды, то и дело обращались к ней за консультацией, очевидно считая ее, только что прилетевшую из Нью-Йорка, вполне компетентным арбитром в этих вопросах.

Самым неприятным было то, что она решительно не знала, о чем можно говорить со своими сверстниками и сверстницами. Девушек интересовал очень своеобразный круг вопросов: что в Нью-Йорке носят, что в Нью-Йорке танцуют, кто собирается

стать очередным мужем Мэрилин Монро и правда ли, что знаменитая За-За Габор подралась с соперницей накануне свадьбы доминиканского миллионера Порфирио Рубироза и присутствовала на торжестве с подбитым глазом. Кое-как удовлетворив их любопытство, Джоанна попыталась перевести разговор на другие рельсы и заговорила о литературе, но потерпела фиаско. На вопрос, кого из современных европейских писателей считает она наиболее интересным, сидящий рядом с ней лицензиат назвал румына Виргила Георгиу, написавшего «Двадцать пятый час» и «Вторую возможность». Изумившись, Джоанна начала горячо спорить. Лицензиат выслушал ее длинную тираду и сказал доверительным шепотом:

— Сеньорита Джоанна, ваши гости скучают...

Джоанна, смутившись, быстро взглянула по сторонам: ее соседи и в самом деле либо сидели со скучными лицами, либо разговаривали о чем-то своем, далеко от литературы.

— Что они понимают! — снисходительно сказал дон Энрике и снова подлил вина в ее бокал. — Выпьем лучше за ваше возвращение на родину.

— В который уже раз, сеньор лисенсиадо? — улыбнулась Джоанна. — Я боюсь шампанского, это самое предательское вино... Но вы правы, за это нельзя не выпить.

— Только до дна!

Джоанна кивнула — в мочке ее маленького уха острыми разноцветными лучами вспыхнула бриллиантовая звездочка — и поднесла бокал к губам.

— Вы знаете, — печально сказала она через минуту, — я боялась не без основания... У меня уже начинает кружиться голова, честное слово. Как хорошо было бы выйти на свежий воздух...

— Это вполне осуществимо, — обрадованно подхватил лицензиат. — Разрешите вас сопровождать? Все равно положенное время за столом мы уже отсидели.

— Да, но... впрочем, господа! — громко сказала Джоанна. — Вы интересовались моей новой маши-

ной? Идемте посмотрим! Здесь становится слишком жарко, хорошо бы проветриться...

Предложение было принято, и молодежь покинула столовую, не обратив на себя внимания старших. Лицензиат с разочарованным видом придерживал Джоанну под локоть, помогая ей спускаться по лестнице террасы. Они шумной гурьбой ввалились в гараж, осмотрели со всех сторон маленький ярко-красный «миджет». Джоанна, подобрав платье, забралась в кабину, включила мотор и с минуту гоняла его на больших и малых оборотах, наклоня голову и прислушиваясь, не стучат ли клапаны. Клапаны не стучали, и мотор работал как часы, но все начали кашлять от наполнивших гараж выхлопных газов, и забаву пришлось прекратить. Выйдя на воздух, они побродили по парку и вернулись в столовую.

Лицензиат Гарсиа, обиженный уловкой Джоанны, не пожелавшей прогуляться с ним наедине, принялся демонстративно ухаживать за Карменситой Лопес. Остальная молодежь тоже разбилась на пары. Джоанна была очень довольна тем, что ее оставили в покое, но сидела на своем месте с грустным видом. Во-первых, она уже порядочно выпила, а опьянение всегда выражалось у нее в растущей меланхолии; во-вторых, возня с автомобилем напомнила ей о прогулке с Мигелем, которая не состоялась по той простой причине, что Мигель не приехал. Почему не приехал? Обидно и непонятно.

Вздыхнув, она отпила глоток вина и подперла кулаком щеку, покручивая в пальцах тонкую ножку бокала и щурясь на золотистую жидкость, поверхность которой принимала от вращения форму вогнутой линзы.

— Джоанна, — окликнула ее тетя Констансия, — ты не помнишь, в каком журнале мы видели эти очаровательные блузочки с воротничком а-ля Мария Стюарт? Не в «Вог»?

— Не помню, тетя, — лениво отозвалась Джоанна, не меняя позы. — Кажется, в «Севентин»...

Все-таки, наверное, гораздо проще жить на свете, если все интересы сводятся к очаровательным блузоч-

кам с воротничком а-ля Стюарт. Или к флирту, как у Долóрес. Впрочем, это уже зазнайство: думая так, ты этим самым ставишь себя на какую-то высшую ступень по сравнению с остальными. Джоанна вздохнула еще печальнее и, взяв себя в руки, прислушалась к тому, о чем говорилось на мужской половине стола.

Речь там шла о деятельности аграрных синдикатов; Джоанна слушала, внутренне усмехаясь. Гости-плантаторы ругали новое изобретение правительства почем зря. Когда старый дон Тибурсио Орельяна обругал профсоюзное руководство «бандитской шайкой», Джоанна тихонько засмеялась и еще ниже опустила голову; но тут же она насторожилась, услышав вопрос старика, обращенный к падре Фелипе, — какие конкретные меры думают предпринять клерикальные власти с целью обуздать преступную деятельность синдикатов. Ее охватило любопытство, сумеет ли иезуит, поставленный перед необходимостью прямого ответа, вывернуться из деликатного положения.

— Святая церковь, — подумав с минуту, тихо и отчетливо сказал падре Фелипе, — как вы все знаете, под страхом интердикции* запретила католикам вступать в синдикаты, организованные и руководимые атенстами. Более действенные меры являются пока преждевременными.

Джоанна подняла брови. «Более действенные меры»? Однако этот кура высказывается сегодня откровеннее, чем можно было ожидать... Да и вообще, что за нелепость?

— Разрешите задать вам один вопрос, реверендо падре**, — неожиданно для себя громко сказала Джоанна через весь стол; еще за секунду до этого она безуспешно пыталась убедить себя, что вмешиваться не стоит.

К ней сразу обернулись — отец, падре Фелипе, до-

* У католиков временное отлучение от церкви, как мера наказания.

** Уважаемый отец — обращение к католическому священнику в Латинской Америке.

нья Констансия, почти все гости. Вмешательство девушки в мужской разговор было необычным явлением в этом обществе, и за столом сразу стало тихо.

— Я тебя слушаю, дочь моя, — ласково кивнул иезуит.

— Реверендо падре, — так же громко произнесла Джоанна, чувствуя, как вдруг заколотилось сердце, — меня несколько удивляет позиция святой церкви в этом вопросе. Поскольку аграрные синдикаты руководствуются в своей деятельности строго ограниченными целями социального характера, мне кажется, философские убеждения их руководителей, не играют ровно никакой роли. Что же касается этих целей, которые сводятся к поднятию жизненного стандарта основной массы населения Гватемалы, то меня удивляет тот факт, что святая церковь их не разделяет и даже считает нужным им противодействовать — вплоть до угрозы интердикции...

— Джоанна, перестань говорить глупости, — резко сказал дон Индалесио.

Дочь бросила на него быстрый взгляд, отметив заодно выражение ужаса, застывшее на окаменевшем лице тети Констансии, и упрямо продолжала:

— Я всегда считала, реверендо падре, что после опубликования энциклики «Рерум Новарум»* святая церковь изменила свое отношение к социальному прогрессу. В прогивном случае как можно объяснить возникновение христианского социализма?

Прежде чем падре Фелипе успел ответить, донья Констансия встала из-за стола вместе с другими дамами.

— Дружок, — тихо сказала она, подойдя к племяннице и наклонившись над ее ухом, — донья Эльвира и донья Магдалена хотят посмотреть модные журналы, которые ты мне привезла. Идем, дорогая, ты нам их покажешь...

— Вы же отлично знаете, тетя, — громко ответила

* «*Rerum Novarum*» — обнародованная в 1891 году энциклика папы Льва XIII, в которой католическая церковь вынуждена была признать «законность» организованного рабочего движения.

Джоанна, не поддаваясь на уловку, — что они лежат в вашей комнате на столике. А мне их смотреть неинтересно, честное слово... Я ведь уже видела.

Тетя растерянно поморгала накрашенными ресницами и вместе с дамами покинула столовую.

— Простите, реверендо падре, нас прервали, — улыбнулась Джоанна.

— Видишь ли, дочь моя, — сказал иезуит, соединяя концы пальцев, — здесь прежде всего нужно разобраться в самом понятии «социальный прогресс». Церковь одобряет его постольку, поскольку улучшение условий труда и жизни смягчает человеческую душу, делает ее более восприимчивой к добру. Но когда прогресс из средства превращается в цель, в некую самодовлеющую ценность, когда во имя материальных благ из души человека искореняются элементарные правила морали...

— С этим нельзя не согласиться, — невежливо перебила его Джоанна. — За пять лет в Штатах я достаточно насмотрелась на общество, единственным моральным критерием которого является нажива. Но конкретно, реверендо падре, мы говорим о Гватемале. Какую реальную опасность духовного порядка усматриваете вы в том факте, что сегодня покупательная способность нашего народа выросла по сравнению с сорок третьим годом в четыре раза? Или в том, что в девять раз увеличилась сумма ассигнований на народное образование?

С того момента, когда Джоанна очертя голову кинулась в спор, в столовой воцарилось то неловкое и напряженное молчание, которое всегда овладевает обществом, присутствующим при завязке неизбежного скандала. Гости или сидели, не поднимая глаз от тарелок, всем своим видом показывая, что происходящее их не касается, или, напротив, с затаенным любопытством посматривали на дочь хозяина и на иезуита. Одна только Долорес Кинтана, ничего не заметив, продолжала оживленно рассказывать что-то своему соседу; тот, напряженно выпрямившись, слушал ее болтовню и то и дело бросал быстрые взгляды на Джоанну.

Когда та задала иезуиту свой последний вопрос, старый Орельяна возмущенно фыркнул и что-то невнятно пробормотал. Дон Индалесио, сидевший с багровыми пятнами на скулах, мрачно посмотрел на него исподлобья и еще резче забарабанил по столу короткими волосатыми пальцами. Сидящий рядом с ним падре Фелипе, от которого не укрылся этот взгляд, успокаивающим жестом прикоснулся к руке Монсона и через стол кротко улыбнулся Джоанне.

— Чтобы судить о возможных последствиях процесса, протекающего в нашей стране, необходимо прежде всего детально ознакомиться со всеми его симптомами. А тебе ведь известны далеко не все факты, дочь моя...

— Мне известно то, что в сорок третьем году жалование народного учителя было меньше месячной суммы, полагающейся на содержание генеральской лошади, реверендо падре! И что пеон, получающий сейчас доллар в день, получал в то время двадцать пять центов. По-вашему, этих фактов недостаточно?

— О нет, дочь моя, — покачал головой иезуит, — эти факты еще ни о чем не говорят... Ты только что упомянула о Соединенных Штатах, и я хочу задать тебе один вопрос. Общий жизненный стандарт населения Штатов выше или ниже, чем у нас?

— Безусловно выше, — вызываяще ответила Джоанна, не заметив ловушки. — Мы слишком долго были экономической колонией, реверендо падре. В Римской империи жизненный стандарт римлян тоже был выше жизненного стандарта покоренных стран...

— В данном случае речь идет не об этом. Я хочу сказать, что Штаты достигли более высокого уровня экономического прогресса. А считаешь ли ты, что вместе с этим они стали государством, которое можно назвать морально здоровым?

— Нет, но...

Иезуит великодушно помолчал, предоставляя оппонентке возможность обдумать ответ, и продолжал:

— В том-то и дело, дочь моя, что страна может погибнуть духовно, процветая в то же время эконо-

мически. И твои примеры с пеолами и учителями во все не свидетельствуют о том, что у нас все обстоит благополучно. Ты еще слишком молода, дочь моя... Кроме того, ты только вчера вернулась в страну. Это слишком короткий срок для того, чтобы правильно понять все, что здесь происходит. Поживи, осмотрись, и ты сама поймешь ошибочность своих преждевременных суждений...

Джоанна сидела, кусая губы. Ловко он ее поддел, ничего не скажешь!

— Надеюсь, это послужит тебе уроком, — сурово заметил отец, — и отучит от споров о вещах, в которых ты не разбираешься.

— Не огорчайтесь, дон Индалесио, — вкрадчиво сказал падре Фелипе, — ваша дочь просто заблуждается, это ведь свойственно юности. Кто из нас не заблуждался в свое время?

— Это не аргумент, реверендо падре! — вспыхнула Джоанна. — В любом споре каждый из противников считает другого заблуждающимся...

Иезуит вздохнул.

— Ну, если ты, дочь моя, в свои двадцать три года можешь считать себя единственно правой, а заблуждающимися всех остальных — твоего отца, всех его уважаемых друзей, которых ты видишь за этим столом, то... — Он театральным жестом развел рукава сутаны и склонил голову набок. — ...То где же тогда скромность, первая добродетель всякой молодой девушки?

Леокадия Ордоньо коротко рассмеялась и метнула на Джоанну злорадный взгляд. Вот именно, где же скромность? Так ей и надо, этой гордячке Монсон, за смазливую рожицу, за богатство, за университетский диплом с отличием, за вечерний туалет от Сакса...

— Простите ее, падре, — хмуро сказал дон Индалесио. — Джоанна, еще раз прошу тебя прекратить этот спор. Выпьем, друзья!

Джоанна чувствовала, что готова расплакаться от досады. Как она позволила себе ввязаться в спор? Девчонка, просто девчонка! Вполне заслужившая, чтобы ее высекли. В другой раз будете умнее, мисс

Монсон... если вы вообще способны когда-нибудь помнеть.

Высокий растрепанный человек поднялся за столом и, пошатываясь, высоко поднял бокал.

— Здоровье и деньги! — провозгласил он хриплым голосом старого алкоголика. — И время, чтобы ими пользоваться! У нас-то его уже не так много, а вот у нее...

Расплескивая вино, он ткнул бокалом в направлении Джоанны.

— У нее, говорю, все впереди: Салюд, Хуанита!

Джоанна благодарно улыбнулась, в свою очередь подняв бокал и прикоснувшись губами к его краю. Ей было очень приятно, что дон Руфино Кабрера назвал ее по-испански, как всегда называла няня, старая негритянка Селестина, до самой смерти так и не сумевшая привыкнуть к иностранному имени своей воспитанницы.

Дон Руфино одним махом опорожнил бокал и, опираясь на широко расставленные руки, нагнулся и подмигнул иезуиту.

— А ведь Хуанита во многом права, святой отец! И знаете, в чем именно? Я не имею в виду ее оценку деятельности Арбенса — плохи или хороши его реформы... Все это относительно — хорошо для нас, плохо для индейцев, хорошо для индейцев, плохо для нас... И так во всем. Нет никакого объективного добра, никакого объективного зла. Все относительно, как говорит дон Альберто Эйнштейн. Да, так о чем это я...

Он замолчал под ироническими и недоумевающими взглядами сидящих за столом, потирая лоб ладонью.

— О моей правоте, дон Руфино, — громко сказала Джоанна.

— Именно! — обрадовался тот, оборачиваясь к ней. — Ты, Хуанита, права в том, что смотришь вперед, а не назад. Улавливаешь мою мысль?

— Кажется, — улыбнулась она.

— Тот, кто смотрит вперед, всегда оказывается прав перед историей. Как Галилей, помнишь? Ты

только не загордись! — закричал он вдруг, грозя ей пальцем. — Какой из тебя Галилей, еще чего! Это я так, к примеру... А тот, кто идет по жизни, глядя назад, рано или поздно треснется затылком об стенку...

Гости, которым наскучила болтовня дон Руфино, начали громко переговариваться.

— Сядь, Руфино! — резко окликнул Монсон. — Ты слишком много выпил, старина.

— Кто, я? — возмутился тот. — Я здесь трезвее всех вас; за исключением Хуаниты! Я, пропивший на своем веку две плантации и сейчас пропивающий третью, я здесь самый трезвый, Индалесио. А если я пьян, а вы трезвы, то тем хуже для вас! Слышите, вы! — Дон Руфино с размаху ударил по столу кулаком. — Если то, что вы здесь затеваете, задумано вами на трезвую голову, то вы самые безнадежные идиоты! Прошое не возвращается, его не вернешь даже с помощью тех пулеметов, что каждую ночь валяются нам на головы... как манна небесная, ха-ха-ха, на парашютах «мэйд ин Ю-Эс-Эй»...

Удар тишины заставил Джоанну насторожиться, иначе она, возможно, и не придавала бы никакого значения последним словам сильно подвыпившего дон Руфино. Вскинув голову, она успела заметить, как некоторые из гостей обменялись быстрыми взглядами, и ничто так красноречиво не свидетельствовало о важности случившегося, как это свинцовое молчание, мгновенно нависшее над столом — над окаменевшими лицами, над теплым блеском серебра, над букетами орхидей, холодно и безучастно сияющими своей снежной белизной среди бутылок и недопитых бокалов. Что он сказал? Пулеметы на парашютах?

Чувствуя, что делает еще большую бестактность и окончательно расписывается в неумении вести себя в обществе, Джоанна подалась вперед и звонко спросила через весь стол:

— Какие пулеметы? Что вы хотите сказать, дон Руфино?

— Брось, забудь об этом, — неожиданно вяло ответил тот, встав из-за стола и неверными шагами

направляясь к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся к Джоанне, провожавшей его тревожным взглядом, и вдруг крикнул с яростью:

— Забудь об этом, тебе говорят! Какое тебе дело?! Не лезь куда не следует, черт побери!

Джоанна, ничего не понимая, пожала плечами и осталась сидеть с недоумевающим видом.

— Неумеренное потребление алкоголя приводит иногда к навязчивым идеям, — мягко объяснил падре Фелипе, вертя в пальцах серебряный десертный ножичек. — Наш уважаемый друг уже не в первый раз заговаривает о парашютах... в подобных обстоятельствах.

Он кротко улыбнулся тонкими губами и через стол одарил Джоанну ласковым взглядом всепрощения.

Гости, как если бы слова иезуита были каким-то сигналом, снова зашумели. «Странно, — подумала Джоанна, — здесь что-то не так...»

— Молодежи предлагаю перейти в мою комнату, — решительно сказала она, отодвигая свое кресло. — Мне надоели эти вечные разговоры о политике... и о пулеметах. Идемте потанцуем, я привезла новые пластинки.

На ее счастье, девушек было больше, чем молодых людей. Протанцевав две самбы с застенчивым сыном управляющего «Грано-де-Оро» и один байон с лицензиатом, Джоанна начала отклонять дальнейшие приглашения, всякий раз указывая многозначительным взглядом на какую-нибудь из девушек, оставшуюся без партнера. Хороший предлог: хозяйка обязана заботиться о том, чтобы ее гости не скучали, — ни одна из них, даже эта зловредная толстуха Леокадия. Сегодня все должны веселиться, кроме нее самой, Джоанны Монсон. В самом деле, странно: ей вовсе не весело на этом празднике, устроенном в честь ее возвращения...

Во-первых, этот совершенно идиотский спор с падре Фелипе. Чего она думала добиться? Разве можно переспорить иезуита!.. Вторая причина, испортившая ей настроение, — общая атмосфера роди-

тельского дома, которую она особенно ярко почувствовала сейчас за столом. Все эти соседи, буквально шипящие от злости на правительство... Все эти разговоры, политические анекдоты... И хуже всего то, что и отец в этом вопросе заодно с ними. Праведное небо, неужели при его доходах он и впрямь может серьезно считать себя разоренным после аграрной реформы?! Нет, с ним нужно поговорить. Это просто недоразумение. Не может же умный человек видеть белое и твердить: «Нет, это черное, черное...»

И, наконец, в-третьих, это несносное молчание Мигеля. Письмо послано с нарочным еще вчера, и до сих пор никакого ответа. А между тем с посыльным они условились, что если он не сможет передать письмо сеньору Асеведо в собственные руки, то привезет его обратно. Письмо не вернулось, следовательно...

Джоанна вздохнула и, лавируя среди танцующих, подошла к столу с прохладительными напитками. Оказавшийся тут же лицензиат предупредительно откупорил бутылку.

— Могу я рассчитывать на следующий танец, сеньорита Джоанна? — спросил он, подавая ей запотевший фужер.

— Простите, я так сегодня устала... — извиняющимся тоном ответила она.

Лицензиат явно обиделся и отошел, отвесив ей церемонный поклон.

«Небо, ну что ему от меня нужно?..» — вздохнула Джоанна. Отпив глоток, она опустила фужер, печально наблюдая за крошечными пузырьками газа, с легким шипением лопающимися на поверхности. Если ответа не будет и завтра утром, значит Мигель ее разлюбил. Вот взял и разлюбил, очень просто! Такие случаи вовсе не редкость. Можно загадать — эта штука скоро выдохнется; я сосчитаю до двадцати пяти и, если после этого пузырьки еще будут подниматься — значит, не разлюбил. А если не будут — значит, разлюбил. Впрочем, это совершенно невозможно. Мигель не разлюбит. А вдруг? Нет, никаких «вдруг». Десять секунд уже прошло — значит, один-

надцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

— Джо, там тебя спрашивают, — окликнула ее Долорес Кинтана, на секунду останавливаясь рядом вместе со своим партнером.

— Минутку, я занята... Кто спрашивает?

— Горничная, что ли! — крикнула Долорес из-за плеча заслонившей ее другой пары. — Там, в коридоре!

Джоанна еще раз взглянула на свой фужер — пузырьки продолжали лопаться — и стала пробираться к дверям.

— Вас на кухне хочет видеть водопроводчик, — таинственно объявила горничная, молоденькая смешливая мулатка.

— Водопроводчик? — Джоанна вскинула брови. — Меня? Хосефа, опомнись!

— Водопроводчик из Коатльепанго, — подтвердила Хосефа, — он сегодня у нас работал, а сейчас уезжает и вспомнил, что ему что-то поручали вам передать.

Джоанна ахнула и помчалась по коридору, шумя платьем.

— Здесь работает водопроводчик? — спросила она прерывающимся голосом, влетев в кухню. — Вы его не видели, Патрисиа?

— Я здесь, сеньорита, — отозвался из угла мужской голос. — Добрый вечер.

— О, — смутилась Джоанна, быстро оборачиваясь, — вы здесь... Добрый вечер, сеньор! Вы хотели что-то мне передать?

Человек в синем комбинезоне поставил на пол пальную лампу и выпрямился, вытирая руки ветошью.

— Хотел, — улыбнулся он, — да чуть было не забл. Вы уж простите, я еще днем должен был отдать, да закрутился тут с работой, совсем из головы вылетело...

Он полез в нагрудный карман комбинезона и осторожно — кончиками пальцев, чтобы не испачкать, — извлек оттуда конверт. Джоанна увидела свое имя, написанное знакомым крупным почерком Мигеля.

— Ну, наконец, — вздохнула она с облегчением, — я уже так беспокоилась!

Джоанна вынула из конверта сложенный вчетверо листок бумаги и, одним взглядом пробежав строчки, просияла в улыбке. Потом перечитала записку снова, медленнее.

— Рада познакомиться с вами, сеньор Эрреро, — сказала она, пожимая руку водопроводчику. — Вы можете уделить мне несколько минут?

— Сколько угодно, сеньорита!

— Только пойдете... здесь неудобно. Сюда, пожалуйста...

В маленькой угловой гостиной она предложила ему кресло и сама села напротив.

— Вы не могли бы подождать, я хочу написать ответ сеньору Асеведо...

— Передам, почему же нет, — кивнул сеньор Эрреро. — Мы с ним соседи, я живу прямо против школы.

— Я буду вам очень благодарна... вы курите? — спохватилась она, придвигая к нему шкатулку с сигаретами.

— Спасибо... я уж свои, покрепче... с вашего разрешения.

Джоанна помолчала, не решаясь спросить о Мигеле — о его здоровье, самочувствии и прочем. Повидимому, они с ним приятели, но все же неловко задавать такие вопросы постороннему.

— Я слышала, сеньора Асеведо переводят в столицу, — сказала она тоном обычной салонной болтовни.

— И не говорите, — махнул рукой водопроводчик, — родители наших школьников жаловаться уж хотели. Любят его у нас, очень любят.

— Да, безусловно...

Ей очень захотелось расспросить об этом поподробнее, но она опять подумала, что это не совсем удобно.

— Так я приготовлю письмо, сеньор Эрреро?

— Пишите, пишите, — кивнул тот, благодушно улыбаясь.

— Прошу прощения...

«Мигель, милый, — быстро писала она, присев к столу, — сейчас уже около одиннадцати, и, вообрази, я только сейчас получила твою записку. Представляешь, как я беспокоилась! Мне уже приходили в голову всякие страшные вещи — настолько страшные, что я даже не скажу тебе, что именно. Слушай, я так и подумала, что ты не можешь приехать из-за отца, — я сегодня убедилась в том, какие у него взгляды, и подумала, что он, конечно, не может питать к тебе симпатий. Ты прав, лучше избегать конфликтов, пока это возможно. Я приеду к тебе завтра, машину оставлю на заправочной станции, чтобы не мозолить глаза твоим соседям. Встреть меня там в 9.00. Сегодня у нас столпотворение — празднуют мой приезд. Расскажу много интересного. Целую миллион раз, навсегда твоя Джоанна».

— Вы передадите, не правда ли? — спросила она, вложив записку в конверт и протягивая ее водопроводчику. — Не забудете?

— Будьте покойны. А если и забуду, так дон Мигель сам напомнит. Небось уже сидит у меня, дожидается.

— Конечно, дожидается, — кивнула Джоанна и вдруг забеспокоилась: — А вам еще много работы? Может, вы завтра доделаете?

— Да я уж кончил, — улыбнулся водопроводчик, — сейчас еду. Через полчаса буду дома, у меня мотоцикл. Все будет в порядке.

— Вы, пожалуйста, поосторожнее, — сказала Джоанна, пожимая ему руку, — на мотоцикле ночью опасно... Ну, всего хорошего, до свиданья. Большое спасибо, сеньор.

— Не за что, сеньорита, счастливо оставаться. Письмецо ваше передам, не бойтесь...

Водопроводчик ушел. Джоанна спрятала записку Мигеля за корсаж и направилась к себе, сдерживая желание понестись вприпрыжку и запеть во все горло. Ну вот, теперь все стало на свое место, и даже нелепый спор с иезуитом перестал казаться непростительной глупостью. А Леокадия Ордоньо и все ос-

тальные — ну что же, они вовсе не такие уж плохие люди... Немного отсталые, да, но это от жизни в глуши. Нельзя требовать передовых взглядов от человека, родившегося и выросшего на кофейной плантации, не так ли? Тра-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля... А все-таки она страшно растолстела, эта Леокадия. Настоящая манати *, просто ужас!..

Из открытых дверей на Джоанну обрушились неистовые вопли джаза; стараясь остаться незамеченной, она проскользнула мимо и нос к носу столкнулась с лицензиатом.

— Вы обижаете своих гостей, сеньорита Джоанна, — умоляюще сказал он. — Можно ли быть такой жестокой!..

— Я ходила только распорядиться по хозяйству, не обижайтесь, — быстро сказала Джоанна. — У вас нет сигаретки? Вот спасибо... благодарю вас. Вы уж побудьте с девушками, нельзя оставлять их без партнеров, а я сейчас вернусь.

Гарсиа спрятал портсигар и удалился с кислым видом, а Джоанна вышла на террасу и уселась на широкой каменной балюстраде. Окна ее комнаты в правом крыле дома были открыты настежь, из них падали косые полосы яркого света и лились звуки залихватской песенки, которую голосом кривляющегося мальчишки, мешая английские слова с итальянскими, пела Розмэри Клуни; заглушая радио, время от времени доносились взрывы хохота.

Гости веселятся и без нее — тем лучше. Как не похожа эта молодежь на тех гватемальцев, которые вместе с ней учились в Нью-Йорке! Конечно, и там попадались всякие, но большинство было совсем иными людьми. Они восторженно обсуждали каждую новость с родины, мечтали поскорее начать работать для своей страны. А эти... самая симпатичная из всех — дочь старого Кинтаны, но и она ничем не интересуются, кроме флирта и развлечений...

Джоанна откинулась назад, запрокинув голову и глядя на яркие тропические звезды. Давно она та-

* Местное название морской коровы, ламантина.

ких не видала — низких-низких, словно развешанных по вершинам деревьев. В Штатах звезды не такие, там они мельче и тусклее.

Соединенные Штаты, ночное небо... Ей вдруг вспомнилось что-то очень неприятное. Джоанна нахмурилась. Что-то неприятное, но что именно?..

Ах, да, эти слова дон Руфино: «...каждую ночь валяются нам на головы, на парашютах «made in USA». Если сопоставить эту фразу с реакцией присутствующих, то не нужно быть очень догадливой, чтобы сообразить, в чем дело. Эти люди получают откуда-то оружие. Но от кого? Не из Штатов же оно высылается! Очевидно, тут действует этот эмигрантский предводитель полковник Кастильо, о котором сейчас столько пишут в газетах. Ну хорошо, эмигранты — пусть, но нашим-то плантаторам что нужно? На что они рассчитывают? На восстание? Идиоты, ни один гватемальский президент не пользовался в стране такой популярностью, как дон Хакобо. Однако парашюты с оружием не выдумка. Неужели дело зашло уже так далеко?.. А ее отец? Какое отношение имеет ко всему этому ее отец? Ведь не может же быть...

Из освещенной двери на веранду вышли двое: Долорес Кинтана с кем-то из молодых людей. Не заметив Джоанны, они обнялись и замерли в долгом поцелуе. Оказавшись в глупом положении невольного соглядатая, Джоанна смутилась и уже хотела кашлянуть, чтобы дать знать о своем присутствии, как из комнат кто-то закричал: «Роберто-о, где тебя носит!» — и благопристойность была восстановлена.

— Скорее возвращайся, я подожду здесь, — громко шепнула Долорес. Ее партнер кивнул и скрылся в доме, и тогда Джоанна торжественно откашлялась.

— Это у тебя ловко выходит, — одобрительно сказала она подскочившей от страха подруге. — Как в кино, жаль не было секундомера. Видна хорошая тренировка.

— Это ты, Джо? — испуганно пробормотала Долорес. — О чем ты, я не понимаю...

— О вашем поцелуе, сеньорита, о чем же еще!

— Что ты, я и не думала целоваться...

— Это бывает, — засмеялась Джоанна. — Не думаешь, и вдруг... особенно в такую ночь, правда? Знаешь, как определяет такие штуки юриспруденция? «Преступление, совершенное в состоянии аффекта, без заранее обдуманного намерения». Это обычно служит смягчающим обстоятельством, так что ты не бойся. Иди сюда, я хочу спросить у тебя одну вещь. Да поближе, я не укушу! Слушай, ты больше меня в курсе здешних дел. Ты слышала, что сказал сегодня за столом дон Руфино?

— Он всегда говорит больше всех. А что именно?

— О парашютах слышала?

— О парашютах... — Долорес помолчала, добросовестно стараясь припомнить. — Нет, не слышала. А что он сказал?

— Еще бы ты слышала, — с досадой фыркнула Джоанна, — ты, конечно, была занята подготовкой почвы для очередного необдуманного поцелуя, правда? Он сказал о каком-то оружии, которое якобы каждую ночь сбрасывают на парашютах. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Ах, об этом... — разочарованно протянула Долорес. — Я думала, что-нибудь действительно интересное... Постой, что мне о нем рассказывали, об этом оружии? Да, это Роберто рассказал, по секрету.

— А, да? Что же именно?

— Ну, что его сбрасывают.

— Вот как...

Джоанна задумалась.

— Ну хорошо, а для чего его сбрасывают? И кто?

— Кто, я не знаю, — Долорес пожала плечами, — а сбрасывают для... ну, как это называется, для самообороны. Ты ведь знаешь, что коммунисты будут убивать католиков и землевладельцев?

— Нет, я этого не знаю. Когда?

— В октябре. В день десятилетия октябрьской революции, двадцатого, коммунисты устроят в столице большой народный праздник, и тогда на стадионе католиков и землевладельцев будут бросать

львам. Поэтому люди и вооружаются, чтобы защищать свою жизнь...

— Дурочка! Кто это тебе наговорил?

— Спасибо, — обиделась Долорес, — об этом рассказывал сам падре Теодосио. По-твоему, я дура, если слушаю своего духовника, да?

— Именно поэтому, — подтвердила Джоанна. — А если падре тебе скажет, что коммунисты жарят и едят грудных детей, ты тоже поверишь?

— Нет такого преступления, — твердо сказала Долорес, — на которое не были бы способны враги веры Христовой.

— Амен, — насмешливо кивнула Джоанна. — Жаль, что ты не попала на глаза какому-нибудь врагу веры Христовой, когда лежала в колыбели.

— По-моему, ты сама недалеко от коммунизма, вот что. Леокадия говорит даже, что ты уже записалась в их партию...

— А что, вот возьму и запишусь! Тогда берегись, жарят ведь не только грудных! Ты будешь подана на ближайшем банкете партийного руководства, приготовленная как утка по-руански. Долорес, я заранее облизываюсь.

— С тобой невозможно говорить серьезно! Я лучше пойду потанцую. Послушай, ты не говори о том, что видела, ладно?

— Ладно. А ты не говори, что я расспрашивала тебя про оружие, а то мне придется стыдиться своей неосведомленности. Как-никак журналистка.

— Я не скажу. Это, наверное, интересно — быть журналисткой?.. Ну, я побежала.

В дверях Долорес обернулась и приложила палец к губам.

Джоанна осталась сидеть с задумчивым видом. Вот так штука! Значит, это не просто болтовня. Что они могут затевать, эти «христианские мученики»? Ей очень захотелось рассказать обо всем Мигелю, увидеть его сейчас же, немедленно. Вывести бы потихоньку машину и... Нет, об этом нечего и думать. Придется потерпеть до завтра. Завтра в девять. Только бы водопроводчик не потерял записку...

Она соскочила с парапета, отряхнула платье и направилась в дом. Возле двери в столовую ее оставил нестройный гул возбужденных голосов.

— О какой справедливости вы мне толкуете? — яростно кричал дон Руфино. — Когда это у нас было справедливое правительство, черт бы вас побрал, когда, при каком президенте, я вас спрашиваю? При Хорхе Убико, что ли?

— Руфино, не кричи, тише...

— Мы вас слушаем, падре.

— Ти-ше! — оглушительно закричал кто-то, стуча ребром ножа по тарелке.

— Говоря слово «справедливость», — услышала Джоанна негромкий, но отчетливый голос священника, — мы подразумеваем тот порядок вещей, который существует на земле уже две тысячи лет, который создан не нами и который мы никому не позволим менять. Особенно если то, что нам навязывают взамен, является продуктом материалистической ереси коммунизма. Полагаю, я высказываюсь достаточно ясно? Этот порядок уже десять лет систематически и нагло попирается нашим тоталитарным правительством...

— Еще бы! — хрипло захохотал дон Руфино, перебивая отца Фелипе. — Еще бы! Признайтесь, падре, сколько тычонок вы потеряли на экспроприации церковных земель, э?

— Сын мой, — елейным голосом отозвался тот, — христианский долг повелевает мне оставить без внимания ваши недостойные намеки, тем более что...

Джоанна отошла от двери. «Противный иезуит, — подумала она, направляясь к себе, — послушать его, так и в самом деле пожалеешь о временах Нерона...»

Вздохнув, она повернула дверную ручку и снова очутилась среди шума голосов, смеха и раздерганной, лязгающей музыки.

— Прошу прощения, господа, я немного посидела на воздухе, голова что-то заболела... Нет-нет, сейчас уже все в порядке, спасибо...

Заметив Долорес среди танцующих, Джоанна угрозила ей пальцем и многозначительно улыбнулась.

Далеко за полночь, когда в доме, наконец, все затихло, донья Констансия вошла в комнату племянницы. Джоанна, уже в пижаме, сидела на полу возле открытой радиолы, скрестив по-турецки ноги, и рассеянно перебирала пластинки. Увидев тетку, она улыбнулась и сняла с диска лапу проигрывателя, оборвав какую-то печальную мелодию. Донья Констансия, плотнее запахнув цветастый халат, удобно расположилась в кресле и открыла принесенную с собой баночку козьего крема.

— Ты очень устала сегодня, дорогая? — спросила она томным голосом, быстрыми движениями распределяя мазки крема по своему лицу. — Я, признаться, безумно... Все эти приемы так утомляют... Особенно, когда хочешь, чтобы все было *comme il faut*... * Чему ты смеешься?

— Вашей боевой раскраске, тетя! Вот увидите, я когда-нибудь исподтишка сфотографирую вас во время вечернего туалета. Seriously, эти белые мазки выглядят просто феноменально при вашей смуглой коже...

— Побольше почтительности к старшим, Джоанна, прошу тебя. И вообще не злорадствуй. Через несколько лет тебе придется так же внимательно следить за своим лицом... если не захочешь превратиться в обезьяну.

Донья Констансия строго взглянула на племянницу и принялась за процедуру втирания крема, концами пальцев легонько и быстро похлопывая себя под глазами и на висках.

— Ты не догадываешься, зачем я пришла?

— Надо полагать, пожелать мне спокойной ночи?

— Это само собой. Кроме этого, я пришла сделать тебе замечание. И предупредить тебя.

— За что и о чем? — быстро спросила Джоанна, притворяясь непонимающей.

— За твое поведение, дорогая. Помилуй, ты совершенно разучилась себя вести... в этом Нью-Йорке! Я всегда говорила твоему отцу: «Индалесиво! Поду-

* *Comme il faut* (фр.) — как полагается.

май десять раз, прежде чем послать девочку в этот ужасный город». И вот результат. Он по обыкновению не послушал — и вот, повторяю, результат.

— Да, но...

— Не перебивай старших.

Дочь Констансия достала из кармана халата маленькое зеркальце и, вскинув брови, внимательно оглядела себя, поворачивая голову вправо и влево; лицо ее сразу приняло птичье выражение, которое часто появляется у женщин перед зеркалом. «Это нужно учесть, — обеспокоенно подумала Джоанна, наблюдая за теткой. — Неужели и я перед зеркалом выгляжу такой же глупой?»

— Я буквально сгорала от стыда за тебя, дорогая, — продолжала та, — когда ты говорила за столом с падре Фелипе. Кто тебя учил разговаривать со священником, как равная с равным? И потом эти ужасные идеи, которые ты высказывала...

— Объясните мне, тетя, почему вы находите их ужасными, — почтительно сказала Джоанна. — Я буду очень рада, если вы убедите меня в ошибочности моих политических взглядов.

— Не говори мне о политике, — отмахнулась донья Констансия, — я ничего в ней не понимаю и понимать не хвчу. Но твои взгляды ужасны, ужасны, ужасны! Я сказала твоему отцу: «Индалесио! Не сердись на девочку. Это виновато ужасное нью-йоркское воспитание, которое она получила по твоей, да, именно по твоей вине...»

Джоанна быстро взглянула на тетку и, опустив голову, погладила пушистый ворс ковра.

— А... он сердился?

Донья Констансия спрятала зеркальце и кончиками пальцев забарабанила по своему лицу с виртуозной быстротой.

— Сердился ли он? Это не то слово, дорогая, не то слово. Он внутренне кипел, понимаешь, именно кипел... уж поверь — кому, как не мне, знать приметы его настроения... Твой отец кипел, Джоанна, я сразу поняла это по движениям его рук. После ужина я улучила минуту и уговорила его отложить раз-

говор с тобой на завтра. Ну, а за ночь он успокоится. Ты согласишься, что я оказала тебе немалую услугу?

— Безусловно, — тихо ответила Джоанна. Отец вспыльчив до бешенства, она знает это очень хорошо. Да, сегодняшнее ее поведение было непростительной глупостью.

— Ну, вот. Одним словом, я сделала все, что могла, — торжественно объявила донья Констанция, — а остальное зависит от тебя самой. Обдумай за ночь свое поведение, признай собственную неправоту и утром скажи отцу, что раскаялась. Надеюсь, у тебя хватит здравого смысла и рассудительности. Ну, спокойной ночи, дорогая. Нет-нет, не целуй меня, ты же видишь, я уже в маске. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, тетя...

Джоанна постояла, глядя на дверь, за которой скрылась тетка, потом прошла по комнате и села на прежнее место, поджав под себя ноги. Опустив голову, она сдвинула брови и снова принялась поглаживать ладонью ковер. Сейчас ей больше чем когда-либо хотелось увидиться с Мигелем.

ГЛАВА 4

В темноте скрипнула калитка, раздался хруст шагов по дорожке.

— Дон Мигель? — спросила сидящая на пороге женщина.

— Он самый. Добрый вечер, донья Химена. Еще не вернулся?

— Да нет еще, — словоохотливо заговорила женщина, — ума не приложу, куда он запропастился; и ужин давно простыл, а его все нет и нет. Садитесь, дон Мигель, подождите, он с минуты на минуту должен приехать. Расскажите, какие новости, — вы ведь газету получаете...

Пришедший опустил рядом на камень и закурил. Быстрый огонек на мгновение осветил расстег-

нутый ворот белой рубахи и худощавое молодое лицо с едва заметными индейскими чертами.

— Какие же новости вам рассказать, донья Химена? — сказал он, затянувшись дымом. — Вот скоро приезжает новый учитель...

— Ты, может, все-таки нас познакомишь, сестренка? — спросил из темноты посмеивающийся мужской голос.

Дон Мигель удивленно оглянулся, донья Химена ахнула и засмеялась.

— Ох, правда, я про тебя и забыла! Это мой брат Аугусто, сегодня приехал из Пуэрто-Барриос, познакомьтесь... А про дону Мигеля я тебе уже рассказывала.

— Положим, про дону Мигеля мне рассказывала не только ты, — сказал незнакомец, подходя ближе и подавая руку учителю. — Рад познакомиться, сеньор маэстро.

— Очень приятно, — ответил тот. — Кто же это вам про меня рассказывал, если не секрет?

Из открытой двери послышался сонный голос ребенка: «Мами-та-а!..» Донья Химена встала и, неслышно ступая босыми ногами, вошла в дом.

— Кто рассказывал? — переспросил дон Аугусто, усаживаясь рядом с Мигелем. — А один наш общий знакомый, скажем так. В профсоюзном руководстве Пуэрто-Барриос у вас нет никого из приятелей? Не припомните?

— В профсоюзном руководстве... Вообще-то у меня много приятелей из синдикалистов, но вот в Пуэрто-Барриос...

Мигель недоумевающе пожал плечами и затоптал окурки.

— Ну ладно, не ломайте голову, все равно не догадаетесь. Шлет вам большой привет дон Эрнандо Ортис. Помните такого?

— Ну как же! — воскликнул Мигель. — Дон Эрнандо, ну еще бы! Он сейчас там?

— Ага. Заправляет синдикатом портовых рабочих. Вы с ним давно знакомы?

— Целую вечность, каррамба! Точнее, еще со студенческих времен. Я ведь через него и вступил в ГПТ*, он, собственно, был моим «крестным». Ну, как он сейчас, дон Аугусто? Очень постарел?

— Да я бы не сказал... Ну, седина сединой, но по части энергии он, пожалуй, любого из нас оставит на два корпуса. Просил передать привет и сказать, что на днях непременно напишет.

— Я сам напишу ему завтра же, — кивнул Мигель. — Вот не знал, что он перебрался в атлантическую зону... Адрес его у вас есть?

— Так я сам могу отвезти, вернее будет.

— А вы сюда ненадолго?

— Нет, я всего на пару дней заехал по пути — своих повидать. Я там в порту работаю, машинистом.

— Вот как... Ну, тем лучше, письмо я вам завтра приготовлю. Ну, а как у вас там?

Мигель повернул голову и посмотрел на едва различимый в темноте силуэт собеседника. Дон Аугусто пожал плечами.

— Э, как всюду... более или менее. Вообще-то неспокойно.

— Да, это сейчас везде, — задумчиво сказал Мигель, потирая подбородок. — Но так, определенного ничего?

Дон Аугусто пошевелился в темноте, поднял что-то с земли и, судя по звуку, стал медленно ломать сухой прутик.

— Да как сказать... — отозвался он не сразу. — Дон Эрнандо, тот смотрит на дело мрачно. Вы когда будете ему писать, не забудьте рассказать про здешнюю обстановку. Он очень этим интересовался.

— Обстановка здесь довольно скверная, — также негромко сказал Мигель. — Вы сами понимаете, плантации...

— Ну, понятно. Ортиса это и беспокоит. Он говорил мне, что предпочел бы видеть вас где-нибудь

* Гватемальская партия труда — официальное наименование Гватемальской компартии в 1954 году.

в другом месте... не в департаменте Эскинтла. Небось на финках кругом одна сволочь?

— Да, я из плантаторов не знаю ни одного, кто не держал бы камня за пазухой. — Он подумал о Джоанне и украдкой взглянул на светящиеся стрелки часов, досадуя на опоздание Доминго. Потом усмехнулся: — Мне-то, в случае чего, была бы крышка в первую голову, это наверняка.

— Как члену партии?

— Не только. Я в прошлом году работал в Комитете аграрной реформы...

— А, — понимающе сказал дон Аугусто. — Я слышал, вас отсюда переводят?

— Да, в столицу, — почему-то неохотно ответил Мигель. Странное чувство какой-то неловкости на мгновение овладело им; он понял вдруг, что стыдится своего предстоящего отъезда. Покинуть «кофейные земли» в такой напряженный момент — почти дезертирство. В Гватемале последние десять лет именно народный учитель являлся обычно проповедником и представителем новых идей демократического правительства. А теперь, когда над страной нависла такая угроза, может ли он оставить на произвол судьбы тех, кого учил? «Но, черт возьми, я ведь не просил об этом переводе, — возразил он сам себе. — А отказываться от более ответственной работы из-за каких-то слухов, из-за опасений тоже было бы нелепо...»

Дон Аугусто спросил:

— Вы сами из столицы?

— Нет, я там только учился. Я из Чамперико. В столицу мы с матерью перебрались после гибели отца. Он участвовал в заговоре тридцать четвертого года, его убили во время сентябрьской резни... после того как полковник Родриго Ансуэта предал движение. Помните?

— Помню. А в партии давно?

— С сорок девятого.

— Ясно.

Дон Аугусто снова помолчал, потом спросил как бы между прочим:

— Химена мне говорила, что вы хорошо знакомы с дочкой Монсона?

— Знаком, — не сразу ответил Мигель. — Она хорошая девушка. Не то, что папаша.

— Вот насчет папаша... Дон Эрнандо просил вам передать, что о нем ходят скверные слухи, об этом сеньоре.

— Знаю. Кому знать, как не мне! А что именно?

— Ну, что от него можно ждать любой пакости.

— Знаю, — подтвердил Мигель. — Но я знаю и сеньориту Монсон... не один год.

— Она, кажется, сейчас вернулась из Штатов?

— Да, вчера приехала. — Мигель посмотрел на собеседника. — Вас удивляет, что я с ней хорошо знаком?

— Нет, отчего же! — уклончиво ответил дон Аугусто. — Но вообще-то, знаете, из такой семьи... Тут нужно смотреть в оба.

— Вообще вы правы, но в данном случае нет оснований опасаться.

— Ну, понятно. Если вы знаете сеньориту Монсон не один год, то... Кстати, вы действительно давно с ней познакомились, или это было сказано в переносном смысле?

— Нет, в самом прямом. Мы познакомились в срок восьмом, когда я был на последнем курсе.

— А-а, вот как... Да, это порядочно времени. Целых шесть лет, да-а... А вы, дон Мигель, не пытались отсоветовать девушке учиться в Штатах?

— Пытался, но это решил ее отец.

— Ну да, понятно. Она такая послушная дочь?

Мигель нахмурился, не глядя на собеседника. Что за вопрос, каррамба! Впрочем, нужно понять и то, что со стороны многие вещи выглядят иначе.

— Я понимаю ваше беспокойство, дон Аугусто, но...

— Это не совсем мое беспокойство, дон Мигель.

— Я понимаю. Поэтому я и отвечаю на ваши вопросы, верно? Так вот, относительно Джоанны. Я хочу сказать, сеньориты Монсон... Дело обстоит так.

Я познакомился с нею, когда она кончала колледж. Тогда у нее был только патриотизм — ну, знаете, как бывает у наших подростков, — любимая родина, кетсаль, который не живет в клетке, и так далее. Все это выглядело у нее, конечно, невероятно наивно. В ее коллекции обожаемых национальных героев, например, рядом с Морасаном ухитрился сидеть Руфино Барриос. А начиналась эта коллекция, как полагается, с самого Текум-Умана, так что целый пантеон. Это одно. А второе — у нее был с детства один знакомый, приятель ее отца, который больше всего на свете ненавидел Убико — по каким-то личным мотивам или объективно, не знаю, — и от него она научилась ненавидеть диктатуру. Этот сеньор Кабрера, похоже на то, был для девочки, по существу, первым учителем, своего рода интеллектуальным наставником. Во всяком случае, книги для нее выбирал он. Ну вот... Это в какой-то степени объясняет, почему она так восторженно встретила октябрьскую революцию. По-детски, но восторженно. Ей было тогда тринадцать лет. В конце концов не обязательно нужно родиться в ранчо, чтобы сердцем чувствовать справедливость...

— Конечно, дон Мигель, кто же станет против этого возражать!

— Да... Ну, разумеется, тут уж Руфино Барриос получил отставку, и любимым героем стал профессор дон Хуан Хосе Аревало, — Мигель улыбнулся. — А отец все же оставался отцом, ей понадобилось еще много времени, чтобы с моей помощью разобраться во всем как полагается. Отца она любила да и сейчас любит, надо полагать. Тут уж ничего не поделаешь. И когда он сказал, что посылает ее в Колумбийский университет...

Мигель пожал плечами. Дон Аугусто слушал внимательно, повернув голову.

— Ну, вы сами понимаете, редко какая девушка откажется от возможности учиться за границей. Ей очень хотелось посмотреть Штаты. Я попробовал приводить разные соображения, но, честно говоря, особенно веских у меня не было. И получилось так,

что Нью-Йорк пошел ей на пользу, потому что в университете она сразу оказалась в гуще политической эмиграции: с Кубы, из Никарагуа, из Доминиканской Республики... Так что, вы сами понимаете, Джоанна изучала там не только политэкономию и журналистику. Ну, а коррективы в ее образование вносил уже я.

— Ну, понятно, дон Мигель, на то вы и учитель, э? Так, так... Ну, а с самим Монсоном вам часто приходилось встречаться?

— Нет, редкс. Последний раз в прошлом году, когда отбирали пустующую землю, — усмехнулся Мигель. — Вот от этого типа можно ждать всего...

— Боюсь, что да. Ну ладно, дон Мигель. Мы с вами еще завтра поболтаем, а сейчас я хочу зайти к одному приятелю, пока еще не очень поздно. Чего это Доминго так задержался? Ну, вы подождите, он, наверное, сейчас подъедет...

Дон Аугусто ушел. Мигель посмотрел на часы и закурил новую сигару. Из дома вышла донья Химена и молча села на порог.

— Ваш брат ушел к приятелю, — сказал Мигель. — А муж, видно, вообще решил не возвращаться домой.

— Беда с ним, — вздохнула женщина. — Как начнет работать, хоть за уши оттаскивай. А у вас что с отъездом, дон Мигель?

— Вот приедет новый учитель, сдам ему школу и поеду.

— Уж лучше бы оставались. Какого еще назначат...

— Плохого не назначат, донья Химена, не беспокойтесь. А помните, как ко мне детей боялись посылать?

— Так ведь не знали вас еще, — засмеялась донья Химена. — Теперь-то знаем!

— Вот и того узнаете. А как он будет работать, это и от вас всех зависит. Поверите ему сразу, значит и дело пойдет, а иначе и ему будет трудно. Человеку на новом месте нужно помочь.

— Стойте, — насторожилась донья Химена. — Вроде мой едет! Слышите?

В ночной тишине явственно послышался треск мотоцикла.

— Это он, — кивнул Мигель. — За километр узнать можно. Оштрафуют его когда-нибудь, вот увидите...

Постепенно приближаясь, шум превратился в оглушительную пулеметную трескотню, потом за деревьями мелькнул яркий луч фары, и все стихло. Заскрипела калитка, на дорожке показался силуэт человека, ведущего за руль мотоцикл.

— Наконец-то! — крикнула донья Химена. — Ты бы еще позже!

— А, и учитель здесь! Привет, привет. Как это тебе нравится — работаешь для нее как мул, а она только и знает, что кричать!

— Значит, соскучилась, — засмеялся Мигель. — Привет, Доминго. Что так поздно?

— Сейчас расскажу... Ремонсито спит?

— Спит, — отозвалась жена. — Аугусто приехал, так тебя и не дождался, пошел куда-то. Ужин разогревать?

— Приехал Аугусто, да? А, ну-ну, интересно, что у них там... Как ты сказала — ужин? Разогревай, а как же, поесть-то человеку надо после работы.

— После работы, — фыркнула жена. — Еще неизвестно, чем ты там занимался...

— Это уж ты зря, старуха! Занимался я тем, чем положено.

Доминго присел на порог рядом с женой и закурил.

— У них там на кухне труб что твоя фабрика, тут тебе и горячая вода и холодная, и пар, и чуть ли не сжатый воздух. Ладно. Сломался у них третьего дня кран, так они вызвали какого-то дурня, и он там такого навертел — одним словом, все перепутал, кипяток пустил в трубопровод для холодной, а трубы там свинцовые, ну, их и поразрывало к чертям в десяти местах. А все ведь в стенах, облицовка там кафельная...

Доминго со вкусом затынулся и покрутил головой.

— Пришлось разворотить им полкухни. Зато подработал сегодня — завтра буду лежать кверху пузом и плевать в потолок. Ну, жена, как там насчет ужина?

— Ты бы еще позже явился! Сейчас разогрею, погоди.

Она принялась раздувать огонь в жаровне. Приятно потянуло горьковатым дымком древесного угля.

— А ты опять без глушителя едешь, — сказал Мигель. — Я тебе говорю, нарвешься на штраф.

— А что в нем толку, в глушителе, только мощность снижает. Шум мне нипочем, и так от паяльной лампы голова гудит.

— Да, но другим спать надо... Ну, как там?

— Это где, у Монсонов? Да ничего, полно гостей было, — зевнул Доминго. — Богато, черти, живут! Ты вот послушай, какая у них кухня...

— Ну тебя к дьяволу с твоей кухней! Привез или нет?

— Что это? А-а, письмо... Факт, было письмо, было... Вот если я его только не потерял...

— Слушай, ты!

— Ну-ну, — захохотал Доминго, увернувшись от тумака. — Эк его разобрало, скажите на милость! На, получай свое письмо, вот оно. Доволен?

— Я тебе покажу «доволен»! Ладно, Доминго, я пошел.

— Куда? А ужинать не будешь?

— Да нет, я уже. Пойду, у меня работы много на завтра...

Мигель встал и потянулся, разыгрывая неторопливость.

— До свидания, донья Химена! — крикнул он женщине, продолжавшей хлопотать у жаровни. — Ужинать не зовите, некогда, а муженька своего проберите хорошенько, я вовсе не уверен, что он и в самом деле целый день работал. Доминго, заходи завтра после обеда послушать радио, интересный матч будут транслировать!

— Ладно, может, зайду.

Мигель вышел из калитки и наискось пересекули-

цу, направляясь к одноэтажному зданию школы. Лохматая черная дворняжка встретила его на освещенном крыльце, радушно помахивая хвостом.

— Идем, Чучо, — сказал Мигель, отпирая дверь, — похоже на то, что есть хорошие новости... Входи, входи!

Пес прошмыгнул первым, вскочил в скрипучее плетеное кресло и шумно завозился там, устраиваясь поудобнее.

— Прочь с кресла, — рассеянно сказал Мигель, остановившись посреди комнаты и осторожно вскрывая конверт. — Сколько еще раз тебе, проходимцу, это повторять?

Пес вздохнул, словно обидевшись на «проходимца», но с места не тронулся.

Прочитав первые строчки, Мигель улыбнулся. Продолжая читать, он подошел к койке и присел на ее край. Потом улыбнулся еще шире, опустил письмо и подмигнул псу.

— Слушай, ты, — сказал он, ероша волосы. — Ты понимаешь, что значит «навсегда твоя»?

Чучо вежливо приподнял губу и стукнул хвостом по подлокотнику.

— Не понимаешь? Ладно, придется прочесть тебе все письмо; тогда, может, поймешь.

Мигель стал перечитывать письмо вслух. Пес слушал внимательно, потом заколотил хвостом еще громче и зевнул — нервно, с подвывом.

— Осел и сын осла! — рассердился Мигель. — Все еще не понял? Тогда ступай вон. Ну, живо!

Пес недовольно заворчал.

— Освободи кресло, мне нужно работать! — крикнул Мигель. — Нечего сидеть в кресле и изображать из себя человека, если в голове пусто. Ступай на улицу; Чучо!

Чучо заворчал еще недовольнее.

— Слушай! — насторожившись, громким шепотом сказал вдруг Мигель. — Слышишь, ящерица? Там большая ящерица...

При слове «ящерица» пес сорвался с кресла, а Мигель — с койки, и оба ринулись к выходу.

— Лови ящерицу, держи ее, хватай! — заорал Мигель, ударом ноги распахивая дверь; пес вылетел кубарем и с яростным лаем умчался в темноту.

Взяв с койки письмо, Мигель сел в освободившееся кресло, придвинул его к колченогому столику, заваленному книгами и ученическими тетрадками, и еще раз перечел все — от даты в верхнем углу до знакомого росчерка подписи. Потом достал из ящика небольшой портрет Джоанны в кожаной рамке, поставил его перед собою, прислонив к надбитой пивной кружке с карандашами, и задумался, подперев щеки ладонями.

Чучо за окном продолжал возбужденно лаять, безуспешно разыскивая в кустах свою ящерицу.

— Эй, ты! — крикнул Мигель. — Дурень! Поди сюда, что я тебе расскажу...

ГЛАВА 5

В ту же ночь около одиннадцати старое дребезжащее такси остановилось на углу двух тихих улиц резиденциального пригорода столицы. Перекресток был ярко освещен. Пассажир, сидевший на заднем сиденье, достал бумажник и нагнулся к шоферу.

— Послушай, приятель, сверни-ка, где потемнее, — попросил он, передавая деньги, и хихикнул коротко, немного смущенно. — Когда имеешь дело с замужней сеньорой, приходится соблюдать осторожность... Увидит случайно какой-нибудь сосед, и...

Шофер кивнул понимающе и сочувственно. Машина проползла десяток метров, скрывшись в угольно-черной тени платана; потом снова выбралась на освещенную часть улицы и укатила, лязгая и погромыхивая.

Пассажир докурил сигарету, стоя в тени и нетерпеливо поглядывая на светящиеся стрелки ручных часов. Улица оставалась такой же безлюдной, где-то далеко радио передавало танцевальную музыку, вокруг фонаря бесшумно и исступленно толклись мошки. Заорал вдалеке пьяный, и снова стало тихо, лишь

пролетали, путаясь в темной ночной листве, обрывки синкопированных джазовых ритмов. Грузный человек, ждущий в тени платана, выругался сквозь зубы и закурил вторую сигарету.

Он ждал еще минут десять; потом из-за угла, едва слышно шелестя мотором, неторопливо выплыла низкая черная машина. Человек под платаном бросил сигарету и шагнул на мостовую.

Машина затормозила рядом с ним. Задняя дверца распахнулась, выглянуло лицо в очках.

— Полковник, вы? Прошу садиться, мы опаздываем.

Грузный полковник, сердито сопя, полез внутрь.

— Без вас знаю, что опаздываем, — сказал он недовольным тоном, когда машина тронулась, быстро набирая скорость. — Торчу здесь уже двадцать минут! Вы не могли придумать ничего умнее, как взять машину с номером дипломатического корпуса?..

Сидящий рядом человек в очках принялся что-то объяснять; полковник не слушал его, насупившись, глядел перед собой.

Внутренность машины освещалась через равные промежутки вспышками фонарей. Стало светлей, заиграли разноцветные отблески реклам. Не сбавляя скорости, машина пронеслась через Пласа-де-Армас. Мелькнули часовые у входа в военное министерство. Полковник откинулся в глубь машины, быстрым движением, словно фуражку за козырек, надвинув на глаза шляпу.

Кончились людные кварталы центра. Снова глухие тихие переулки, редкие фонари в густой тени разросшихся деревьев, спящие предместья. За городом в машину ворвался сильный ночной ветер, аромат сосен и альпийских лугов. Полковник посмотрел на часы: время приближалось к полуночи.

Хозяин виллы поднялся из кресла им навстречу.

— Youг Goddamn conspiracy, — сердито сказал полковник вместо приветствия, пожимая ему руку. —

Making me play trick around like a detective — crazy kid... *

— We must take certain measures for the safety sake, dear colonel**, — отозвался хозяин медленным скрипучим голосом. — Кстати, будем говорить по-испански, если вы не возражаете. Мне нужна практика. А насчет «конспирации», ничего не поделаешь, в рискованной игре приходится принимать меры предосторожности, как бы глупо они ни выглядели. Прошу вас, сеньоры.

Полковник грузно опустился в кресло.

— Меры предосторожности... — пророчал он. — Хорошая предосторожность — ехать на такое свидание в машине с дипломатическим номером! Хорошо я был бы, если бы меня задержали в такой машине...

— Ну, не будем преувеличивать. Здесь все же не задерживают пока дипломатов... и не обыскивают их машины. Глоток виски, сеньоры?

Полковник, продолжая хмуриться, взял стакан. Человек в очках отказался, сославшись на жару.

— Разве? — удивился хозяин. — Странно, я нахожу здешние ночи скорее прохладными. Очевидно, сказывается высота. Около шести тысяч футов, если не ошибаюсь? Где у вас по-настоящему жарко, так это на побережье.

— Да, в низкой зоне климат паскудный, — отрывисто сказал полковник, взбалтывая стакан. — Жаль, что действовать придется именно там.

— О, только в первые дни, дорогой полковник, только в первые дни. Ну что ж, раз мы уже заговорили о деле...

— Да, не будем терять времени, — кашлянул человек в очках. — Насколько я понимаю, у вас есть хорошие новости?

Хозяин, занятый раскуриванием сигары, помедлил с ответом. Он ощутил вдруг знакомое чувство отвра-

* Ваша проклятая конспирация... заставляете меня валять дурака, как помешанного на шпионах мальчишку (*неправ. англ.*).

** Приходится принимать известные меры предосторожности, дорогой полковник (*англ.*).

шения к своей работе и к людям, с которыми ему по долгу службы приходится иметь дело. Чувство это в последнее время приходило все чаще и с каждым разом становилось все острее; недавно он даже поймал себя на желании уйти в отставку. Такая возможность, разумеется, была весьма слабой. Вернее, ее не было вообще. Будь он постарше, тогда другое дело. Но в сорок восемь лет правительственный служащий не может взять и уйти в отставку просто так, без веской причины. А вряд ли в Вашингтоне признают веской ту единственную причину, которую может выставить он и которая формулируется как несогласие с тактикой центральноамериканского отдела государственного департамента.

Впрочем, на самом деле это даже сложнее, чем просто «несогласие с тактикой». Тактика определяется стратегией, и нельзя не признать, что в данном случае одно вполне соответствует другому. Стратегия же государственного департамента в целом определяется национальными интересами Штатов. Это аксиома, которую он даже в мыслях не имеет права брать под сомнение. Все это так. Но ему самому от этого нисколько не легче. Ибо он, защищая интересы своей страны, вынужден заниматься делами, от которых попросту смердит.

Он отложил сигару — аромат ее стал вдруг неприятен — и с откровенной насмешкой посмотрел на кабальеро в очках.

— Хорошие новости? — переспросил он. — Well*... Это зависит от того, какие новости являются для вас хорошими, мой сеньор. Если вы имеете в виду начало гражданской войны в вашей стране, то я думаю, что в ближайшие дни вы действительно сможете порадоваться этой... хорошей новости.

— Слышно что-нибудь из Копана? — быстро спросил полковник. — Когда они, наконец, там зашевелиятся, каррамба!

— Они зашевелиятся тогда, когда им прикажут. Не раньше и не позже. Что слышно из Копана, я не

* Well... (англ.) — Ну что же...

знаю, но мне поручено сообщить вам, что операция будет начата раньше, чем предполагали.

— А что случилось? — спросил человек в очках.

— Особенного ничего, — хозяин пожал плечами и снова взялся за сигару. — Просто нельзя больше тянуть с делом, о котором уже орут на всех перекрестках. Беда в том, что наш друг Армас слишком любит рекламу. На этом полушарии не осталось, кажется, ни одной проклятой газеты, которая за последние недели не поместила бы фоторепортажей о его «крестоносцах». Крестоносцы на занятиях, крестоносцы на отдыхе, крестоносцы дефилируют мимо своего вождя и так далее. Вы забываете, что Гальвес не Сомоса. При всей своей терпимости, мягко выражаясь, дон Хуан Мануэль может все же в один прекрасный день возмутиться и положить этому конец. Мне сообщили сегодня, что на столе у Торизельо лежит черновик послания гондурасскому канцлеру с решительным требованием разоружить и интернировать людей Армаса. Вы не хуже меня понимаете элементарную законность этого требования, поэтому нельзя быть уверенным, что оно будет оставлено без внимания. Это одно соображение. Ну, и кроме этого, простое благоразумие подсказывает начать операцию в тот период, когда в Совете Безопасности председательствует мистер Лодж. Говоря иными словами, не позже конца июня.

Человек в очках кивал, слушая хозяина.

— Так, так... я понимаю... Но в таком случае есть ли вообще смысл созывать Консультативное совещание?

— Оно и не будет создано.

— Ах, вообще не будет... Так, так... Позавчера нас несколько обескуражило то, что требование созыва не было представлено в Совет ОАГ. Впрочем, я так и сказал коллегам, что, очевидно, возникли какие-то особые соображения.

— Да. Особые соображения сводятся к тому, что сейчас стало рискованно привлекать к этому делу внимание латиноамериканской общественности.

Благоразумнее просто поставить ее перед fait accompli.

— Перед чем это? — насторожился полковник.

— Перед совершившимся фактом.

— А-а... Что ж, верно! Мы, солдаты, вообще против всех этих дипломатических изворотов, такие вопросы нужно решать силой оружия.

— Безусловно, полковник, — кивнул хозяин и обернулся к человеку в очках: — Вы хотели что-то спросить?

— Да, относительно этого, м-м-м... факта. Когда все же, по вашим предположениям, мы увидим его совершившимся?

— Я сказал, в ближайшие дни. Возможно даже, до конца этой недели. Вы удовлетворены?

Ничего не заметивший полковник хлопнул себя по колену и издал какое-то восклицание, но от человека в очках не укрылась насмешка, почти откровенно прозвучавшая в тоне хозяина.

— Простите, я не совсем понимаю... — начал он обиженно, но хозяин не дал ему кончить фразу.

— Это неважно! — Он поднял ладонь предостерегающим жестом. — Не будем заниматься психологическими наблюдениями, уже поздно. Мистер Перифуа поручил мне встретиться с вами, чтобы окончательно уточнить некоторые детали. Что касается ваших задач, полковник, то часть из них отпадает сама по себе. Армас располагает сейчас такими силами, что непосредственно военные операции, очевидно, будут успешно завершены в пределах сорока восьми часов с момента вторжения. Учтите, однако, что отдельные части вашей армии смогут продолжать сопротивление даже после формальной капитуляции командования...

— Чушь, — сказал полковник, дернув усами.

— Это не «чушь», а вполне реальная возможность, которую мы не имеем права не учитывать, — холодно возразил хозяин. — Поэтому вы, я имею в виду оперативный отдел генштаба, должны позаботиться о том, чтобы все части гватемальской армии, где офицерский состав известен своими симпатиями

к правительству, были с первого часа брошены к границе. Мосты в долине Мотагуа будут подвергнуты бомбежке лишь после того, как все части окажутся на передовых линиях.

— Бред! — крикнул полковник. — Вы отдаете себе отчет в том, что именно они являются самыми боеспособными?

— Совершенно верно. Именно поэтому нужно перемолоть их в первой фазе операции. Вам это ясно? Они будут сопротивляться так или иначе, и если не разгромить их на границе, разнесут ферменты сопротивления по всей стране. А герилья в собственном тылу — это самое страшное, что может встретить Армас после победы. Учтите, его войска состоят из наемников и, следовательно, приспособлены к любому типу войны, кроме партизанской.

Полковник, нервно щелкая зажигалкой, закурил новую сигарету.

— Нелепость! — фыркнул он. — Герилья! Партизаны! Ветряные мельницы! Чего ради мы будем из страха перед завтрашними трудностями создавать себе ненужные трудности сегодня?

— Вы никогда не играли в шахматы?

— Здесь мы не играем, мистер! Здесь дело идет не о каких-нибудь там дипломатических штучках, а об исходе военной операции! Мы сделали все, чтобы именно эти верные правительству части к началу вторжения оказались как можно дальше от гондурасской границы...

— Это было ошибкой, — спокойно сказал хозяин. — Теперь вы ее исправите. Если части дислоцированы слишком далеко на севере, переброску нужно начать немедленно. Завтра же, вернее — сегодня утром, вы доложите военному министру, что в связи с тревожным положением на границе считаете настоятельно необходимым усилить гарнизоны в департаментах Чикимула, Сакапа и Исабаль. Кстати, это дает вам возможность лишний раз выступить в роли патриота, в вашем положении это не лишне. Сколько времени понадобится, чтобы перебросить войска на правый берег Рио-Мотагуа?

— Сейчас трудно сказать, — пробурчал полковник, — несколько дней... Смотря в каком состоянии дороги в горах...

— Одним словом, поторопитесь. Я распоряжусь не бомбить мосты, пока не получу сигнала от вас. Ну что ж... Эта сторона вопроса ясна. Теперь с вами, доктор...

— Я слушаю, — быстро сказал человек в очках.

— С вами мы должны уточнить другую сторону. Задача та же: обеспечить тылы Армии освобождения от возможных партизанских действий сторонников свергнутого режима. Таковыми могут оказаться как военнослужащие, о чем мы только что говорили с полковником, так и гражданские лица. Нужно ожидать, что с началом вторжения левые элементы правительства потребуют вооружить профсоюзы, и население получит в руки оружие.

— Думаю, что нет, — покачал головой человек в очках. — В правительстве имеют влияние не только левые элементы.

— Это мне известно, сеньор, я нахожусь в Гватемале не первую неделю. Вопрос в том, чье влияние перевесит. Синдикаты не должны получить оружие ни в коем случае, — сказал хозяин, подчеркнув интонацией последние слова. — Слышите? Ни в коем случае оружие не должно быть передано гражданским лицам! Это неизмеримо важнее, чем проблема уничтожения верных правительству армейских частей, надеюсь, вы отдаете себе в этом полный отчет. У нас нет оснований сомневаться в успехе вооруженного вторжения, но за успех всего предприятия в целом я не дам и цента, если вы позволите коммунистам вооружить народ. Вы это понимаете?

— Разумеется, разумеется, — закивал человек в очках. — Но даже если это случится...

— Если это случится, — нетерпеливо повышая голос, прервал его хозяин, — вам останется пустить себе пулю в висок или просить убежища за границей. И я не знаю, всякое ли посольство согласится открыть перед вами свои двери. Наше по крайней мере от такого шага воздержится почти наверное, это

я заявляю вам со всей категоричностью. Мы не можем рисковать престижем Соединенных Штатов, укрывая у себя провалившихся заговорщиков. Надеюсь, вас не шокирует откровенность, мы здесь не на посольском рауте.

— Нет-нет, нисколько, — заверил человек в очках. — Я прекрасно все понимаю! Я хотел только сказать, что было бы ошибочно считать весь народ безусловно преданным нынешнему правительству. Подобное мнение распространено, но оно все же несколько преувеличено, поверьте мне...

— Послушайте, доктор! У вас может быть на этот счет свое мнение, у меня свое, но в данном случае ни одно, ни другое не играют ровно никакой роли. Я разговариваю сейчас с вами как официальный представитель тех кругов, которые финансируют и поддерживают ваше предприятие, и вес в данном случае может иметь лишь мнение, принятое упомянутыми кругами. Так вот, ошибочно или нет, но они считают, что гватемальский народ в массе поддерживает режим полковника Арбенса и что в силу этого нельзя ни в коем случае дать народу возможность влиять на ход событий. Операция должна быть проведена, фигурально выражаясь, за спиной народа и так быстро, чтобы он не успел оглянуться. Ясно?

Наступило молчание. Хозяин скользнул взглядом по лицам гостей и отвернулся к окну.

Слуга негр принес кофе. Расставив приборы на низком столике, он опорожнил пепельницы, сменил в вазочке обтаявший лед и вышел, бесшумно ступая на каучуковых подошвах.

— Прошу, — коротко сказал хозяин. Взяв чашечку, он откинулся на спинку кресла, машинальными движениями помешивая густую, почти черную ароматную жидкость.

...Кофе и бананы — богатство этой маленькой страны, ставшее ее проклятием. В сущности, нынешнее правительство — правительство, которому осталось несколько дней жизни, — оно делало все эти годы именно то, что нужно для Гватемалы. Точно так же, как вашингтонское делает то, что нужно для Штатов.

— Кстати, по поводу оружия, — сказал хозяин, допив свой кофе. — Представители гражданской оппозиции в департаментах Эскинтла и Альта-Верapas жалуются на недостаточность парашютных забросок. Я не знаю, что у вас там происходит, но мы не можем тратить сотни тысяч долларов на посылки, которые не доходят по назначению. В газетах чуть ли не каждый день сообщается о находках оружия, которое крестьяне сдают властям. Вы уверены, что они сдают все найденное? Или в конечном итоге окажется, что все эти месяцы мы вооружали индейцев?

— Я не думаю, — сказал человек в очках. — Индейцы не любят иметь дело с оружием, едва ли они станут его прятать.

— Что значит «не думаю»? Что значит «едва ли»? Игра слишком серьезна, сеньор, чтобы мы могли позволять себе догадки и предположения! Вам уже тысячу раз указывалось на необходимость наладить безотказную службу наведения и сигнализации, были заброшены ультракоротковолновые рации для двусторонней связи с самолетами. Где эта служба наведения? В каком веке живут ваши плантаторы, черт бы их побрал? Или они ждут, что пеоны будут сами разыскивать сброшенное оружие и сносить его своим добрым господам? Так продолжаться не может. Вы забываете, что это оружие куплено на деньги наших налогоплательщиков!

— Я всегда говорил, что со штатскими лучше не связываться, — проворчал полковник, наливая себе новую порцию виски. — Напрасная трата сил и времени. Так или иначе, а все решает армия, и нечего всяким адвокатам путаться у нее под ногами.

— То-то она «все решила» в октябре сорок четвертого! — злобно огрызнулся человек в очках. — Как будто не офицеры вручили власть доктору Аревало!

Полковник побагровел.

— И вы еще обвиняете армию в октябрьских событиях! Какие это офицеры привели к власти Аревало? Такие, как Арбенс? Это шлаки в мундирах,

а не офицеры! Ясно вам? Переворот сделали штатские, штатские, независимо от того, как они были в тот момент одеты!

— А что же тогда делали настоящие офицеры? — взвизгнул человек в очках. — Где же была в тот момент гватемальская армия и ее доблестный офицерский корпус?

— Господа, господа, — вмешался хозяин, — сейчас не время для исторических споров. Прошу вас, успокойтесь...

Но его уже не слушали.

— Да как вы смеете! — ревел полковник. — Я не потерплю, чтобы в моем присутствии...

— Вы уже десять лет терпите у себя в стране красную диктатуру! Вы, армия, у которой в руках оружие! Все вы становитесь героями за бутылкой виски...

— Господа! — хозяин повысил тон, стараясь перекричать спорящих. — Господа, вы не в своем уме!

— Он еще смеет обвинять армию в десятилетнем терпении! А кто, как не офицерский корпус, устраивал заговоры все эти годы? И кто их проваливал, как не шпаки? Мы бы уже год назад расстреляли Арбенса со всем его кабинетом, если бы не кретинизм этих сукиных сынов идиотов Бельтранена и Камачо Лаббэ, которые завалили связь с Гондурасом! Лиценциаты! Муниципальные советники! В заднице последнего из моих капралов больше сообразительности, чем в головах у этих тупиц с университетскими дипломами!

— Кабальерос, вы забываетесь! — крикнул хозяин, ударив по столу ладонью. — Прошу немедленно прекратить, мы собрались не для того, чтобы учиться казарменному остроумию! Полковник и вы, доктор, вы служите сейчас общему благородному делу свободы и хотя бы ради него забудьте свои разногласия. Если армия и общественность не сумеют найти общий язык сейчас, перед лицом общего врага, то как же вы предполагаете сотрудничать в дальнейшем, когда перед вами возникнут более сложные задачи?

Спорщики замолчали, угрюмо насупившись и не глядя друг на друга. Выдержав паузу, хозяин про-

должал уже своим обычным, медленным и бесстрастным голосом:

— Итак, мы говорили относительно парашютных забросок оружия в районы сосредоточения гражданской оппозиции. К сожалению, об увеличении масштабов этих забросок думать сейчас не приходится, и по двум причинам. О первой я уже сказал — парашютированное оружие слишком часто попадает в руки властей и представляет собою напрасную трату средств. Средства у нас широки, но, господа, было бы ошибкой считать их неисчерпаемыми. Это я прошу вас учесть со всею серьезностью. Вторая причина — у нас уже нет времени. Сразу же с началом операции, очевидно, парашютирование прекратится вообще, так как забрасывать оружие в страну, охваченную гражданской войной, значило бы вооружать население, то есть делать именно то, от чего я с такой настойчивостью вас предостерегаю. Оружие будет сбрасываться лишь небольшими партиями на пути продвижения отрядов Армаса, но это будет оружие исключительно советского производства и практически негодное, без боеприпасов к нему. Что же касается господ «финкерос», могу сказать одно: если они до сих пор не сумели проглотить то, что само падало им в рот, пусть выходят из положения, как знают. Оружие, которое они прозевали, лежит в правительственных арсеналах. Пусть берут его оттуда, как только наступит «час Ч»*. Ничего более легкого я посоветовать не могу. Есть вопросы?

— Только один, — сказал человек в очках. — Если вторжение начнется не так успешно, как мы ожидаем, а гражданская оппозиция тем временем выступит и полностью себя обнаружит...

Хозяин не дал ему договорить и поднялся из кресла.

— Я вас понял! Не беспокойтесь на этот счет. Когда не срабатывает одно устройство, автоматически включается второе. Но говорить об этом пока

* «Hour H» — в англо-американской военной терминологии условный час начала атаки.

рано, у нас нет никаких оснований для пессимизма. Не правда ли, полковник?

— Я уверен, что мы раздавим эту сволочь в одни сутки, — проворчал тот, тоже вставая. — Я знаю Карлоса, его можно назвать кем угодно, но только не слюнязем. В случае необходимости он не остановится перед тем, чтобы послать самолеты выбомбить Арбенса из президентского кресла... хотя бы для этого пришлось раздолбать в щебень полстолицы.

— Вот речь воина, — улыбнулся хозяин. — Но вы, доктор, не принимайте ее всерьез и не тревожьтесь за столицу и ее мирное население. Я уверен, что до такой крайности дело не дойдет... Я совершенно в этом уверен! Поверьте мне, что если только дон Хакобо Арбенс Гусман окажется перед дилеммой: сложить с себя президентские полномочия или обречь столицу на разрушение, он выберет первое. Несмотря на то, что он предает страну коммунистам и так далее и тому подобное... Поверьте мне.

— Это возможно, — кивнул полковник, одергивая пиджак, словно это был китель. — Я вам уже сказал, в глубине души этот мерзавец был и остается шпаком. Наложит в штаны при первом выстреле этот ваш дон Хакобо Арбенс Гусман. Итак, разрешите откланяться, если, как я понимаю, с делами покончено. Время позднее.

Улыбающийся хозяин проводил гостей до двери.

— Господа, надеюсь, разговор оказался одинаково полезен для всех нас. Мне было отраднее накануне решающего часа еще раз убедиться в нашем взаимопонимании и готовности к сотрудничеству... — Продолжая говорить, он позвонил. Неслышно появился тот же негр. — *Gentlemen are leaving*, — сказал хозяин, не оборачиваясь. — *Call the car, please* *.

— *Yessir* **, — негр поклонился и исчез так же бесшумно.

— В следующий раз вы все же присылайте дру-

* — Джентльмены уезжают... вызовите машину (англ.).

** — Да, сэръ (англ.).

гую машину, — сказал полковник, — как хотите, а эта мне не по душе.

— «Следующий раз» будет уже после победы, — улыбнулся хозяин. — Никак не раньше. Но тогда мы можем проехать с вами в открытом «конвертибле» через всю столицу, и вы будете в мундире и при всех орденах. А, полковник? И прелестные черноглазые сеньориты будут улыбаться вам с балконов и бросать белые орхидеи.

— Да, девки победителей любят, — полковник подмигнул и выпятил грудь. — А знаете, это вы и в самом деле здорово придумали — насчет передислокации. Я немедленно доложу об этом министру, это действительно идея! И главное, я же окажусь в роли самого бдительного из его сотрудников, ха-ха-ха-ха!

— Разумеется. Как только станет известно о вторжении, вы ворветесь к нему и крикнете: «Разве я не предупреждал?» Это обеспечит вам свободу действий в первые дни. Вам будут верить, как никому! — хозяин поднял палец и тут же обернулся к человеку в очках. — Доктор, связь со мной поддерживайте по тем же каналам. Договорились? Итак, кабальерос, good luck! *

ГЛАВА 6

Отец, по-видимому, уже уехал по каким-то своим делам, тетя Констанция еще спала. Большая столовая, сумрачная от разросшихся под окнами тамариндов, была наполнена недолгой утренней прохладой и разноголосым щебетом птиц.

Джоанна развернула на коленях хрустящую от крахмала салфетку, придвинула вазочку с вложенной в нее половинкой грейпфрута и принялась скоблить ложкой прохладную, горьковато-кислую мякоть плода. Сейчас, когда за распахнутыми окнами пели птицы и в густой листве весело копошилось солнце, вечерняя тревога казалась совсем нелепой.

* — Желаю удачи! (Англ.)

Что тревога была, отрицать нечего. Глупо, разумеется, в двадцать три года бояться объяснения с отцом, но... Впрочем, здесь дело не столько в страхе, сколько в том, что весь уклад родительского дома вдруг оказывается для тебя чуждым. Это самое неприятное, а вовсе не то, что отец может накричать на тебя, как бывало в детстве.

Очень тяжело, когда вдруг становишься перед выбором — муж или отец. А это именно так; отец никогда, никогда не согласится на ее брак с Мигелем. По существу, об этом можно было догадаться уже год назад, в Нью-Йорке, сравнивая письма отца, полные проклятий по поводу проводившейся тогда аграрной реформы, и Мигеля, который восторженно описывал свою работу в комитете по передаче земли. Но в то время она, Джоанна, просто не думала о том, насколько политические разногласия могут отразиться на личных взаимоотношениях. Это очень печально, но что поделаешь... К счастью, в наше время вовсе не обязательно ждать родительского благословения.

Завтрак был, как всегда, скудным — полгрейпфрута, яйцо всмятку, поджаренный ломтик хлеба и чашка кофе без молока, с небольшим количеством сахара; за пять лет жизни в США «эстетическая диета» стала для Джоанны такой же укоренившейся привычкой, как ежедневная ванна или гольф по воскресеньям. Быстро покончив с едой, она закурила и, вытянув под столом ногу, нащупала вделанную в пол кнопку звонка.

— Доброе утро, Хосефа, — улыбнулась она вошедшей мулатке. — Ну как, успела отдохнуть после вчерашнего? У меня до сих пор голова идет кругом. Почты еще не было?

— Не было, нинья, — ответила горничная. — Вы, может, еще чего-нибудь скушаете?

— Спасибо, я не хочу превратиться во вторую Леокадию Ордоньо. Хосефа, будь добра, поищи Тонио и попроси его заправить мою машину. Если можно, поскорее, — добавила она, взглянув на часы. — И потом вот еще что... У меня в комнате, на

письменном столе, лежит связка книг. Пожалуйста, отнеси их в машину, но только так, чтобы никто не видел. Я хочу сказать, отец или тетя Констансия. Хорошо?

Горничная кивнула с понимающим видом и, быстро собрав со стола, вышла с подносом. Едва закрылась за нею дверь, как Джоанна услышала голос отца:

— Сеньорита еще спит?

— Нет, сеньор, — ответила Хосефа, — уже проснулась и позавтракала.

— Хорошо, ступай.

Тяжелые шаги приблизились к дверям столовой. Джоанна на секунду зажмурилась и скрестила средний и указательный пальцы левой руки — «на счастье», как в колледже, когда тебя вызывают к столу экзаменационной комиссии.

— Доброе утро, папа.

— Доброе утро.

Дон Индалесио прошел к открытому окну и стал спиной к дочери, похлопывая прутиком по голенищу.

— Ты вчера выпила лишнего, Джоанна? — спросил он, не оборачиваясь.

— Совсем немного, папа.

Отец помолчал, щелкая прутом и разглядывая что-то в саду.

— Я остался недоволен твоим поведением.

— Охотно верю, папа. Я сама осталась им недовольна.

— Надеюсь, Джоанна, этого больше не повторится.

— Надеюсь, нет, папа.

— Ты куда-то собираешься?

— О, просто покататься, — невинным голосом ответила Джоанна. — Хочу испробовать твой подарок на скоростном режиме.

— Будь осторожна, у нас там слишком крутые повороты. Не знаю, какой осел строил это шоссе.

— Я это учту, папа.

Это и все? Джоанна испытала разочарование: так хорошо подготовиться к разговору и вдруг убедиться, что твоя точка зрения никого не интересует!

Она слегка наклонила голову к плечу и вскинула брови, прислушиваясь к внезапно вспыхнувшей в ней (как и вчера, с этим иезуитом) борьбе двух побуждений: благоразумия, требовавшего молчать, и задора, громко вопящего о своей правоте. Борьба закончилась очень быстро; словно подводя ей итог, Джоанна провела пальцем черту по зеркальной полировке стола и сказала с упрямым вызовом в голосе:

— Папа, мне очень не понравились вчерашние разговоры за ужином.

— Что?

— Разговоры. Насчет «преступлений правительства» и так далее. В частности, насчет парашютов.

Дон Индалесио быстро повернулся, сузив глаза.

— Поменьше слушай, что болтает этот пьяный дурак!

— Он далеко не дурак, папа! И потом не думай, я отлично заметила реакцию остальных на его слова. Никто не воспринял это как болтовню. Тебе и в самом деле ничего не известно относительно секретной заброски оружия в Гватемалу?

Отец помолчал, еще громче щелкая прutom по голенищу, потом пожал плечами.

— С какой стати я должен об этом знать? Меня интересуют урожаи и цены на кофе, а не оружейная контрабанда! — Он раздраженно фыркнул. — Не хватает только, чтоб ты заподозрила меня в торговле маригуаной... *

— Я тебя ни в чем не подозреваю, папа, и твоего «нет» для меня достаточно. Но ты понимаешь, что это оружие имеет самую прямую связь с такими вещами, как цены на кофе. Так что тебя не должен удивлять мой вопрос. Он вовсе не так нелеп, папа... поскольку я знаю твои политические убеждения.

Отец сломал прут.

* Сильный наркотик.

— Джоанна! Прошу тебя оставить в покое мои убеждения, пока я не заинтересовался твоими! Не думай, что я ничего не заметил за эти два дня. Я, кажется, начинаю раскаиваться, что в свое время послал тебя в университет. Да, да! Ты меня обманула самым недостойным образом!

— Недостойным образом? — краснея, переспросила Джоанна. — Прости, папа, но это слишком серьезное обвинение. В чем я тебя обманула?

— Во всем! — закричал отец. — Во всем! Зачем я посылал тебя в Штаты? Чтобы ты получила образование, которое приличествует девушке твоего круга! А ты вместо этого набралась там развратных коммунистических идей, очевидно вращаясь среди эмигрантского отребья...

Джоанна вскочила из-за стола.

— Отребья? — крикнула она возмущенно. — Люди, которые борются против диктатур, которые бежали от преследований Сомосы, Трухильо, Батисты, — как тебе не стыдно, отец!

— ...и теперь еще смеешь повторять этот бред в моем доме! — продолжал кричать тот, не слушая ее. — Позорить меня перед соседями! Не хватает только, чтобы дочь Монсона прослыла коммунисткой! Я тебя предупреждаю в последний раз, Джоанна, если ты не способна понимать самые простые вещи, то не суйся по крайней мере не в свои дела. Иначе будет плохо! Политикой вздумала заниматься, девчонка!

— Ах, так? По-твоему, я не имею права на...

— Молчи! Не выводи меня из терпения, повторяю тебе, иначе я поступлю с тобой так, как ты этого заслуживаешь! И чтобы я больше не слышал от тебя ни одного слова о политике, понятно?

С грохотом захлопнулась дверь, тяжелые шаги удалились по коридору.

Опустив голову, Джоанна прошла по комнате, потом вытащила из букета белую орхидею и принялась задумчиво покусывать лепесток, поглядывая на висящую над сервантом картину, натюрморт в сочной фламандской манере, под Снейдерса. Этот заяц

с окровавленной головой вызывал в ней жалость и возмущение человеческой жестокостью еще в то время, когда она сидела за этим столом, болтая недостаящими до полу ногами, и то и дело перекладывала вилку из левой руки в правую, вызывая замечания гувернантки. Трудно привыкать к мысли, что ты уже чужая в собственном доме...

Джоанна вздохнула и, взглянув на часы, бросила на пол орхидею и торопливо вышла из столовой.

Когда она выводила машину, к гаражу подошел отец в сопровождении управляющего.

— К часу прошу быть дома, — сказал он, — сегодня у нас обедает полковник Перальта. Не опаздывай.

— Хорошо, — сухо ответила Джоанна, включая скорость.

...Это случилось шесть лет назад, на очередной вечеринке в доме доктора Моралеса. Такие вечера, или «тертулии», как несколько старомодно называл их хозяин дома, устраивались для студентов и вообще учащейся молодежи и пользовались большой популярностью, хотя ничего крепче кока-колы на них не подавалось; правда, с помощью рома, контрабандно приносимого в карманных фляжках, кока-кола легко превращался в напиток, известный под именем «Свободная Куба», и по субботам в переполненном доме доктора Моралеса бывало весело. Именно в одну из этих суббот Мигелю Асеведо сказали, что с ним хочет познакомиться какая-то девушка.

Девушка оказалась похожей на иностранку: светловолосая, со строгим взглядом больших серых глаз, странно выглядевших на загорелом лице.

— Я давно хотела с вами познакомиться, сеньор Асеведо, — сказала она без всякого, впрочем, акцента, когда их представили друг другу. — Вы можете уделить мне полчаса?

— Конечно, — несколько растерянно кивнул Мигель, — пройдемте вон туда, там можно поговорить... без помех. Так я вас слушаю, сеньорита...

— Монсон, — подсказала девушка, — меня зовут Джоанна Аларика Монсон. Я хотела поговорить с вами вот о чем... Мне говорили, вы участвовали в последнем перевороте, не правда ли? Ну вот, а я хочу написать книгу, и, понимаете, мне интересно поговорить с участником событий.

— Книгу — вы? — невежливо изумился Мигель. Девушка покраснела.

— А что такого? — запальчиво возразила она. — По-вашему, книги можно писать только старикам? Если хотите знать, Маргарет Митчелл было семнадцать лет, когда она написала «То, что унес ветер», а сестры Бронте...

— Сдаюсь, сдаюсь, — засмеялся Мигель.

— А мне тоже семнадцать, я в будущем году кончаю колледж...

«Подумаешь, колледж, — усмехнулся про себя Мигель, — я на тот год буду уже учителем...»

— Дело в том, сеньорита Монсон, — сказал он вслух, — что...

— Вы можете звать меня просто Джоанна.

— Дело в том, Джоанна, что мое участие в перевороте — вы ведь имеете в виду октябрьский, не так ли? — оно было, так сказать, совершенно эпизодическим. И вообще случайным.

— Ничего, вы все-таки расскажите, — быстро сказала она. — Я могу стенографировать?

— Нет уж, пожалуйста, без стенограмм. Боюсь, что вы путаете писателя с репортером, сеньорита Джоанна.

— Я ничего не путаю, — сердито отозвалась «сеньорита Джоанна» и тут же улыбнулась. — Но вы, пожалуйста, расскажите поподробнее, прошу вас.

— Да мне, собственно, нечего и рассказывать. До самого последнего момента я вообще ничего не знал... Ну, говорили, что готовится переворот, но что и как, это для меня было тайной. А потом, уже девятнадцатого... в общем, чтобы было понятно, я был тогда на первом курсе, жил в комнате с одним приятелем — он был на третьем. И он, каналья, ничего мне не говорил, хотя участвовал в заговоре. Но мы с ним

были большие друзья, еще с детства, поэтому, когда девятнадцатого его схватил приступ — а он, знаете ли, вечный малярик, — то он попросил меня пойти вместо него в одно место и передать то-то и то-то...

— Что именно? — спросила Джоанна, слушавшая с горящими глазами.

— Да это несущественно, нужно было только сказать, что он выполнял то поручение, которое по плану ему полагалось. Он там должен был наладить контакт с некоторыми офицерами форта. Ну, он мне все это объяснил, дал свой браунинг, и я поехал в кабаре «Сирос», знаете?

— Да, знаю. То есть внутри я, конечно, никогда не была...

— Ну вот. Приехал я туда, а там уже собралось человек двенадцать. Сказал пароль, получил отзыв...

— Вы их еще помните?

— «Конституция» и «Демократия». В общем я передал все, что полагалось, и остался с ними, поскольку я уже все равно оказался замешан. Возможно, они меня уже и не выпустили бы, — засмеялся Мигель, — даже пожелай я уйти. Приехал я туда в одиннадцать часов вечера, мы сидели и пили — словом, разыгрывали обычный студенческий кутеж. В час ночи вызвали такси, расселись в трех машинах и поехали к форту «Гуардиа-де-Онор».

— Зачем?

— Вы меня лучше не перебивайте, — с досадой сказал Мигель. — Нас должны были ввести в форт под видом арестованных, понимаете? Чтобы содействовать захвату арсенала. Ну, а пока мы приехали, восстание в форту началось раньше времени, и все было кончено, форт был уже захвачен. Тогда нас вооружили автоматами, дали каждому по десять человек солдат и отправили брать другой форт — «Матаморос».

— Небо, как интересно! И вы его брали?

— Да нет, — засмеялся Мигель, — по дороге выяснилось, что я не умею ни командовать своими десятью солдатами, ни даже стрелять из автомата. Меня с позором отстранили от командования и

отправили помогать вывозить оружие из арсенала. А потом началась артиллерийская дуэль — из форта «Сан-Хосе» правительственные войска стали обстреливать «Гуардиа-де-Онор», а мы стреляли по «Сан-Хосе», и так удачно, что с третьего выстрела взорвали артиллерийские погреба.

— Да, от «Сан-Хосе» ничего не осталось, я видела, — вздохнула Джоанна.

— Вы были тогда в столице? — спросил Мигель.

— Нет, — с сожалением покачала она головой, — за несколько дней до этого папа увез меня домой... Он был близок к генералу Понсе и чувствовал, что что-то будет. Ну и увез.

— А вы, собственно, из каких Монсонов? — поинтересовался Мигель.

— Не из «политических», — засмеялась Джоанна, — у отца плантация в департаменте Эскинтла. Вообще это очень распространенная фамилия, знаете ли... Ну, а еще подробности, дон Мигель?

— Да я ведь сейчас и не все помню: как-никак четыре года прошло. Давайте мы с вами встретимся через недельку, я, может, еще что припомню. Поговорю кое с кем...

— Хорошо, — кивнула Джоанна и, вытащив из кармана блокнот-календарик, аккуратно записала дату, час и место встречи.

Они поговорили еще с полчаса — о кино, о новых книгах, о результатах атомных испытаний на Бикини; потом Джоанна ушла, сославшись на строгость хозяйки пансиона, и Мигелю показалось, что она немного обиделась на то, что он не предложил ее проводить.

Он остался сидеть в своем углу, потягивая через соломинку «Свободную Кубу», которая в бутылочке из-под кока-колы выглядела совсем невинно, и думая о своем новом знакомстве.

Об этом же он продолжал размышлять и на другой день, лежа с закинутыми за голову руками на своей жесткой студенческой койке, и в понедельник, в аудитории, изрисовав страницу в общей тетради обидно непохожими профилями и вензелями

«Дж. А. М.», и еще два дня. А в четверг за час до срока он помчался в телефонную будку и позвонил своему приятелю — тому самому, который когда-то толкнул его на участие в октябрьском перевороте.

— Слушай, ты! — крикнул он, торопливо набрав номер и получив соединение. — У меня вдруг возник в голове один принципиальный вопрос. Понимаешь, чисто принципиальный, ну, просто человеческая проблема. Ты меня слушаешь?

— Ну, слушаю.

— Так вот. Предположим, некто, у которого нет за душой ни гроша — правда, скоро будет университетский диплом, — этот некто полюбит дочь плантатора. Понимаешь, настоящего плантатора. Что может из этого получиться?

— А по ее внешнему виду заметно, что она дочь плантатора?

— Ну, пожалуй, да. Да-да, безусловно заметно. Знаешь, нейлоновые чулки, пишет золотым карандашиком и так далее.

— Золотым, говоришь?

— Золотым.

Трубка долго молчала, потом изрекла:

— Брось, не связывайся.

— Да я не про себя, чудак... — опешил Мигель.

— Не связывайся, послушай друга, — мрачно повторила трубка. — Ни шиша из этого не выйдет. Страшная штука это социальное неравенство...

Мигель осторожно повесил оракула на никелированный рычажок и вышел из будки с таким видом, с каким выходят из похоронного бюро. На свидание он не пошел.

На другой день с утра лил дождь. Мигель ни с того ни с сего нагрубил профессору и имел неприятный разговор с деканом. В четыре часа он, проклиная все и вся, выскочил из здания факультета с твердым намерением напиться на последние деньги и увидел Джоанну, непринужденно прогуливавшуюся под дождем. Она тоже сразу увидела его, только поэтому он и не улизнул, а остался стоять с дурацким видом,

чувствуя, как замирает сердце и за воротник бегут противно-холодные струйки воды.

— Вы знаете, как называется человек, который позволяет себе не прийти на свидание? — звенящим голосом спросила Джоанна, остановившись в трех шагах от него и не вынимая рук из карманов плаща. — Я пришла сюда, только чтобы сказать вам, дон Мигель Асеведо, что я вовсе не ждала вас вчера и вовсе не нуждаюсь в продолжении нашего знакомства. Прощайте!

Это «прощайте» прозвучало, как пощечина. Джоанна повернулась и пошла прочь. Мигель простоял еще с минуту, глядя вслед девушке, а потом бросился за ней, лавируя между прохожими и разбрызгивая лужи. Догнав Джоанну на перекрестке, он преградил ей путь и принялся что-то объяснять; она слушала с надменным лицом, глядя прямо перед собой, но не уходила.

Когда Мигель замолчал, истощив весь запас своего путаного красноречия, Джоанна чихнула раз и другой и спросила жалобным тоном:

— У вас нет с собой какой-нибудь мелочи? Может быть, мы зашли бы выпить горячего кофе. У меня абсолютно промокли ноги, а портмоне я забыла. И вы сами — почему ходите без плаща в такую погоду? Вот увидите, завтра будете тоже чихать. На всю аудиторию! Вы ничего не имеете против, если я приду послушать?..

Улыбаясь воспоминаниям, Мигель посмотрел на часы — было пять минут десятого — и, закурив новую сигарету, пересел подальше в тень: утреннее солнце уже припекало во всю мочь. К заправочной станции напротив подъехал тяжелый грузовик с прицепом, потом бесшумно подлетел роскошный обтекаемый «нэш амбассадор». Из него вышел толстяк в белом костюме. В какой, собственно, машине должна приехать Джоанна? Если бы знать, можно увидеть заранее, еще от поворота...

...Тот год, проведенный вместе в столице, и положил основание их любви. Потом они оба кончили — Джоанна свой колледж, а он университет, Ему пред-

лагали работу в министерстве просвещения, но Джоанна уезжала в США, и ему хотелось жить поближе к ее родным местам, чтобы иметь возможность быть вместе хотя бы во время ее приездов на каникулы. Он устроился народным учителем сюда, в поселок Коатльтенанго, расположенный в полудне езды от имения Монсонов. Джоанна познакомила его со своим отцом. Дон Индалесио принял молодого учителя очень холодно и высказал сомнение в пользе этой нелепой затеи — открывать школы для детей пеонов. О подлинном характере отношений между Джоанной и «этим Асеведо» он, разумеется, не догадывался. Мигель тогда уехал из «Грано-де-Оро» взбешенным и в первое же свидание наедине — накануне отъезда Джоанны в Нью-Йорк — наговорил ей кучу страшных вещей, за которые просил потом прощения в каждом письме. Впрочем, Джоанна ничуть не обиделась, отношение отца к Мигелю она и сама нашла возмутительным, но понадеялась на время.

Время, к сожалению, ничего не принесло. Наоборот, начало проведения аграрной реформы окончательно сделало учителя и плантатора заклятыми врагами. Мигель никогда не писал об этом Джоанне и ничего не сказал во время прошлогодних каникул, в свою очередь понадеявшись, что она сама поймет это рано или поздно. Теперь, очевидно, она это поняла, судя по вчерашней записке.

Мигель покачал головой и втоптал в пыль окурок. Очень неприятно становится между отцом и дочерью, но иного выхода нет. Джоанне так или иначе не место в этой среде, она чужда ей и никогда не будет в ней счастлива. Вообще странно, как такая девушка — с такими взглядами на жизнь — могла вырасти в семье Монсонов, в окружении всех этих Гарсиа, Орельяна и прочих. Впрочем, она ведь здесь и не росла, разве что до семи лет. А последние годы — два-три месяца каникул и все остальное время в колледже, в университете... ну, и с ним, с Мигелем. Можно сказать без хвастовства, что сегодняшняя Джоанна наполовину воспитана им самим.

Недаром же учитель, черт побери!

Однако она опаздывает, уже четверть десятого. Нужно надеяться, что у нее не вышло какой-нибудь неприятности дома... Впрочем, Джоанну запрещением не остановишь.

Поднявшись, Мигель еще раз глянул из-под ладони на шоссе — из-за поворота вынырнула маленькая красная машина — и направился к лавке часовщика, чтобы сверить часы. Часы оказались верными, он вернулся на свой наблюдательный пункт и, вздохнув, вытащил из кармана новую сигарету. Красная малолитражка стояла теперь под навесом заправочной станции, откуда только что выплыл кремовый «нэш»; коротко, по-модному подстриженная блондинка говорила что-то механику, прислонившись к радиаторной решетке и перекладывая из руки в руку связку книг. Эти пепельно-золотистые волосы — неужели?.. Мигель бросил незакуренную сигаретку и шагнул к обочине дороги. В этот момент блондинка отдала механику ключ и направилась к дверям станционного ресторанчика.

— Джоанна! — крикнул Мигель, увидев ее профиль. — Джоанна!

Он в несколько прыжков пересек шоссе, едва увернувшись от взвизгнувшего тормозами грузовика. Джоанна стремительно обернулась — ее пестрая юбка разлетелась колоколом — и выронила книги. Она просияла в улыбке, но не успела ничего сказать, потому что Мигель схватил ее за плечи и рванул к себе.

— Ты с ума сошел... На улице... — шепнула она, переводя дыхание. — На нас же смотрят!..

— А мне какое дело? Пускай смотрят! Пускай завидуют!

— Нет, но... О милый, если бы ты знал, как я по тебе соскучилась! Если бы ты только...

Не договорив, она сама обняла его за шею и привстала на цыпочки, закрыв глаза.

— Слушайте, молодые люди, — скучным голосом сказал вышедший на порог хозяин ресторанчика, — нельзя же так! Если вам нужно побыть вдвоем, так у меня есть комната...

— Комната и у меня есть, — счастливо засмеялся Мигель, — не хуже вашей! Идем, малыш, что они понимают!

— И впрямь ничего, — согласилась Джоанна. — Идем!

— Минутку, твои книги...

— Это твои, Мигель, я тут тебе привезла много интересного. Ну, как ты жил все это время? Ты похудел, милый, правда, хорошо себя чувствуешь?

— Как Тарзан. А ты? Впрочем, твой вид говорит сам за себя. А зачем волосы обрезала? Я тебя и не узнал, честное слово!

Джоанна приостановилась и испуганно взглянула на Мигеля.

— Тебе не нравится?

— Ну, мне все в тебе нравится, но, по-моему, раньше было лучше, — неуверенно отозвался Мигель. — Не то, что тебе так не идет, а просто... Я, знаешь, сейчас сидел тут, пока ждал тебя, и вспоминал, как мы познакомились, помнишь?

— О! Еще бы, — кивнула Джоанна. — Я даже предлог тогда выдумала, будто хочу написать книгу.

— Стыдилась бы вспоминать! Так вот, помнишь, как ты тогда ходила — такие волосы до плеч, мне, пожалуй, они больше всего и нравились...

— Вот так комплимент!

— Серьезно, ты тогда еще носила форму колледжа, с такой синей шапочкой пирожком, и на ней герб с девизом...

— Угу, а девиз помнишь? «Vitae Discimus»*.

— И девиз помню, а еще больше помню волосы, как они падали из-под шапочки. Мне всегда хотелось погладить, как котенка. Ну, идем скорее. Знаешь, у меня там есть бутылка шампанского...

— О-о-о!

— Да-да, и даже стоит на куске льда, если он еще не растаял. Так что поторопимся. Ну, а у тебя как? Как дома?

— Дома... — голос Джоанны вдруг стал печаль-

* «Учимся для жизни» (лат.).

ным. — Знаешь, милый, у меня дома очень нехорошо... И потом вообще... я вчера узнала такие неприятные вещи...

— Что такое? — встревожился Мигель. — Ну-ка, рассказывай. погоди, давай перейдем в тень. Так что там у тебя дома?

Она начала рассказывать. Мигель слушал молча, нахмурившись, не переспрашивая и не задавая вопросов.

— Ну что же, малыш... — сказал он, когда Джоанна закончила свой рассказ, передав и сегодняшний разговор с отцом. — Я скажу так. Видишь ли, о том, что рано или поздно это должно было случиться, ты и так могла догадываться. Взгляды твоего отца ведь не изменились за этот год, верно? Это очень печально, когда между детьми и родителями теряется общий язык, но...

Он пожал плечами и переложил связку книг из левой руки в правую.

— Все дело в том, малыш, насколько твои взгляды являются прочными, насколько ты уверена в своей правоте. Если ты в ней уверена на сто процентов, то нужно суметь сделать соответствующий вывод. Понимаешь, я хочу сказать: сейчас ты, разумеется, не переубедишь отца на свой лад. Позже — я в этом уверен — он и сам поймет, что был не прав. Но пока... Боюсь, что тебе будет очень трудно с ним ужиться. Ну, вот мы и пришли. Узнаешь место?

Джоанна печально улыбнулась.

— Еще бы! Кусты только очень разрослись. А школа мне кажется такой старой-старой... Ой, неужели это Чучо? Небо, я его помню совсем щенком! Чучо, поди сюда, Чучо!

Пес кубарем вылетел из калитки и с налета облаял Джоанну; потом, по-видимому узнав, смутился и отошел в сторону, сгибаясь в кольцо от избытка вежливости.

— Входи, малыш, — сказал Мигель, распахнув перед Джоанной дверь и посторонившись. — Входи, только не пугайся обстановки. Я тут немного прибрал, но на твой вкус...

— На мой вкус это выглядит вполне сносно, — улыбнулась Джоанна, стаскивая перчатки. — Только не стоит держать посуду на книжном шкафу.

— Она вымыта сегодня утром, — с гордостью сказал Мигель. Сняв со шкафа тарелку, он повертел ее перед Джоанной и, подмигнув, поставил на прежнее место. — Так что прошу без критики!

— Я не критикую, милый. Ну, теперь ты можешь поцеловать меня без помех...

...За окном, кого-то приветствуя, оживленно зала-
ял Чучо.

— Кто-нибудь к тебе? — шепнула Джоанна, слегка отстраняясь.

— Очевидно, мои разбойники, — улыбнулся Мигель. — Боишься за свою репутацию?

— За твою, чудак, за репутацию учителя. Моя, надо полагать, все равно уже пропала.

Мигель встал и подошел к окну.

— А-а, я так и знал. Что скажете, друзья?

— Мы за мячом, сеньор професор*, — раздался мальчишеский голос. — Мы осторожно, правда...

— А стекло вчера выбили? — спросил Мигель.

— Так это Альберто, он с нами сегодня не играет. Мы осторожно, вот увидите...

— Ладно, мяч я дам, но только с одним условием: играть вон на том пустыре. И если я увижу, что кто-нибудь выбегает за мячом на шоссе, тогда все, прощайтесь с футболом навеки. Почо позавчера чуть не попал под машину. А это что у тебя с коленом?

— Я упал.

— А промыть ссадину не мог? Погоди-ка...

Мигель достал из шкафа потертый футбольный мяч, аптечку и вышел из комнаты, улыбнувшись Джоанне. За окном раздался его голос:

— Давай-ка сюда свое колено, живо.

— Не на-а-адо, сеньор професор...

— Боишься? Ну как хочешь. Я думал, ты мужчина.

* Принятое обращение к учителю.

Последовало короткое молчание: очевидно, пострадавший обдумывал свое положение.

— Ладно, мажьте... я вовсе не трус...

— Чудак, я этого и не утверждал. А ну-ка, вот так. Ну что, очень страшно? Сейчас мы это заклеим, и все будет в порядке... Все! Ну, катайте. Да на дорогу чтоб не выскакивали, слышите, вы?

Посмеиваясь, Мигель вернулся в комнату и спрятал аптечку.

— Ты очень их любишь? — спросила Джоанна. — Знаешь, мне сейчас пришло в голову, что ты будешь скучать по своей школе. Кстати, с твоим переводом в столицу ничего нового?

— Нет, жду только нового учителя, чтобы передать дела. Скучать? Вообще буду, конечно... Я к ним здорово привык, да и работа сама по себе интереснее, чем в министерстве. Ведь отцы этих ребятшек никогда не держали в руках книги, понимаешь?.. А тут ты постепенно выводишь его на дорогу, раскрываешь перед ним такие горизонты, о которых он никогда и мечтать не мог. Кто знает, а вдруг среди моих учеников есть какой-нибудь будущий Астуриас или Кардоса-и-Арагон... По-моему, это фантастически интересно!

— Безусловно, милый... Садись сюда ближе. А твое шампанское?

— О дьявол! — вскочил Мигель. — Минутку...

Он выбежал из комнаты и через минуту вернулся с бутылкой.

— Шампанское, конечно, дрянь, — сказал он, разглядывая этикетку, — аргентинское, но марка у него громкая — «Дюк де Сен-Реми». Звучит, а? Можно подумать, что прямо из Франции. Ничего, оно довольно холодное. Открывать? Выпьем за твой приезд.

Джоанна встала и, поднявшись на цыпочки, взяла со шкафа стакан и алюминиевую кружку.

— Мы будем пить за другое, — сказала она и подошла к Мигелю. — Вот что... Ты говорил, я должна суметь сделать выводы из того, что произошло между мной и отцом... вообще из того, что я увидела сейчас дома. Так вот. Мне кажется, я эти выводы уже

сделала. Дома я, конечно, долго не останусь: проживу недели две — и потом в столицу, устраиваться с работой. У меня очень хорошие рекомендательные письма, помнишь, я тебе писала про Галиндеса? Ну, и... ты ведь тоже переезжаешь туда же, верно? Поэтому...

Джоанна сбилась и несколько секунд молчала, покусывая губы.

— Впрочем, все это не то... Мигель, я правильно поняла твое последнее письмо? Я хочу сказать: тот вопрос, который ты мне в нем задал...

— Я думаю, ты поняла его правильно, Джоанна, — охрипшим вдруг голосом сказал Мигель и поставил на стол бутылку.

— Так вот... Тогда я тебе отвечу. Я хочу быть твоей женой, и постараюсь быть хорошей. Я даю тебе слово, Мигель, что тебе никогда не придется меня стыдиться, что бы ни случилось...

Минуту Мигель смотрел на нее с немного растерянной улыбкой, потом схватил ее руки и прижал к своему лицу.

— За это нужно выпить, правда? — шепнула Джоанна.

Два часа пролетели незаметно. Шампанское было выпито, и голова от него слегка кружилась. Кружилась она и от поцелуев, и от ласкового шепота, и от безмолвных взглядов, и от планов на будущее. Было решено много вопросов большой важности: в каком районе искать квартиру, дорого ли придется платить за две небольшие комнатки с кухней и какую мебель покупать — новую, в рассрочку, или подержанную, — и как назвать первого ребенка, и многое другое. Потом за окном в кустах что-то затрещало, и в комнату, мягко подпрыгивая, вкатился футбольный мяч.

— Мы идем обедать, сеньор професóр! — крикнул звонкий голос. — После еще придем!

Джоанна взглянула на часы.

— Ох, уже первый час... Милый, мне нужно ехать, у нас сегодня обедают какие-то питекантропы, и я должна присутствовать...

— Брось, — шепнул Мигель, прижимая ее к себе, — побеждают и без тебя... Ты им только аппетит испортишь.

— Не-ет, сегодня я буду вести себя хорошо, — засмеялась Джоанна, — чинно, как полагается благовоспитанной сеньорите из хорошего общества. Что ж делать, приходится соблюдать конвенансы*!

— Становишься благоразумной?

— Нет, что ты! Благоразумной я, наверное, никогда не буду, но я уже становлюсь трусихой. Сегодня отец разговаривал со мной таким тоном, что я просто испугалась: вдруг возьмет и задаст мне трепку? К сожалению, он таков. И я дала себе слово по возможности избегать конфликтов. Тем более что терпеть осталось не так уже долго, не правда ли?

— Конечно, малыш. Так будет лучше.

Джоанна затихла в его объятиях.

— Мигелито...

— Да?

— Скоро мы уедем?

— Очень скоро, малыш. Как только сдам школу, может быть, даже через неделю.

— Как хорошо... и сразу в столицу?

— Ну да. Ты же знаешь, я должен получить новое назначение.

— Но отпуск у тебя будет?

— Очевидно, малыш. А что?

— Понимаешь... Если тебе дадут отпуск, я тоже могу подождать со своей работой, — мы сможем уехать куда-нибудь недели на две хотя бы. И будем совсем-совсем одни, понимаешь? Я, знаешь, что думала...

— Да?

— Мне сначала хотелось уехать на Атитлэн, пожить в рыбацкой хижине, но потом я придумала даже лучше. Знаешь, куда мы с тобой убежим? В Антигуа! И жить будем не в отеле — там всегда слишком много туристов, — а лучше найдем где-нибудь ком-

* То есть приличия, условности.

натку или даже просто поставим палатку среди развалин. Ты был в Антигуа? Ведь прелесть, правда?

— Ну... там, конечно, красиво, ничего не скажешь.

— Как спокойно ты это говоришь! — с досадой воскликнула Джоанна. — Ты просто равнодушен к таким местам, вот что. А меня ты можешь считать романтической дурой, но ничего красивее Антигуа я не знаю. Поедем туда, Мигелито! Ты представляешь, солнце, цветы и развалины, и мы будем там как две ящерицы. Большая и чуть поменьше. Неужели вас не прельщает такая перспектива, дон Лагарто?

— Кого она не прельстит! Если удастся, мы так и сделаем.

— Не смей говорить никаких «если»! — Джоанна капризно ударила его кулачком. — В конце концов это зависит только от нас. Или ты думаешь, я буду спрашивать разрешения у отца? Nuts! * В двадцать три года...

— Давай-ка сюда ухо.

— Что? — изумленно осеклась Джоанна. — Какое ухо?

— Все равно, можно левое. Кто сейчас сказал «Nuts»?

— Ой, я и забыла! Прости уж на этот раз, а Мигелито? Ну, будь хорошим...

— Ты же сама изобрела эту систему, а теперь уклоняешься от выполнения?

— Ну, послушай, это просто нечестно! За весь день ты услышал от меня первое английское слово!

— Только потому, что я уже четыре года деру тебя за уши за каждое «йес» и каждое «о'кэй». Иначе ты и до сих пор говорила бы так же, как в свой первый приезд из Нью-Йорка.

— Ну хорошо, хорошо. Можешь драть на здоровье, — Джоанна вздохнула и, приподняв голову, покорно подставила ухо. — Только не очень больно!

— Ладно уж, на этот раз прощаю.

— Какой добрый! Так мы поедем в Антигуа?

— Да, если все будет в порядке.

* Дудки! (Англ. идиом.)

— Нет, это просто немисливо! Что ты все кар-каешь? Тебе же обещали отпуск...

— Не в отпуске дело, малыш. Я имею в виду другое. Ты же знаешь, какое сейчас положение.

— Ах, так это из-за поли-и-итики... — протянула Джоанна удивленно и чуть насмешливо. — Ну, это уж просто паникерство! Вот увидишь, ничего страшного не случится. Неделю назад я и сама боялась, да и не только я — все наши на факультете. Когда сказали, что янки требуют созыва Консультативного совещания и хотят поставить вопрос коммунистической инфильтрации в Гватемале, мы все думали, что нам придется удирать сломя голову. Честное слово, мой чемодан целую неделю стоял упакованным! И только в понедельник, когда я уже собиралась в аэропорт, вдруг прибегает Глория Раскон — эта кубинка, помнишь, я про нее писала, — и говорит, что Консультативное созвано не будет. У нее дружок в Совете ОАГ, уж она-то всегда в курсе дел. Мы все страшно обрадовались: ясно, мистер Даллес пошел на попятную! Клянись чем хочешь, он испугался. Разве нет?

— Возможно, малыш. Но...

— Опять эти твои мерзкие «но»! — Джоанна вырвалась и пересела чуть подальше от Мигеля. — Не хочу ничего слушать! Никакого напряженного положения, никакого кризиса! Ничего не хочу знать о политике, слышишь? Я хочу уехать с тобой в Антигуа, жить среди цветов и развалин и быть ящерицей. И чтобы со мной был ящер. Я хочу в Антигуа, я хочу в Антигуа! — запела она, дурачась и подпрыгивая на скрипучей койке. Потом снова прижалась к Мигелю и посмотрела на него умоляюще: — Ну Мигелито, ну хотя бы на десять дней, хорошо? А потом поедem прямо в столицу и начнем наводить там порядки — ты в министерстве просвещения, а я в прессе. Мы им покажем, как нужно работать!

— Покажем, еще бы! — согласился Мигель. — Ты меня упрашиваешь, будто я против поездки в Антигуа! Разумеется, мы туда съездим и проживем столько, сколько ты захочешь. Нужно только, малыш,

чтобы ты отдавала себе отчет в реальном положении вещей...

— Ох! — сказала Джоанна уже серьезно. — Слишком хорошо я отдаю себе этот отчет, Мигелито. Может быть, поэтому мне и хочется пожить несколько дней без газет и без радио... Послушай, милый... Есть один вопрос, который страшно тревожит меня.

— Я слушаю, дорогая.

Джоанна помедлила, сдвинув брови.

— Понимаешь, об этом даже трудно говорить... У тебя есть сигаретка? Или достань из моей сумки, у тебя слишком крепкие... Спасибо. Понимаешь, Мигель, то оружие, о котором мы с тобой говорили... в последнее время бывали случаи, чтобы его находили в наших местах?

— Ну, был, на прошлой неделе.

— Где? — спросила Джоанна тихо и быстро, разглядывая тлеющий кончик сигареты.

— Где-то возле Кебрада-дель-Манадеро, точно не знаю. А что случилось?

— Ничего. Просто я думала сегодня... пока ехала к тебе... Мигель, послушай, — Джоанна подняла голову и в упор посмотрела на него большими неулыбающимися глазами. — Скажи совершенно честно: что ты думаешь о моем отце?

— О твоём отце? — растерянно переспросил Мигель. — Но что именно, малыш? Человека ведь можно оценивать в разных аспектах...

— Да, я понимаю... Видишь ли, я думала вот что: все это оружие явно забрасывается к нам для того, чтобы... ну, чтобы в случае каких-нибудь беспорядков им воспользовались оппозиционеры. Ты знаешь, Мигель, политические убеждения моего отца. Так вот, неужели возможно, что и он в случае чего мог бы... воспользоваться этим оружием? Ведь ты понимаешь, Мигель, это совершенно разные вещи: ругать правительство и быть в оппозиции или взять в руки оружие. Это уже государственная измена, измена своей стране... Мигель, я просто не допускаю мысли, чтобы мой отец мог оказаться изменником! Ведь правда, Мигель? Скажи, что этого не может быть!

Мигель осторожно взял сигарету из пальцев Джоанны и бросил в пепельницу.

— Я думаю, малыш, что этого быть не может. Ты совершенно права, оппозиционер — это еще не изменник. Это совершенно разные вещи. Я не думаю, чтобы дон Индалесио мог изменить своей стране. Но изменники могут быть в числе его друзей, вот что плохо.

— В числе друзей есть безусловно... — тихо сказала Джоанна. — Небо, до какого ослепления может иногда дойти умный человек!

Помолчав, она рассеянно взглянула на часы и ахнула.

— Мигель, я пропала! — Она вскочила, поправляя прическу. — Меня сгрызут заживо...

— Ничего, у тебя у самой есть зубки, — Мигель тоже встал и обнял ее. — Завтра приедешь?

— Конечно. Приеду пораньше и постараюсь остаться на целый день. А дома что-нибудь придумаю...

Джоанна раскрыла сумку, заглянула в зеркальце и тронула карандашом губы.

— Если ты против того, чтобы целоваться на улице, — решительно сказал Мигель, — то я воспользуюсь последней минутой.

— Погоди, — засмеялась Джоанна, — еще опять заглянет какой-нибудь из твоих питомцев... будущий Кардоса-и-Арагон... Тссс!..

Разомкнув его руки, она потянулась к окну и дернула за шнурок. Камышовая шторка упала, развернувшись с сухим треском, и в косом солнечном луче, пойманном ею, как мышеловкой, заплясали веселые пылинки.

ГЛАВА 7

Педрито разругался с хозяином перед обеденным перерывом, час назад. Хозяин был страшный прохвост и реакционер, настоящий кангрехо*; правда, до

* Сапгрехо («краб») — так называли в Гватемале закоренелых противников режима Арбенса.

сегодняшнего дня Педрито обращал на это мало внимания: в конце концов ученику не обязательно иметь одинаковые убеждения с хозяином, и если уж сами механики терпели реакционные взгляды до-на Та́чо, то ему и вовсе не стоило мешаться в это дело.

А сегодня получилось так, что вмешаться пришлось. С утра вроде все было хорошо, Педрито явился на работу, как обычно, раньше всех, поговорил о футболе с негром-сторожем, выкурил пополам с ним последнюю сигарету из пачки, подаренной гринго Томпсоном, подмел и полил цементный пол в конторке, до блеска протер стекла. К восьми часам начали сходиться механики: хмурый, вечно чем-то озабоченный контрамаэстро * Гальван, весельчак Руис — большой специалист по регулировке новых гидравлических муфт и страстный любитель петушиных боев, толстый кузовщик Вáскес, электрик Корвалáн в щегольском светло-синем американском комбинезоне с тройной белой строчкой по швам. Позже других, как всегда, примчались подмастерья Чакóн и Петíсо; прыгая в дверях раздевалки на одной ноге и не попадая в штанину, Чакон стал было пересказывать вчерашний фильм, но Вáскес прикрикнул на него и велел зарядить карбидом сварочный аппарат. Рабочий день начался.

Педрито пришлось лезть под машину, нужно было снять прогоревший выхлоп со старого «форда». У всей этой восьмицилиндровой серии трубопровод охватывает мотор снизу цепкой клешней, концы которой обычно намертво прикипают к обоим выхлопным коллекторам; к тому же механик, ремонтировавший машину в последний раз, сжульничал и вместо бронзовых гаек поставил обычные железные — чтоб ему на том свете откручивать такие собственными зубами!

Провозившись с болтами не менее сорока минут и вылив на них целый бачок пенетрита, он отпустил, наконец, гайки левого фланца, лег на тележку и зака-

* *Contra maestre* (исп.) — мастер.

тился под машину — насладиться заслуженным отдыхом. Утро выдалось жаркое, и железная крыша мастерской уже начала накаляться, но здесь, внизу, было прохладно. Педрито лежал на спине, разглядывая грязный, в масляных подтеках картер, насвистывал «Халиско Блюз» и усердно звякал и стучал гаечными ключами, обманывая бдительность контрамаэстро. Время от времени он даже прерывал свист и начинал охать и ругаться сквозь зубы, громко проклиная изобретателей такого неудобного трубопровода. Получалось это так выразительно, что проходивший мимо Гальван посочувствовал ему и посоветовал не жалеть пенетрита.

— Да я уж целый литр вылил! — жалобно отозвался Педро и показал зубы в беззвучном смехе. А что? Попробуй тут не схитрить — заездят в одну неделю. Всякий ведь считает, что если человеку семнадцать лет, то нужно непременно ему давать самую неприятную работу...

Отошедший от машины контрамаэстро сказал кому-то «добрый день». Педрито повернул голову и из-под колеса увидел стройные ножки конторщицы сеньориты Агиляр. Он оттолкнулся и выехал со своей тележкой на свет божий, чтобы увидеть все остальное, но опоздал: сеньорита уже скрылась за дверью конторы. Со вздохом разочарования он встал и принялся за фланец правого коллектора: отлеживаться дольше было опасно, следом за сеньоритой всегда появлялся сам хозяин. Обычно он высаживал ее за углом, сидя в машине, выкуривал сигарету и только после этого подкатывал к мастерской. И думал при этом, что никто ничего не замечает. Этаким дурень! Трудясь над своими гайками, Педрито продолжал беззвучно посмеиваться.

— Послушай, чико *, — сказал подошедший Корвалан, — тебе здесь еще надолго?

— Могу и поторопиться, — с готовностью отозвался Педрито. — Нужна помощь?

* Chico — обычное в Южной Америке обращение к подростку (ж. р. — chica).

Корвалан бросил на верстак несколько отрезков высоковольтного провода в лакированной изоляции и высыпал латунные наконечники.

— Напаяй мне эти штуки, как кончишь, — сказал он. — Идет? С одного конца прямой, а с другого вот этот загнутый...

— Знаю, — успокоил его Педрито. — В первый раз, что ли?

— Только аккуратно, чико. На митинг сегодня идешь?

— А какой?

— Да ведь сегодня семнадцатое июня, вторая годовщина подписания декрета номер девятьсот. Забыл?

— Чего там забыл, просто из головы выскочило, — солидно сказал Педрито. — Все эти декреты разве запомнишь? Пойду, ясно!

— Ну, тогда давай вместе, сразу после работы...

Педрито с восхищением проводил глазами Корвалана и принялся за дело уже всерьез, торопясь покончить с проклятой трубой. Работать с электриком всегда было приятно — работа чистая и интересная, — да и сам электрик был для Педрито предметом постоянного восхищения и подражания. И не только из-за роскошного комбинезона, хотя это тоже играло свою роль; Корвалан в совершенстве знал сложное электрическое хозяйство самых новейших американских машин, несмотря на это, никогда не задира л нос и был хорошим товарищем, а на танцах всегда появлялся с самой красивой девчонкой. Педро мечтал выучиться на электрика и во всем стать похожим на Эрнесто Корвалана.

На этот раз хозяин что-то запаздывал. Может быть, сегодня сеньорита Агиляр действительно пришла на собственных ножках? Педрито уже успел разобрать свой трубопровод, помыть в керосине руки и с важным видом сесть за верстак, когда дон Тачо Ривера появился, наконец, в мастерской. Уже по тому, как он поздоровался с Гальваном, буркнув остальным общее приветствие, Педрито сразу почуял: патрон не в духе. Аккуратно обжимая наконечник на

защищенном конце провода, он снова беззвучно рассмеялся. Можно держать пари, что Инесита ночевала дома!

С приходом хозяина в мастерской стихли посторонние разговоры. В одном углу Руис вместе с Петисо стрекотали лебедкой, извлекая мотор из поставленного на капитальный ремонт «джи-эм-си», в другом — деловито колотил своими молоточками Васкес, занятый выпрямлением смятого в аварии капота. Из моечного бокса, где орудовал сторож, прирабатывающий в свободные часы мытьем машин, слышались глухая ритмичная стукотня компрессора и гул бьющей о железо сильной струи. Сам дон Тачо, уже переодетый в комбинезон, забрался вместе с Гальваном в смотровую канаву и разглядывал вскрытый коленчатый вал шестицилиндрового «плимута», время от времени сердито покрикивая на беднягу Чакона, светившего им переносной лампой. Корвалан, насвистывая «Халиско Блюз» (у него-то и перенял Педро этот мотивчик), возился в отделении зарядки аккумуляторов. Инес Агиляр красила губы за своей стеклянной перегородкой. Все было мирно, и ничто не предвещало скандала.

Потом дон Тачо вылез из смотровой канавы, еще более не в духе, и сразу же запутался в кабеле переносной лампы, которую Чакон не успел убрать. Громко обозвав беднягу подмастерья ослом, хозяин прошел в конторку, и уже через минуту оттуда послышались крики: сеньорита получала нагоняй за какую-то утерянную или неотправленную фактуру.

— Какая это муха его сегодня укусила? — спросил Педрито у Чакона. — Кидается на всех как бешеный...

Чакон молча, с расстроенным видом, пожал плечами. Этот парень принимал слишком близко к сердцу всякую ерунду, даже хозяйский выговор; эта черта характера была просто удивительной в парне, который не пропускал ни одного ковбойского фильма и собирал комиксы про Хопалонга Кассиди и Дика Мэрвела.

— Плюнь, — сказал Педрито. — Подумаешь! Слышишь, Инесита тоже получает свое. Сегодня до-станется всем, будь уверен. На митинг идешь?

— Пойдем, — вздохнул Чакон, продолжая сма-тывать кабель.

Можно было подумать, что дон Тачо подслушал их разговор. Не успел Чакон ответить насчет митин-га, как хозяин оставил в покое плачущую сеньориту Агиляр и вышел из конторки. Педрито как раз допа-ивал последний наконечник.

— После работы поедешь со мной в одно место, — хмуро сказал дон Тачо, останавливаясь возле верста-ка и закуривая. — Нужно установить холодильник. Часа на три, оплачу как сверхурочные.

Педрито отложил паяльник и полюбовался акку-ратно прилаженным блестящим наконечником.

— Сегодня не выйдет, дон Тачо, — сказал он с сожалением.

— Что значит «не выйдет»? — нахмурился тот еще больше. — Я тебя не в гости приглашаю! Ска-зано — нужно сделать сегодня...

— Но если человек не может? — резонно возра-зил Педрито. — Если у человека важный митинг сразу после работы, что тогда?

Дон Тачо, видимо, едва удержался, чтобы не вспылить.

— Послушай, парень, — сказал он угрожающе. — Ты брось на работе заниматься шуточками, иначе вылетишь на улицу! Меня твои дурацкие митинги не интересуют, ясно тебе?

Как раз в ту минуту Корвалан вышел из аккумуляторной и остановился с вольтметром в руках, гля-дя на Педро, как тому показалось, с любопытством. В другое время тот, может, и смолчал бы, но в при-сутствии Эрнесто счел отступление невозможным.

— Ну, а меня не интересуют ваши дурацкие хо-лодильники, — сказал он, собирая с верстака готовые куски провода. — Я же вам сказал: митинг очень важный, по поводу аграрной реформы...

— А тебе что за дело до этой реформы? — уже не сдерживаясь, заорал дон Тачо.

Васкес сразу прекратил греметь своими выколотками, Руис и подмастерье Петисо тоже оставили работу, прислушиваясь к начавшейся ссоре. Корвалан из-за спины хозяина успокаивающе кивал головой.

— Много ты в ней понимаешь, щенок! — продолжал кричать взбешенный хозяин. — Я тебе говорю еще раз: или ты работаешь, или ступай на улицу и митингуй, сколько влезет, с такими же голозадыми! Реформа ему понадобилась, видали вы!

— Я не щенок, сеньор, — с достоинством ответил Педрито, — меня зовут Педро Родригес, если вы этого не знали. А что до реформы, так она нужна всем, кроме разве таких вот кангрехос, как вы. Эти-то и в самом деле бесятся, как только про нее услышат...

Корвалан, подошедший между тем совсем близко к спорящим, сделал еще шаг и стал рядом с Педрито, небрежно поигрывая тяжелым рогатым вольтметром. Впрочем, Педрито и сам отлично мог бы постоять за себя: худощавый и крепко сбитый, он не был ни коротышкой вроде Петисо, ни растяпой вроде Чакона. Так или иначе, патрон его не ударил. Он только бешено глянул и пошел к конторке, бросив через плечо:

— Убирайся к черту! Чтобы завтра тебя здесь не было!

Потом он содрал с себя комбинезон, сел в машину и уехал.

— Вот нужно было связываться! — укоризненно сказал Корвалан, предложив Педро сигарету. — Нашел с кем спорить, умник!

— А кто с ним спорил? — возразил Педрито с досадой. — Он же сам начал, верно?

Он и сам уже немного раскаивался, и поэтому особенно неприятно было слушать всякие замечания. Раскаивался он не в том, что ответил грубостью на грубость патрона, а что довел разговор до того градуса, когда оскорбления начинают сыпаться сами по себе. Можно было отказаться как-то иначе, а не сразу закусывать удила. Ну да черт с ним! Жаль только уходить из хорошей компании. Не говоря уже об Эрнесто, ребята здесь подобрались ничего, даже

контрамаэстро не такой зануда, как бывают в других местах.

Все, побросав работу, столпились вокруг Педро и Корвалана; прибежала даже легкомысленная Инесита, уже успевшая с помощью косметики привести в порядок заплаканные глазки.

— Хорошо ты ему сказал! — крикнула она. — Он и есть самый настоящий мерзкий кангрехо!

— Ты, чика, лучше помолчи, — сказал Гальван по обыкновению хмуро. — Кто бы он ни был, а с патроном так разговаривать не годится. Ты дурень, Педро...

— А чего ж он? — огрызнулся Педрито.

— Что «чего»? Он теперь оказался прав, понятно это тебе? Ты мог и не соглашаться на сверхурочные, я в этом смысле ничего не говорю, а оскорблять патрона не годится. И если он тебя уволил теперь, то ничего с этим не поделаешь, сам виноват. За отказ работать сверхурочные он уволить не может, здесь мог бы вмешаться синдикат, а оскорбление — дело другое...

— Ну и ладно, — Педрито пожал плечами. — Плакать не буду, подумаешь!

— А плакать не надо, — сказал Гальван. — Надо думать, вот что. Ну ничего, всякий урок на пользу, другой раз будешь умнее. Что он тебе сказал насчет завтрашнего дня, не обращай внимания, по закону ты можешь работать еще неделю. Пока не подыщешь новое место.

— Очень нужно! — буркнул Педрито, затягиваясь сигаретой. — Сегодня же после обеда и уйду.

— Как знаешь. Я насчет тебя спрошу в одном месте, может, возьмут. Ладно, давайте работать, скоро перерыв. Руис, ты этот мотор пока не вскрывай. После обеда придет владелец, сделаем при нем...

Механики разошлись. Педрито собрал готовые куски провода с напаянными наконечниками и отдал Корвалану.

— Готово, Эрнесто, все восемь штук.

— А ну-ка?.. Молодец, чико, сделано как надо. Это для докторского «бьюика»; заодно поставь их на

место — как раз до обеда управишься. Старые выкинь, только колпачки поснимай и надень на новые, если целы. Если не хватит, поищи у меня в ящике. Порядок не перепутаешь?

— В первый раз, что ли? — вздохнул Педрито. Сейчас ему еще меньше хотелось уходить из мастерской. — Да там есть маркировка на самом блоке, где написано «фиринг ордер».

— Верно, — Корвалан потрепал его по плечу. — Вот по маркировке и проверишь. Только не «фиринг», а «файринг» — так нужно говорить. Валяй, чико. Одеяло не забудь!

Педрито печально шмыгнул носом и отправился к стоящему в углу нарядному темно-синему «бьюику» — самой красивой из всех машин, с которыми приходилось иметь дело механикам сеньора Риверы. Богатый владелец «бьюика» был постоянным и выгодным клиентом, так как часто заезжал сюда то для профилактики, то для текущего ремонта, то просто для того, чтобы красавицу машину помыли и навели на нее зеркальный блеск; но он требовал одного — чтобы к мотору не допускали учеников. Возможно, у него и были на это свои причины, но Педрито всякий раз при взгляде на синий «бьюик» чувствовал обиду за все свое сословие. Потеть по два часа, натирая зеркальный кузов пастой «симониз» и полируя его мягкой фланелью, это можно! А покопаться в моторе нельзя. Где справедливость?

Со стороны Эрнесто это было сейчас просто здорово — дать именно ему сменить на «бьюике» проводку высокого напряжения. Да, Эрнесто настоящий товарищ. Просто не хочется думать, как это он будет работать где-то в другом месте, не видя рядом Эрнесто Корвалана.

Педрито подошел к машине, отщелкнул правый замок капота, поднял тяжелую крышку и закрепил подпоркой. Мотор, тоже окрашенный в синий цвет и до блеска протертый масляными тряпками, уже одной своей непривычной длиной вызывал представление о мощи и скорости. Этот тип мотора, которым снабжены все последние выпуски «бьюика», назы-

вается «Шаровая молния» — так однажды перевел ему Эрнесто Корвалан это слово, во всю длину отштампованное на крышке клапанной коробки. «Фире-балл» — так это выглядит, а как читается, нужно спросить у Эрнесто. У этих янки всегда написано так, а читать нужно вроде иначе. Не «фирин», например, а «файринг». Станный народ эти янки, все у них не как у христиан.

Педрито аккуратно застелил старым байковым одеялом правое крыло, чтобы не запачкать зеркальный лак, и принялся выдергивать старые провода из крышки распределителя. Да, останься он тут, Эрнесто мог бы очень скоро сделать из него электрика. И вообще неизвестно, легко ли будет найти новую работу. В столице было бы совсем иное дело, а Халапа — это все же не такой уж большой город. Хотя и не деревня. Не какая-нибудь там Крус-Крусита. Ну что ж, если не найдется ничего подходящего здесь, можно ведь и уехать... Вряд ли тетка будет так уж его удерживать. До сих пор по крайней мере она всегда говорила, что от племянника больше хлопот, чем помощи.

Педрито уныло вздохнул, вспомнив тетку. В общем она не плохая женщина, и даже наверняка по-своему любит его, но просто, когда есть своя семья, то племянник, да еще и двоюродный, иногда действительно становится обузой. Конечно, у богатых все это выглядит иначе...

Пообедали они, как обычно, в соседней харчевне. Все вместе, за исключением сеньориты Агиляр; конторщица съедала тот же обед в центре, где можно было послушать за едой музыку, переплатив несколько лишних центов за «сервис».

— Я, верно, отсюда уеду, — объявил Педро, доедая фасольный соус. — Или в столицу, или в Пуэрто-Барриос. В Пуэрто даже лучше — можно устроиться на пароходе.

— Только тебя там и ждут, — сказал Петисо. — Прямо ждут не дождутся. Из Рио-де-Жанейро не за-

будь прислать мне свою карточку в обнимку с какой-нибудь кариокой*.

Васкес, принимающий всерьез любую шутку, с сомнением покачал головой.

— В Пуэрто-Барриос не часто можно встретить корабль, идущий в Южную Америку. Больше ходят на север. Ну, или каботажники. А вообще устроиться там не так просто, чико. Суда принадлежат янки, они не очень охотно берут на борт нашего брата.

— Да, там всем распоряжается «мамаша Юнай», — кивнул Руис. — Это я недавно читал одну книжку — какого-то костариканца, что ли. У них там эта мамаша тоже здорово запустила лапу во все карманы.

— Обрубят и там, — сказал Корвалан. — Пусть учатся у нас.

— Мы-то не очень покамест обрубаем, — возразил Руис. — Васкес прав, Пуэрто-Барриос до сих пор как был, так и остается городом янки.

— Ну, не очень-то янки... Но вообще это верно, там они хозяйничают больше, чем где-либо. А что ты хочешь? Сколько лет они там пускали корни, за один год все не поведергиваешь.

— За год — нет, — согласился Руис и придвинул к себе кофе. — Но мне сдается, что наша революция насчитывает уже целую декаду**, э? Долговато возмися, мучачо. Русские у себя в стране за десять лет такого натворили...

— Что нам до русских! — хмуро вмешался контрамаэстро. — У них свои условия, у нас свои. Русские пожгли у себя все церкви, поубивали всех богатых. Это уж ни к чему. Во всяком случае, для нас это не подходит.

Педрито с интересом поднял глаза на электрика. Эрнесто часто рассказывал ему про Россию всякие удивительные вещи, будто там всякий пеон может стать министром, а женщины становятся капитана-

* Сагиоса — уроженка Рио-де-Жанейро.

** Декада — в Латинской Америке десятилетие.

ми дальнего плавания. Корвалан сам видел однажды такую русскую капитаншу в порту Буэнос-Айрес — несколько лет назад, когда плавал на панамском фрейтере... Интересно, что он ответит старику?

Как Педро и ожидал, Корвалан не оставил без ответа замечание контрамаэстро.

— Не в том дело, Гальван, — сказал он сдержанно. — Я не говорю, конечно, что нам нужны русские порядки, это так. Но насчет церквей вы не правы, я сам видел недавно один журнал, и там снят русский папа на каком-то правительственном приеме старый такой, в очках и с белой бородой...

— Что-то я не слышал, чтобы у русских был папа, — с сомнением отозвался Гальван. — Они еретики, откуда у них может быть папа?

— Ну, ихний папа, называется он как-то иначе, не в том дело. Я это к тому вспомнил, что вы сказали насчет сожженных церквей. Так вот, я говорю, никто и не заставляет нас устраивать у себя русские порядки, каждый народ живет по-своему. Руис вот сейчас сказал, что ихняя революция за одну декаду добилась куда большего, чем наша. Так она и была не такой, как у нас!

— Ясно! Тебе русская революция кажется лучшей, — проворчал контрамаэстро. — А я так вполне доволен нашей, гватемальской. Политикой я сроду не занимался, но что рабочему человеку жить стало легче, это я вижу не хуже всякого.

— Погодите, Гальван. Я тоже гватемалец, а не русский. Я читал разные книжки про русскую революцию и встречался с русскими моряками, так что кое-что знаю. Может, и не все, но кое-что. Наверняка и у них не все шло гладко. Вот в прошлом году получилась эта история с министром внутренних дел, но что там по-настоящему здорово, так это ихнее единство. Там все правительство думает одинаково и одинаково действует. А у нас в правительстве даже сейчас есть разные люди: одни гнут в одну сторону, другие в другую, а получается от этого только задержка...

— Вы давайте жуйте! — сказал Гальван осталь-

ным. — А то проболтаем весь перерыв, поесть не успеем. Политикой, парни, сыт не будешь.

— Эрнесто, — спросил Педро, — а богатых русские действительно всех поубивали?

— Как кого, чико, не думаю, чтобы всех. Богатые сами оттуда уехали после аграрной реформы и национализации. Ну, а кто не захотел уехать и сопротивлялся, тех, может, и поубивали. Там ведь была гражданская война.

— Я знаю! — воскликнул Чакон. — Помнишь, Петисо, я тебе приносил комикс «Принцесса Дунья»?

— Дунья, — поправил Васкес. — Индеец ты, что ли? Правильно говорится: «донья».

— Иди ты! — отмахнулся подмастерье. — Дунья — это русское имя, а никакая не донья. Комиссар расстрелял ее родителей, а она сама была красивая, каррамба, как Марилин Монро...

— Ух, будь я проклят, — вздохнул Руис, тряся перед собой сложенными ладонями. — Слышать уже не могу этого парня с его комиксами! — Допив кофе, он отодвинул чашку и повернулся к электрику. — Видишь, Эрнесто, это самое ты и сказал — что наша революция застряла на полпути. А со мной спорил.

— И буду спорить. Ты думаешь, она застряла, а я просто говорю, что она идет слишком медленно. Разные вещи, дон Алехандро, совсем разные. Сегодня два года, как президент подписал декрет девятьсот, забыл ты про это? А про новые школы, а про синдикаты тоже забыл? Да что там... На словах все оно легко делается!

Закончив обед, механики вышли из душевой харчевни и не торопясь направились к мастерской. Педрито решил вдруг, что работать вторую половину дня уже не стоит; все равно он уволен, лучше уж пошататься по городу и разнюхать насчет нового места. Еще опять появится дон Тачо, ну его к дьяволу! Вот уже верно, по собаке и кличка! Такой же сукин сын, как и его тезка генерал Сомоса. Лучше не нарываться лишний раз! А с ребятами можно встретиться вечером на митинге.

Сказав о своем решении Гальвану, Педрито пере-

оделся в «выходной» комбинезон, немногим чище рабочего, деланно-равнодушным взглядом окинул привычное помещение мастерской и вышел на улицу, громко насвистывая «Халиско Блюз».

Неприятный разговор с теткой он решил отложить насколько это возможно. После митинга вернется домой поздно, когда донья Люс будет уже спать; завтра с утра пойдет снова искать работу, и если найдет, то скажет о перемене места уже после. Или в самом деле уехать? Можно в столицу, можно в Пуэрто-Барриос или в Чамперико, можно в Сан-Хосе или в Ливингстон. Пожалуй, на тихоокеанское побережье все же лучше. Климат там, говорят, хороший и куда меньше янки. В Ливингстоне и Пуэрто-Барриос их кишмя кишит, как термитов. Лично он, Педро Родригес, против янки ничего особенного не имеет, среди них попадаются даже неплохие парни вроде Томпсона, но вообще гринго есть гринго...

Его вдруг пронзила мысль об Аделите. Про нее-то он забыл! Ее ведь не увезешь с собой ни в столицу, ни в Чамперико, никуда. Педро остановился в короткой негустой тени — полуденное солнце нещадно обрушивалось на раскаленные плиты тротуара — и в растерянности запустил пятерню в курчавые волосы. Да, про Аделиту он ни разу не вспомнил за все это утро, а ведь должен был бы вспомнить едва ли не прежде всего. Гм, если разговор с теткой отложить, то уж этого разговора не отложишь... Ну что ж, значит нужно идти и говорить сейчас.

Несколько кварталов до аптеки, возле которой — в доме торговца карнавальными костюмами и масками — жила служанкой Аделита, показались Педро слишком короткими. Он так и не успел обдумать хорошенько свой неотложный разговор, как уже очутился перед грубо намалеванной вывеской с надписью «Se alquilan disfraces»* и изображением пляшущего человечка в испанском костюме, очевидно исполняющего «Танец Конкисты». Заглянув на всякий случай в лавку, где в полутьме поблескивали

* «Костюмы напрокат».

страшные клыки и рога развешанных по стенам масок, Педро обогнул дом и через заросший чапарралем соседний пустой участок добрался до пролома в заборе неподалеку от кухни. Было тихо и очень жарко, в чахлом огороде едва слышно потрескивали пересохшие стручки фасоли, под серым от пыли фиговым деревом раскрывала клюв ошалевшая от солнца черная курица.

Усевшись в проломе, Педро принялся высвистывать начальные такты «Аделиты» — старой мексиканской песенки времен Сапаты, которую он из-за названия сделал условным паролем для их свиданий. Свистел он сначала тихо, потом громче, пока не пересохло во рту, но живая Аделита так и не появлялась. Подобрал комочек земли, он бросил в окно кухни. Дверь распахнулась, но вместо Аделиты выбежала хозяйка. Спрятаться Педро не успел, и ему осталось только соскочить из пролома и поклониться как можно вежливее.

— Добрый день, сеньора, — сказал он, — прошу прощения, но мне нужно видеть Аделиту. На одну минуту...

— Мне она самой нужна, — сердито закричала хозяйка, — муж хочет есть, а обед еще не готов и в доме ничего не прибрано! Эту девчонку никуда нельзя послать! Ты не встретил ее на улице?

— Конечно, нет, сеньора, я ведь пришел сюда, чтобы ее повидать...

Хозяйка была уже в той степени раздражения, когда каждое слово подливает масла в огонь.

— Ну, конечно, — закричала она еще пронзительнее, спугнув черную курицу, — кабальеро пришел на свидание! Целый час уже слушаю твою серенаду! Что это за мода — среди бела дня отвлекать девушку от работы?

— Я ведь только на минутку, сеньора, — смутился Педро, — я только хотел крикнуть Аделите, чтобы она вышла во время сьесты...

— Не хватало только, чтобы ты и во время сьесты не давал людям поспать своим дурацким свистом. Я вам обоим оборву уши!

— А куда она пошла, сеньора?

— К бакалейщику! — сеньора воздела руки. — Хесус, я послала ее всего-навсего к бакалейщику, купить на шесть реалов черного перца, и эта негодница как сквозь землю провалилась!

— Ничего, она придет, — заверил Педро, ретируясь через пролом в заборе. — Не откажите в любезности, сеньора, сказать ей, что я зайду попозже.

— Можешь не показываться хоть до второго пришествия! Девчонке нужно работать, а не целоваться под забором!

Хозяйкины вопли провожали Педро до самой улицы. А за углом на первом же перекрестке его встретила Аделита. Маленькая метиска в линиялом миткалевом платье, босая и сильно загорелая, неторопливо брела по солнечной стороне и с беззаботным видом гладела на окружающее.

— Ох, тебе сейчас и влетит! — сказал Педро, поздоровавшись. — Ты ничего не слышала?

— Нет, ничего. А что нужно было услышать?

— Крики твоей сеньоры, вот что. Я думал, их слышно за целую лигу. Она тебя ищет.

— Я ходила за перцем, — сказала Аделита.

— В том-то и дело. Я еще никогда не слыхал таких криков, так кричат только обезьяны сарагате. Может быть, ты ходила за перцем в Чикимулу?

— Нет, к бакалейщику. Странная эта донья Ната, она же сама меня послала. А ты почему не в мастерской?

— Видишь ли, патрон меня прогнал, — вздохнул Педро.

Аделита восприняла новость по-своему.

— Правда? Это хорошо. Я думаю, в мастерской очень неприятно, там скверно пахнет.

— Много ты понимаешь! Уж во всяком случае лучше, чем у тебя на кухне.

— Так ведь смотря что готовишь. У нас в Кобане...

— Да что с тобой говорить! Хозяйка оборвет тебе уши, вот увидишь.

— Ничего не оборвет, она всегда только грозит-ся! — Аделита тряхнула косой, переплетенной красным шнурком по обычаю кобанских девушек. — Она добрая, только кричит много. Недавно она подарила мне отрез на юбку. Слушай, Педрито...

— Я тебя сто раз просил, называй меня Педро! Не маленький уже, нужно понимать.

— Хорошо, Педро. Так где же ты теперь будешь работать?

— Искать придется, — Педро пожал плечами. — Мало ли где! Я, может, уеду.

— Куда, в Кобан? — живо спросила Аделита.

— Вот дался ей этот Кобан! Что я там буду делать, горшки лепить? Я думаю уехать в столицу, вот куда. Или в порт — наняться матросом.

Девушка вздохнула.

— А я, Педрито?

— Опять «Педрито»! Ну, ты меня подождешь, что же делать. Заработаю денег и приеду. Ты будешь ждать?

— Да, если не очень долго.

— Ну хорошо, мы об этом еще поговорим. А сейчас лучше ступай, а то хозяйка и впрямь тебя при-бьет. Ты где болталась-то все это время?

— Я раздавала листки, — Аделита безмятежно улынулась. — Ой, один сеньор вдруг начал так на меня кричать! Но у меня листков уже не было, остал-ся только один.

— Что за листки ты раздавала? Для митинга?

— Не знаю, мне дал фрайле*. Целую пачку, и он сказал, что нужно раздавать их всем, кого ни встретишь. Или бросать в двери...

— Фрайле тебе их дал? — Педро заподозрил не-ладное. — У тебя остался, покажи-ка!

Аделита протянула ему многократно сложенный бумажный квадратик. Уже разворачивая его, Педро сразу почувствовал: листовка не из тех, что обычно распространяются перед каким-нибудь праздником местными синдикальными ячейками. Бумага была

* Fraile (исп.) — монах.

очень тонкая и на ощупь непривычно шелковистая, шрифт — мелкий и четкий. Сверху стояло большими буквами: «БОГ — РОДИНА — СВОБОДА», а дальше шло помельче: «Гватемалец! Два года тому назад под лживым и демагогическим предлогом «разрешения аграрной проблемы» правительство изменника Арбенса Гусмана...»

— Ну знаешь, ты глупа, как дюжина попугаев, — сказал Педро, дочитав до этого места. — Ты подумала, что это за листок?

— Лучше дюжина попугаев, чем один мул. Я тебе сказала, мне дал фрайле!

Педро только пожал плечами. Вот и говори после этого с человеком! Если бы фрайле велел ей взобраться на верхушку Акатенанго и прыгнуть в кратер, она бы прыгнула не раздумывая. И дурацкое же племя эти женщины! «...неприкосновенность частной собственности — этого основного института демократии — является первым признаком свободного государства, отличающим его от тоталитарной диктатуры. Гватемалец! Два года назад у тебя отняли твою землю — завтра у тебя отнимут твой дом и твою жену...» Вот дурачье кангрехос, кому нужны ихние жены! Педро скомкал листовку, потом снова бережно расправил и спрятал в карман. Это нужно показать Эрнесто сегодня на митинге. Интересно, откуда взялся этот чергов монах?

— Эх ты, попугайха! — сказал он девушке. — Надеюсь, хозяйка тебя все же приберет, ты это заработала. Как он выглядел?

— Кто, фрайле? — Аделита подумала. — Знаешь, он был в сутане.

— Неужто? А я думал, он разгуливал в купальнике!

— Нет, в сутане. Такой длинной, коричневой. Педрито, я не должна была брать эти листки?

— Ты должна была свести этого проклятого фрайлуко * в комендатуру, вот что ты должна была сделать!

* Пренебрежительная форма от «фрайле» — монах.

— Ой, как ты можешь такое говорить! — Аделита от страха даже зажмурилась. В эту самую секунду полуденная тишина улицы огласилась пронзительным воплем. Молодые люди оглянулись: донья Ната, выскочив из дверей лавки, жестом предельного отчаяния простирала руки к вывеске с изображением плясуна испанца.

— Ты хочешь свести меня в могилу, бесстыдница! — кричала хозяйка. — Где черный перец, я тебя спрашиваю?

— Беги, — быстро сказал Педро, прикоснувшись к руке Аделиты. — Скажи ей, что бакалейщик заставил тебя ждать. Сегодня вечером митинг, пойдем?

— Она, наверное, меня не отпустит, — так же быстро ответила Аделита. — Но я постараюсь, ты заходи. Посвистишь тогда, только не очень громко... Беги, донья Ната!

Девушка побежала, мелькая пятками; на ее спине запрыгал кончик косы, кокетливо украшенный красной шерстяной кисточкой.

Пройдя квартал, Педро остановился и рукавом комбинезона утер со лба пот. Было так жарко, что голова, казалось, выкипела до дна; а между тем ему было о чем подумать. О поисках работы, о митинге, об этом монахе, надувшем простушку Аделиту. Ну и тип!

Педрито достал из кармана последнюю сигарету, осторожно разломил пополам и закурил. Теперь ему с этой роскошью придется на какое-то время распрощаться. Впрочем, работу он, очевидно, найдет довольно скоро, все-таки Халапа — это город. Не какая-нибудь там Крус-Крусита.

Проклятый фрайлуко, заставить девчонку заниматься такой гадостью! Интересно, откуда эти листовки? Шрифт четкий и аккуратный, и бумага, какой здесь нет. А написано-то как! Написано не здорово понятно, непонятно даже, для кого вообще пишутся такие заковыристые слова... Как там было? «Институт демократии является тоталитарным признаком». Тьфу, черт! Но одно понятно — что для всех этих кангрехос аграрная реформа — это то же,

что для быка красная мулета. Так и кидаются! Видно, Эрнесто был прав, когда говорил ему про аграрную реформу, будто это самое главное. Ему-то самому казалось, что главное — это школы, но, видно, Эрнесто был прав...

Педро брел по пыльному тротуару, держа руки в карманах и задумчиво насвистывая. Отвесными лучами, в упор, палило солнце. Газетчик на углу, под зонтиком из пальмовых листьев, лениво выкрикивал:

— Есть тираж Национальной лотереи Мехико! Полный список выигравших билетов! Спор столетия — Джина Лоллобриджида или София Лорен! Новое послание Торизельо — гватемальский канцлер требует интернировать вооруженные отряды эмигрантов на территории братской республики Гондурас! Аргентинская кинозвезда высказывается по поводу «холодной войны»!..

ГЛАВА 8

Обед тянулся долго. К приятному удивлению Джоанны, за столом не была затронута ни одна политическая тема: говорили о погоде, о колебаниях цен на кофе, об авиационных катастрофах и «летающих тарелках». Даже падре Филипе рассказывал что-то вполне безобидное из истории иезуитских миссий в Парагвае.

Наконец обед закончился — без происшествий, не в пример вчерашнему ужину. Блеснув пыльным лаком, отъехала от крыльца последняя машина; наступил священный час съесты. Монсон вместе с полковником Перальта, иезуитом и двумя приятелями уединился в своем кабинете. «Бедные, — с насмешливым сочувствием подумала Джоанна, — наконец-то отведут душу...»

В ее комнате с опущенными шторами было темно и прохладно. Джоанна торопливо, расшвыривая вещи по ковру, разделась и с разбегу кувыркнулась в постель.

Часа через два она проснулась в чудесном настроении. Солнце уже клонилось к западу, из столовой доносилось звяканье посуды: накрывали к вечернему чаю. Мягко, едва слышно гудел кондиционер, вливая в комнату охлажденный воздух. Весело насвистывая, Джоанна натянула купальник и в дверях столкнулась с Хосефой.

— Чай подан, няня, — доложила та.

— Не хочу, я иду купаться, — Джоанна мотнула головой, заправляя волосы под резиновую шапочку. — Почты еще не было?

— Нет еще. Там приехал этот, с лакированной головой...

— Лицензиат? Тем больше оснований удрать в бассейн. Ты убери у меня немного, здесь совершенно дикий беспорядок...

Дорожка была вымощена белыми плитками неправильной формы, между которыми росла декоративная травка. Осторожно ступая босыми ногами, Джоанна не прошла и половины, когда ее окликнул знакомый голос. Она оглянулась: лицензиат в теннисном костюме догонял ее торопливым шагом.

— Добрый день, сеньорита Джоанна, разрешите к вам присоединиться?

Джоанна страдальчески поморщилась и переступила с ноги на ногу.

— Присоединяйтесь, — кивнула она. — Не обращайтесь внимания, это я не из-за вас...

— В такую жару я не рекомендовал бы вам ходить босиком по камню, вы можете сжечь себе ступни.

— Благодарю за совет, они уже наполовину обуглились. Ну, скорее в бассейн, раздеться можно на ходу.

— С вашего позволения... я не собирался плавать, мне нужно поговорить с вами по делу... если разрешите...

— По делу — в такую жару? Вы неисправимый бизнесмен, дон Энрике. Хорошо, тогда подождите пять минут. Ай, мои пятки!..

Бросившись в воду с невысокого трамплина, Джоанна вместо пяти минут проплавала добрых тридцать, потом поднялась по трапу и села на верхнюю ступеньку, болтая в воде ногами.

— Я вас слушаю, — сказала она, стащив резиновую шапочку и встряхивая волосами. — Что же вы стоите? Вон шезлонг, несите его сюда и садитесь.

Молодой адвокат торопливо повиновался: теперь вечернее солнце било ему прямо в лицо, и, может быть, потому он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Видите ли, сеньорита Джоанна, — начал он сбивчиво, — я буду краток, потому что... Надеюсь, с вами можно обойтись без преамбул... Хотя я отлично в курсе... Вы безусловно ошибаетесь во многом...

— В чем именно, дон Энрике? — спокойно спросила Джоанна.

— В ваших взглядах на сегодняшнюю внутреннюю ситуацию Гватемалы... Это безумное правительство ведет нашу страну к полному краху... В столице я вращался в весьма осведомленных кругах, и... Разумеется, обо всем этом не скажешь так, сразу... Тем более это очень сухая материя для немужского ума...

— Не бойтесь за мой ум, лисенсиадо Гарсиа, я не один год изучала сухие материи. Если можно, более конкретно.

По-видимому, конкретность мышления не являлась свойством мужского ума дона Энрике. Он говорил долго и бессвязно, путаясь в цифрах и фактах. Джоанна слушала его, чуть приподняв брови, следила за причудливой игрой расплывчатых солнечных пятен на дне и стенках бассейна, выложенных бирюзовым кафелем, и от души жалела будущих клиентов молодого адвоката. Наконец ей надоело.

— Простите, — сказала она, оборвав его на полуслове. — Насколько я понимаю, это все еще только преамбула, хотя вы сказали, что обойдетесь без нее. Перейдем же к делу, если это вас не затруднит.

— Слушаюсь, сеньорита Джоанна, — поспешно согласился дон Энрике. — Дело вот в чем. Я не сом-

неваюсь, что вы, как и вся честная молодежь Гватемалы, не можете оставаться равнодушной к судьбам родины...

— Безусловно нет.

Адвокат замаялся. Джоанна подняла на него спокойные глаза.

— Я слушаю вас, дон Энрике.

— Дело вот в чем... Скажу вам по секрету, Гватемала скоро будет свободной. Скорее, чем думают... У нас есть много друзей в лимитрофах... Для того чтобы облегчить, м-м-м... этот процесс, внутри страны создана подпольная организация — главным образом молодежь... студенты... Вы понимаете?.. Я думал предложить вам... Ваш патриотический долг... Пока не поздно...

Замолчав, он облизнул пересохшие губы под тонкими, в ниточку пробритыми усами. Молчала и Джоанна, потрясенная услышанным. Молодежь, студенты — значит, не только дикари-плантаторы, но и молодежь готова помогать «друзьям из лимитрофов»... Впрочем, какая это молодежь, если она вся подобна этому кретину!.. Небо, что все это значит в конце концов? И почему он пришел именно к ней? Как он смел прийти к ней с такой мерзостью? И что ей теперь остается делать? Дать ему пощечину?

— Так, я надеюсь, вы согласны, сеньорита Джоанна?

Небо, какой идиот! Какой беспросветный идиот! Ведь трудно предположить, что он идет на предательство сознательно, что он действительно готов отдать свою собственную страну на растерзание «друзьям из лимитрофов».

Когда Джоанна заговорила, она сама удивилась спокойствию своего голоса: он только едва вздрагивал.

— Слушайте, дон Энрике! Я могла бы сейчас сказать вам «да» и через десять минут позвонить в жандармерию. Я не делаю этого только потому, что вы пришли ко мне сами, и я не могу заплатить предательством за доверие, хотя бы непрошеное. Может быть, я совершаю преступление, но иначе не могу.

Уезжайте отсюда. Уезжайте отсюда немедленно, сию же минуту! Слышите?

Лицензиат Гарсиа вскочил с шезлонга и несколько секунд стоял в оцепенении; потом круто повернулся и ушел, не попрощавшись. Через минуту Джоанна услышала шум отъехавшего автомобиля.

Она еще долго сидела, болтая в воде ногами, пока постепенно не успокоилась. Очевидно, все дело сводится к таким вот кретинам, вздумавшим поиграть в государственный переворот; конечно, никакой серьезной опасности они не представляют. Просто сыновья плантаторов, обиженных аграрной реформой... Естественно, что и ее приняли за такую же, — ведь отец не скрывает своего отношения к правительству. А что касается ее спора с иезуитом, так мало ли богатых девушек в наши дни кокетничают своими ультралевыми взглядами, хотя бы из желания позлить старших!

Джоанна опять бросилась в бассейн, словно стараясь смыть с себя отвратительный осадок, оставшийся от разговора. Но настроение уже было испорчено, удовольствие от купания исчезло: вода казалась слишком теплой и слишком хлорированной. Недовольно отфыркиваясь, она снова поднялась по алюминиевой лестнице и подозвала проходившего мимо садовника.

— Тонио, здесь невозможно купаться! Один сплошной хлор. Что у вас, дозатор не работает, что ли? И потом воду не меняли уже, наверное, несколько дней. Сейчас же поставьте помпы на перекачку... и проверьте, что там с хлором, иначе вы скоро не только всех микробов перетравите, но и меня в придачу. Что это у вас, ножницы? — обрадовалась вдруг она. — Ой, дайте сюда, я сама буду стричь! Где вы стрижете? А, северную сторону... Ладно, давайте мне, я dokonчу, а вы включите обе помпы и ступайте отдыхать.

— Зачем вам ножницы? — не сдавался Тонио. — Опять затеряете, а мне завтра ищи по всему саду...

— Давайте, давайте, не затеряю, — засмеялась Джоанна, протянув руку и нетерпеливо шевеля паль-

цами. Стричь живые изгороди было почему-то ее любимым занятием, оно всегда успокаивало. — Давайте, я положу на место, клянусь, что положу!

Завладев ножницами, она вернулась в дом, переделась в рабочий костюм — синие ковбойские штаны, клетчатая рубаша и старые кожаные перчатки — и отправилась в самую глушь сада. Работа скоро вернула ей хорошее настроение, разговор с адвокатом вспоминался как нечто анекдотическое. Она громко, по-мальчишески высвистывала «Джизэбел» — модную песенку Фрэнки Лэйна — и, не жалея рук, лязгала большими ножницами в такт мелодии.

Уже почти стемнело, когда от дома послышался голос разыскивающей ее Хосефы.

— Сеньорита-а-а! — кричала горничная. — Куда вы пропали? Вам письмо-о-о!

Письмо могло прийти из столицы: с месяц назад Джоанна написала одной из своих живущих там приятельниц, прося разузнать насчет работы. Обрадовавшись, она швырнула ножницы и побежала к дому.

Ее ждало разочарование: письмо оказалось из Штатов, от Гэйл Норман, некоторое время жившей вместе с ней в одном «сорорити». Сняв перчатки, Джоанна бросила их на стол и медленно вскрыла узкий конверт с пестрой сине-бело-красной каймой авиапочты, улыбаясь воспоминаниям: Гэйл, очень хорошенькая блондинка, отличалась феноменальной глупостью и вечно служила посмешищем всего факультета.

Письмо было вполне в стиле мисс Норман — отстуканное без знаков препинания и намек на орфографию, оно содержало в себе восторженное описание каких-то «мальчишков» и «ужасно весело» проведенного с ними времени. В конце шла просьба «нипременно писать».

Ответить на подобное послание было не так просто. Джоанна не хотела обижать бедняжку молчанием и решила ответить тотчас же, чтобы избавиться. Вынув из футляра машинку, она забралась на диван и за десять минут настучала ответ: что была

рада получить от своей милой Гэйл письмо, что очень рада тому, что ее милая Гэйл так веселится, и что она сама, Джоанна, час назад тоже ужасно весело провела время с одним мальчиком, который застал ее в бассейне — в соответствующем костюме — и так потерял голову, что тут же предложил вступить в подпольную антиправительственную организацию.

Вложив письмо в конверт, Джоанна отстучала на нем адрес: «Мисс Абигэйл Б. Норман, отель «Мак-Эллистер», Майами — Флорида, США». Потом она задумалась; история с неудавшейся вербовкой приведет Гэйл в восторг и надолго даст ей тему для рассказов «мальчикам», но вообще смешного здесь мало. По существу, об этом нужно было бы поговорить с отцом. Для чего? Ну... Просто так. Врешь, не просто так. Ты боишься, что отец и сам в чем-то замешан. И хочешь получить от него заверение в обратном. Впрочем, глупости, ничего отец об этом не знает. Иначе он поговорил бы с нею сам, не поручая важный разговор такому болвану. Но ты должна, ты должна с ним поговорить! Нельзя оставаться спокойной, не получив ясного ответа на этот вопрос. Но ведь отец все равно тебе уже не доверяет, он все равно ничего не скажет. Все равно ты должна его спросить!

Закусив губы, Джоанна сняла трубку внутреннего телефона и нажала одну из кнопок. Из кабинета не отвечали. Она переключила коммутатор и спросила у тети, не знает ли она, где папа.

— Уехал вместе с падре Фелипе, — ответила донья Констансия, — и сказал, что до утра не вернется. Будешь ужинать?

— А-а-а... — с облегчением протянула Джоанна. Только сейчас она почувствовала, как боялась разговора с отцом и как желала его оттяжки. — Так он уехал... Ну что ж. Что вы сказали, тетя? Ужинать? Нет, не хочется... Впрочем, пусть мне принесут что-нибудь сюда, я поем позже. Что-нибудь легкое, вы знаете... Спокойной ночи, тетя.

Хорошо, что уехал. Хорошо, что не вернется до утра. Утром она поедет к Мигелю и обо всем

с ним поговорит. Мигель всегда посоветует самое разумное. Мигель, Мигель, Мигелито...

Потянувшись, Джоанна соскочила с дивана, прошлась по комнате, потом включила радио. Пошарив по диапазонам, она нашла какую-то приятную музыку, прикрутила регулятор громкости и, вернувшись на диван, села с поджатыми ногами, прикрыв глаза и с улыбкой покачиваясь всем телом в такт подымающей мелодии. Мигель, Мигелито... Удивительно, как одна мысль о любимом сразу стирает с души все неприятное! Без следа, словно ничего не было. Ни этого дурака-лиценциата, ни мыслей об отце, ни пулеметов на парашютах...

Позвонить бы сейчас тете Констансии и сказать небрежным тоном: «А знаете, тетя, я забыла вам сказать: я помолвлена с учителем из Коатльтенанго Мигелем Асеведо...» Ха-ха-ха, бедная тетя, что с ней стало бы!

В дверь постучали: горничная принесла покрытый салфеткой поднос.

— Спасибо, Хосефа, — кивнула Джоанна. — Ты уверена, что цветы на моем столе сегодня менялись?

— Будто уж, нянька, вы и сами не видите!

— Хорошо, хорошо, я ведь только спросила...

— Кушать будете сейчас?

— Нет, оставьте так, я поем позже. И, пожалуйста, не беспокойся, я все унесу на кухню сама. Хосефа, ты знаешь учителя из Коатльтенанго?

— Это дона Мигеля? Ну, слыхала про него.

— Какого ты о нем мнения?

Хосефа, держа руки под передником, пожала плечами.

— А кто ж его знает! Там его хвалят, у кого дети ходят в школу. А что?

— Нет, я просто так. Будь добра, выключи свет, когда будешь выходить. И спокойной ночи!

— Покойной ночи, нянька...

Горничная вышла, бесшумно притворив дверь. Джоанна обхватила руками колени и откинулась на спинку дивана, глядя на мерцающие в проеме окна яркие звезды.

Она просидела так очень долго, слушая музыку и думая о своей будущей жизни: о жизни некой сеньоры Монсон де Асеведо, уважаемой дамы, имеющей мужа, дом и, конечно, детей. Представлять себе все это было интересно, но трудно. Кое-чего в будущем она даже побаивалась, например ответственности за воспитание ребенка. Но ведь Мигель — учитель, вдвоем они справятся. Ведь это было бы просто ужасно, если бы они не справились и их ребенок вырос недостойным человеком. Нет-нет, он, безусловно, будет замечательным, великолепным человеком! Государственным деятелем, или писателем, или ученым. И вообще у него будет замечательная жизнь: ему ведь придется жить в мире, где не будет ни таких иезуитов, ни таких лиценциатов. Когда-нибудь она расскажет ему, как его маме в молодости предложили вступить в подпольную организацию...

Музыка умолкла. Бойкий женский голос с мексиканским акцентом объявил, что передатчик такой-то заканчивает на этом свою работу, желая всем слушателям спокойной ночи. Джоанна удивилась и взглянула на светящиеся в темноте стрелки настольных часов: была полночь.

— Спать, спать, спать... — весело пропела она, соскакивая с дивана. — Завтра с самого утра — к Мигелю! Мигель, Мигелито...

Включив свет, она остановилась посреди комнаты и потянулась, закинув руки за голову. Два предмета на письменном столе привлекли ее внимание — накрытый салфеткой поднос и пара старых перчаток. Первый вызвал чувство голода, второй — чувство вины: ножицы-то ведь она потеряла...

В ванной Джоанна вымыла руки, потом включила трубки дневного света, укрепленные по сторонам большого — во весь простенок — зеркала. Оттуда на нее глянуло странное существо, мальчишески стройное и большеглазое, в ярких цветов ковбойке и коротковатых, выше щиколотки, узких синих штанах.

— А это вам понравилось бы, дон Мигель Асеведо? — вслух спросила Джоанна, сделав гримаску. — Впрочем, я не сказала бы, что костюм мне не к лицу...

Вернувшись в свою комнату, она боком примостилась на край стола и принялась с аппетитом уничтожать давно остывший ужин, искоса поглядывая на перчатки. Теперь Тонио никогда в жизни не доверит ей ножницы. Но где их сейчас искать, в такой глуши? Придется извиняться. Впрочем, так нельзя — обещание есть обещание. Мигель страшно возмутился бы.

Поев, Джоанна бросила на поднос скомканную салфетку и понесла его на кухню. Там уже никого не было — вся прислуга спала. Она сняла с гвоздя электрический фонарь, еще раз обругала себя за рассеянность и вышла в сад, призрачно освещенный крупными мохнатыми звездами.

Найти ножницы оказалось не так просто, и она долго шарила лучом фонарика по зарослям, то и дело натываясь на колючки декоративного кустарника; потом сзади послышался хруст веток под торопливыми шагами, и чей-то незнакомый голос грубо окликнул:

— Эй, кто там шляется?

Джоанна уронила фонарик в траву — больше от изумления, чем от испуга. Стоя на коленях, она подняла голову и обернулась, тотчас зажмурившись от ослепительного луча, ударившего ей в лицо.

— Ты что здесь делаешь? — еще грубее крикнул незнакомец, подойдя ближе и осветив ее в упор.

— Я? Ищу ножницы, я здесь стригла, — растерянно отозвалась она.

— Садовница? Какого черта ты здесь таскаешься в это время, а?

Джоанна вдруг осознала всю нелепость сцены: кто-то допрашивает ее в ее же собственном саду. Что за бред?

— Идите вы к дьяволу! — крикнула она, вскочив на ноги и пряхая с колен сухие листья. — Еще не хватало, чтобы я давала отчет любому бродяге! Вы-то сами что здесь делаете?

— А ну, тише! — прикрикнул невидимый бродяга. — Жить надоело? Иди со мной, быстро!

Джоанна повиновалась: человек с фонарем мог в любую минуту ее пристрелить, прирезать, наконец, просто придушить, как котенка.

— Куда идти? — спросила она, выйдя из кустов.

— Налево и прямо, пока я не скажу. И не вздумай бежать — пожалеешь. Иди!

Она шла, продираясь через кусты, пока луч фонаря, все время освещавший ее сзади, не выхватил из темноты кусок облупившейся стены и стоящий перед закрытой дверью маленький грузовичок-пикап с плотно зашнурованным брезентовым верхом. Джоанна узнала место — это был находившийся в самом углу сада старый сарай, в котором хранились поломанные мотыги, лопаты и прочий хлам. Но этот пикап? Ей стало по-настоящему страшно; и тут, к ее изумлению, невидимый конвоир крикнул:

— Эй, Монсон, подите-ка сюда!

Она не поверила своим ушам: отец здесь, в этом сарае? Разве он не уехал? Но сомневаться не приходилось: из двери, быстро прикрыв ее за собою, действительно показалась знакомая грузная фигура в сапогах и белых бриджах.

— Смотрите, Монсон, тут какая-то девка шлялась. Не у вас работает?

С этими словами конвоир осветил ее лицо. Джоанна зажмурилась.

— Джоанна? — изумленно спросил отец. — Ты? Погасите фонарь, Оливейра. Что случилось, Джоанна?

Та облегченно засмеялась.

— Я должна спросить это у тебя, папа! С каких пор у нас в парке завелись киднапперы? Я потеряла тут садовые ножницы, сейчас пошла искать — и вдруг такая штука! Знаешь, как я перепугалась! Это просто феноменально — благополучно прожить пять лет в США — и вдруг оказаться похищенной у себя в...

Она не окончила фразу: дверь сарая опять открылась, из него вышел еще один человек. Остановившись на освещенном изнутри пороге, он взгляделся в темноту и удивленно спросил:

— Что тут происходит? С кем ты это, Индалесио?

— Закрой дверь, черт тебя побери! — бешено крикнул Монсон.

Человек поспешно скрылся, но Джоанна уже успела увидеть внутренность сарая, ярко освещенную керосино-калильной лампой: сломанный культиватор у стены, штабель бумажных мешков с минеральными удобрениями и прямо посередине на цементном полу — два больших продолговатых тюка из зеленовато-серого брезента, снабженных какими-то лямками, пряжками и кольцами. На крайнем тюке четко выделялось отпечатанное крупными белыми буквами — по трафарету — знакомое слово «warning»*. Ниже шел короткий текст помельче. У нее мгновенно пересохло во рту.

— Ты слышишь, Джоанна? — нетерпеливо крикнул отец.

— Что, папа? — переспросила она, делая усилие, чтобы говорить спокойно.

— Почему ты не спишь в это время?

— Я ведь тебе уже сказала, я пошла искать ножницы, потому что обещала садовнику положить их на место... А вообще я читала у себя в комнате. Я всегда ложусь поздно...

— Хорошо, ступай к себе. И немедленно ложись в постель. Проводите мою дочь, Оливейра.

Тот же конвоир с фонарем проводил ее до самого дома, бормоча извинения: он просто не мог предположить, что сеньорита Монсон может ходить в таком виде...

У себя в комнате Джоанна опустилась на стул, зажав пальцы между колен, и долго сидела, зябко сторбившись, глядя прямо перед собой остановившимися глазами. Что-то похожее на инстинкт самосохранения — или последние остатки любви и уважения к отцу, сгоревшие в ней за один короткий миг, — что-то еще удерживало ее от того, чтобы до конца признать страшный факт; но в то же время разум неопровержимо убеждал ее в обратном. Ошибиться было

* «Внимание!» или «Осторожно!» (Англ.)

невозможно: точно такие штуки она видела прошлым летом на маневрах в штате Аризона, где присутствовала с несколькими студентами факультета в составе группы представителей прессы. Им, будущим журналистам, подробно разъяснили назначение этих коротких брезентовых колбас: это были тюки-контейнеры мягкого типа (есть еще жесткого, сигарообразные, сделанные из какой-то особой пластмассы), применяющиеся для парашютирования боеприпасов в зоне боевых действий.

Зона боевых действий... Джоанна видела это в европейских фильмах: черный дым, пламя, закопченные обломки стен, клубящиеся смерчи взрывов, бегущие и падающие люди. Ее родина Гватемала — зона боевых действий? Значит, не только лицензиат Гарсия, не только его «друзья из лимитрофов», но и отец... ее отец — папа, который когда-то носил ее на руках!..

Джоанна долго плакала, кусая губы и не утирая слез, судорожно сцепив сжатые между колен пальцы. Тупая ломота в висках вернула ее к страшной действительности, к необходимости что-то делать. Двигаясь машинально, как автомат, она прошла по комнате, остановилась перед письменным столом, аккуратно сложила разбросанные листы почтовой бумаги — тонкой, хрустящей, с крошечным грифом «Джоанна Аларика Монсон» в верхнем левом углу. Потом умылась холодной водой, зачем-то причесалась с особой тщательностью; вернувшись из туалетной, она услышала в коридоре тяжелые шаги отца.

Дон Индалесио задержался перед комнатой дочери и, заметив свет в дверной щели, вошел не постучавшись. Джоанна стояла спиной к столу, обеими руками держась за его край, словно боясь упасть.

— Ты все еще не спишь? — зевнув, удивился отец. — Я, как видишь, вернулся несколько раньше... Думал задержаться до утра. Мы там смотрели старый инвентарь... Лопес из «Магдалены» хочет кое-что купить...

Небо праведное, и это ее отец, человек, который когда-то был для нее образцом настоящего мужчи-

ны — умного, смелого, справедливого, — этот человек стоит сейчас перед нею, отводя глаза, и лжет, даже не заботясь о правдоподобии!

— Не нужно, отец, — сказала Джоанна усталым голосом. — Не нужно, я все равно уже все видела.

Лицо Монсона пошло красными пятнами.

— Не понимаю... Что ты видела?

— Все, отец. Если хочешь своими именами — контейнеры с оружием. С тем самым оружием, — неожиданно для самой себя выкрикнула Джоанна, делая шаг вперед, — о котором ты только сегодня — только сегодня утром! — сказал мне, что ничего...

— Замолчи немедленно!

— ...что ничего о нем не знаешь! Зачем ты лгал? Если ты уверен, что поступаешь правильно, говори об этом прямо! А ты лжешь, как... Потому что ты отлично сознаешь, что это преступление — то, что вы здесь делаете...

Джоанна, задыхаясь, поднесла руку к горлу.

— Я тебе приказываю замолчать! — крикнул отец, подступая к ней.

— ...что это самое подлое преда...

— Получай, дрянь!

Джоанна пошатнулась, но устояла на ногах. Ее левая щека вспыхнула, правая стала блее лежавшей на столе бумаги.

— Довольна теперь или хочешь еще? Я тебя научу разговаривать с отцом! Я тебя предупреждал, чтобы ты не смела соваться в эти дела! Предупреждал я тебя или нет? Посмей мне еще сказать хоть одно слово — я с тебя спущу шкуру, дрянь ты такая! Ты считаешь, что твой диплом уже дал тебе право судить старших, да? Завтра ты отсюда уедешь — отправишься с теткой в горы и будешь сидеть под замком! Теперь я знаю, как с тобой нужно обращаться! Я тебя еще выдрессирую, патриотка!

Дон Индалесио повернулся и вышел из комнаты, едва не обрушив за собою дверь. Джоанна вздрогнула от грохота. Концами пальцев она провела по горячей щеке и потом посмотрела на них расширенными глазами, словно ожидая увидеть кровь. Крови

не было. Странно... А ощущение такое, будто разбито все лицо. Ее стало трясти, как в ознобе. Она выключила свет и прилегла на диван, свернувшись в клубок и не отводя глаз от циферблата настольных часов, ярко светящихся в темноте зелеными цифрами.

Когда обе стрелки сошлись на цифре 2, Джоанна встала, на ощупь, не зажигая света, вынула из ящика стола свои документы и на цыпочках вышла из комнаты.

Теперь она чувствовала себя поразительно спокойной, каждое действие было четким и продуманным. Прежде чем включить в гараже свет, она осторожно задвинула тяжелую складную дверь, прислушалась и только тогда нажала кнопку выключателя. Проверила уровень масла, сменила воду в радиаторе, долила бак из запасной канистры. Рядом стоял «виллис» отца — тот не признавал других машин и даже на ежегодный съезд кофепромышленников приехал в этом старом и ободранном вездеходе. Приведя в готовность малолитражку, Джоанна еще раз прислушалась, откинула тяжелый капот «виллиса» и оглянулась, подыскивая подходящий инструмент. В углу лежала большая двадцатидюймовая монтировка; Джоанна с размаху вогнала ее в радиатор между лопастями крыльчатки и несколько раз пошатала взад-вперед, ломая мягкие латунные трубки. Из пробоины ударила струя воды, радужная лужица выползла из-под переднего колеса и стала разливаться на цементном полу.

Закусив губы, Джоанна той же монтировкой сорвала с карбюратора воздушный фильтр, вставила ее во всасывающее отверстие и изо всех сил потянула на себя. Что-то хрустнуло, корпус карбюратора перекосячился, из-под крышки поплавковой камеры потек бензин. Теперь погони можно было не опасаться.

Джоанна тщательно обтерла руки тряпкой, выключила свет и отодвинула дверь гаража. От дома не доносилось ни звука, все окна были темны. Она вывела «миджет» на малых оборотах мотора, без света прокралась перед крыльцом и только на выездной аллее включила фары и дала полный газ.

Тридцать пять километров до Коатльтенанго Джоанна сделала за двадцать минут, едва не врезавшись в пилоны ограждения на повороте перед мостом Арройо-Секо. Миновав заправочную станцию, она сбавила ход. Городок спал, уличные фонари были погашены, на поворотах лучи фар выхватывали из темноты то поросший травой высокий тротуар, то белую стену, то узкое зарешеченное окно. Школьная калитка оказалась запертой. Джоанна вскарабкалась на ограду, прыгнула и упала на бок, вскрикнув от боли в подвернувшейся ноге.

Спросонья залился лаем Чучо. В окне тотчас же вспыхнул свет.

— Кто там? — крикнул Мигель, появляясь в окне в накинутой на плечи пижаме. — Чучо, молчать! Ола́, кто там, я спрашиваю?

— Мигель, Мигель! — задыхаясь, позвала Джоанна, с трудом поднявшись на ноги. — Ты слышишь, это я, Мигелито...

— Джоанна? — Мигель оторопел, потом силуэт его исчез из окна, и через секунду хлопнула дверь. — Где ты, малыш? Что случилось, ради всего святого?..

— Ничего, я оступилась. Только помоги мне, я не могу идти...

— Но что случилось? — тревожно спросил Мигель, приведя ее в комнату и усадив. — В такой час, Джоанна, что с тобой?

— Сейчас... дай напиток скорее. Я сейчас расскажу... Мигель, мы должны немедленно ехать, слышишь? Куда хочешь — в ближайшую командансию, или в Эскинтлу, или прямо в столицу... Ты помнишь, я говорила относительно этого оружия, что сбрасывают на парашютах? Так вот, я только что узнала, что... Мигелито, что мне теперь делать? Господи, что мне теперь делать?

С нею началась истерика. Мигель, все еще ничего не понимая и окончательно потеряв голову, сбегал за водой, уложил Джоанну на постель и заставил глотать какие-то таблетки. Прошло не менее получаса, пока девушка успокоилась настолько, что смогла рассказать о случившемся.

— М-да, — промычал Мигель, когда она, наконец, окончила свой бессвязный рассказ. — Что ж теперь делать?.. Оружие они немедленно перепрячут, как только узнают утром о твоём побеге. Уже четвертый час — времени у нас почти что и не осталось...

— Но пойми, это же не играет никакой роли, — задыхаясь, говорила Джоанна, — найдут там оружие или нет! Моего показания не могут не принять, ведь я же видела своими глазами и могу подтвердить это под присягой! Ты пойми, сейчас важно произвести обыски на всех соседних финках, привлечь к этому внимание общественности! Если они что-то готовят, нужно их опередить, внести расстройство в их планы, пойми это, Мигель! Едем в ближайшую командансию, ради всего святого — ты хорошо водишь машину ночью? — едем скорее, мы сейчас ни минуты не имеем права терять, если только хотим что-то сделать...

— ...Поймите и вы меня, сеньорита, — опять начал комендант, устало прикрывая красные от бессонницы глаза, — я не имею права произвести такой обыск без ордера. Нам стоит остановиться на улице одного подозрительного и попросить у него документы, как на другой же день газеты всего полушария подымают крик о «красном терроре в Гватемале». А если мы станем по ночам врывать в дома плантаторов, не имея подписанного прокурором ордера? Поймите это, сеньорита, поймите и вы, дон Мигель, я просто не имею полномочий и не хочу рисковать делом, которое может вылиться в черт знает какой скандал. А если бы даже я и имел эти полномочия, — вдруг закричал он, выскакивая из-за стола, — то где у меня люди, черт побери! Где у меня оружие? Вы думаете, я не знаю, что делается на этих проклятых финках вокруг меня — и в «Грано-де-Оро», и в «Магдалене», и в «Лос-Кафеталес», и в «Эль-Параисо-Верде»? Вы думаете, я идиот или слепой? Нет, сеньорита, я все вижу и все понимаю! Но что я могу сделать, если у меня под командой только десяток полуобученных рекрутов и вот это старье... — он подскочил

к фанерному шкафу, стоящему у стены, и со злостью рванул настежь некрашенные покоробившиеся дверцы. В шкафу, тускло отсвечивая смазкой, стояло в гнездах несколько автоматов. — Половина из них вообще не стреляет, уважаемая сеньорита Монсон! А у одного вашего папеньки, да будет вам известно, кормится под видом конторщиков и капатасов не меньше полусотни головорезов, которые днем и ночью шляются с кольтом в каждом кармане! Ступайте сами обыскивать свое «аболенго», берите это и ступайте, если вы такая храбрая!

Выхватив из стойки автомат, он сунул его Джоанне. Та растерянно отшатнулась. Комендант убрал оружие в шкаф и захлопнул дверцы.

— То-то же, — проворчал он, усаживаясь за стол. — Как это просто, по-вашему! Пошел, обыскал, конфисковал — раз-два, готово! Не у вас одной болит голова из-за этих парашютов... У меня она уже вот такая! Да вы курите, дон Мигель.

Мигель присел рядом с Джоанной на узкий деревянный диванчик и взял сигарету из пачки, брошенной комендантом на стол.

— М-да... — вздохнул он, следя за сизой струйкой, стекающей с конца его сигареты. — В этом вы правы, сублитенант. Однако делать что-то нужно?

— Поезжайте вот по этому адресу, — ответил тот и, морщась от дыма, написал несколько слов на вырванном из блокнота листке. — Объясните им все, как объяснили мне... Передайте наш разговор... Они смогут дать вам более дельный совет. Во всяком случае, у них больше полномочий. И передайте им все, что я вам сказал относительно моего положения! Скажите, что, когда здесь начнется свалка, единственное, что я смогу сделать, это расстрелять из этих вот окон все патроны и последний пустить себе в висок. Пусть мне прикажут, дадут людей и оружие, и я разворочу все эти термитники до самого дна. А пока... — он развел руками. — Вы сами видите, какие у меня возможности.

— Я вижу, — тихо сказала Джоанна. — Ну что ж, поедем, Мигель?

Сублейтенант встал из-за стола и оправил портупею.

— Поезжайте, друзья, и желаю успеха. Вы знаете эту дорогу, дон Мигель?

— Приблизительно...

— Имейте в виду, что мост через Рио-Саладо сейчас ремонтируется, так что вам придется свернуть на восемьдесят шестом километре и ехать кругом. Крюк там небольшой, но дорога ни к черту не годится. У вас какая машина?

— Спортивный «миджет», — ответила Джоанна, — полускоростного типа.

— Это плохо. Вам не нужно было устраивать актов саботажа, сеньорита Монсон, а взяли бы лучше папашин «виллис», чем свою игрушку. Ну ладно, говорить об этом нечего. Так вы в этом костюме и удрали? — он улыбнулся в первый раз за все время разговора, покачав головой. — Ну, прощайте. Вы молодец, сеньорита... Я горжусь тем, что в Гватемале есть такие девушки. Завидую вашему будущему супругу! А, дон Мигель? И если хотите дружеский совет, поторопитесь с этим тоже. В такое время я бы не тянул... В такое время и с такой невестой, а?

Джоанна покраснела, пожимая ему руку.

— Адюс, сублейтенант, — сказала она тихо. — Впрочем, мы еще надеемся с вами увидеться...

Комендант поста оказался прав в своих опасениях относительно выносливости «миджета»: временный объездной путь за восемьдесят шестым километром подходил для любого вида транспорта, кроме этой низкосидящей машины с легкой подвеской, рассчитанной на езду по автострадам. Ухабы и поминутно попадающие под колеса крупные куски битого камня заставляли малолитражку подпрыгивать и нырять носом, едва не задевая за землю передним буфером, и то и дело шароухаться из стороны в сторону. Изю всех сил удерживая рвущееся из рук рулевое колесо, Мигель до рези в глазах напряженно вглядывался в проклятую дорогу, в ослепительном свете фар на-

поминающую фантастический ландшафт мертвой планеты: белые куски известняка, угольно-черные тени, бугры, провалы. Вырвавшись на относительно гладкий участок, он перевел рычаг на третью скорость и до отказа выжал акселератор, торопясь наверстать упущенное время — до рассвета оставалось не больше часа; и тут произошла катастрофа. Не замеченный вовремя широкий ухаб возник впереди и метнулся под машину прежде, чем сработал притупленный усталостью рефлекс. Опоздав на какую-то долю секунды, Мигель перебросил всю тяжесть тела на тормозную педаль, но в то же мгновение «миджет» с разгона ухнул вниз, едва не выбросив вскрикнувшую Джоанну из сиденья. Под днищем что-то гроыхнуло и пронзительно заскрежетало; выворачивая камни концом полуоторванного буфера, машина проползла еще несколько метров и стала, завалившись вбок и назад.

Джоанна потянула носом, приняхиваясь к резкому запаху горелой резины, и испуганно взглянула на Мигеля.

— Рессора, — коротко ответил тот на ее безмолвный вопрос и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Чтоб ей провалиться на самое дно преисподней, этой трижды проклятой дороге и тем, кто ее прокладывает!.. У тебя нет фонарика, Джоанна?

Она достала фонарь и выбралась из машины вместе с Мигелем. Он оказался прав: левая задняя рессора лопнула, словно срезанная ножом.

— Как тебе кажется, Мигель, — спросила Джоанна, когда они, убедившись в невозможности починить поломку своими силами, снова забрались в кабину и закурили, — как тебе кажется, по этой дороге часто ездят?

— Боюсь, что нет, — покачал головой тот. — Мы, во всяком случае, до сих пор еще никого не встретили и никого не обогнали...

— Тогда нужно идти пешком, — помолчав, сказала Джоанна. — Пока кого-нибудь не встретим... Не может быть, чтобы нам отказались помочь в таком деле!..

— Зависит — кого встретим. И потом ты со своей ногой все равно не дойдешь... Чтобы кого-то перехватить, нам нужно вернуться на шоссе. Почти десять километров по такой дороге... Как нога, болит?

— Немножко. Так или иначе, у нас нет другого выхода, ровно никакого, Мигель. Я могла бы остаться здесь и ждать тебя, но ведь, даже если ты туда доберешься, твои показания без моих ничего не будут стоить. Ведь правда?

— М-да... — Мигель сунул сигарету в пепельницу и задумчиво пощелкал крышечкой. — Ну что ж, попытаемся...

Из десяти километров они не прошли и одного; больная нога Джоанны снова подвернулась на обломке камня. Вскрикнув от боли, девушка уцепилась за руку своего спутника, опускаясь на землю. Мигель присел рядом с ней и при свете фонарика осмотрел уже распухшую щиколотку.

— Очень больно?

Джоанна молча кивнула, сморгнув с ресниц слезы.

— Вот видишь, упрямица, — с ласковым упреком сказал Мигель, — я ведь тебе говорил... Ну ничего, хватай меня за шею, вот так. Гоп-ля, поехали!

Он поднял ее на руки и понес к машине, тяжело хрустя по крупному щебню. Джоанна тихо плакала — от боли, от сознания непоправимой ошибки, совершенной при выборе машины; оттого, что скоро рассвет, а они еще ничего не успели сделать, оттого, что так неожиданно рухнула вся ее прежняя жизнь, такая привычная и до сегодняшней ночи казавшаяся такой прочной и безопасной.

Мигель осторожно усадил Джоанну в кабину, сел рядом и обнял за плечи.

— Ну вот, теперь все будет в порядке, верно, малыш? Будем сидеть и ждать, пока кто-нибудь не появится... Кто-то ведь должен ездить по этой дороге, иначе комендант нам про нее не сказал бы. Да и вообще, если мост через Рио-Саладо закрыт, то не по воздуху же они летают, верно? Ну, посмотри на меня...

Он достал платок и осторожно вытер слезы с ее щек.

— Вот так. А плакать нечего. Давай поговорим лучше о чем-нибудь хорошем... Ну, например, о нашей будущей квартире. Какую мебель ты предпочитаешь?

Джоанна всхлипнула и сказала дрожащим голосом:

— Мне нравится... функциональная... Но только она очень дорого стоит. Я не думаю, что... что у нас сразу появятся деньги на функциональную мебель...

— Отлично! — весело воскликнул Мигель. — Значит, голосуем за функциональную. А насчет цены... — Он притянул Джоанну к себе и шепнул на ухо, словно доверяя важную тайну, — так мы ее купим в рассрочку. Верно?

— Верно, — улыбнулась Джоанна и вдруг снова расплакалась, закрыв лицо ладонями. — Мигель, мы ведь... ничего не успеем, ты понимаешь?.. Это все я виновата... Если бы я не была такой безнадежной дурой... Если бы я взяла другую машину... Я ведь даже подумала, а потом испугалась... У «виллиса» прогорел глушитель — отец мог бы услышать...

Мигель снова принялся ее утешать. Наконец Джоанна успокоилась и задремала, прижавшись к его плечу. В предрассветном сумраке ее осунувшееся лицо казалось мертвенно-бледным. Мигель, боясь пошевелиться, смотрел на нее с нежностью и жалостью, испытывая новое для себя чувство мужской ответственности — большое, наполняющее гордостью и немного пугающее чувство, принесенное ему этой девушкой, отдавшей под его защиту. Джоанну Алариду Монсон, красивую и немного избалованную дочь владельца лучшей в округе плантации, он знал и любил уже почти семь лет, любил и знал настолько, что счел возможным просить ее руки; а эту теперешнюю Джоанну — бродяжку в нелепом мальчишеском костюме, убежавшую из родного дома во имя принципов, внушенных ей им, Мигелем Асеведо, эту новую Джоанну он узнал только сегодня ночью и только сегодня ночью понял, что чувство, которое

жило в нем все эти годы, было еще не настоящей любовью.

Ему хотелось курить, но сигареты были в кармане брюк, и он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить любимую, спящую на его плече. Быстро светало, с каждой минутой можно было все яснее разглядеть каменистую дорогу в ложбине между двумя невысокими кряжами, поросшими причудливо изогнутыми горными соснами. Вдоль дороги легкими порывами дул свежий предутренний ветер, остро и терпко пахло хвоей, и в побледневшем небе уже начиналась великолепная игра алых и золотых красок тропического рассвета. Джоанна, сломленная усталостью, крепко спала, вздрагивая от холода и крепче прижимаясь к своему другу.

В этот час мира и предрассветной тишины, за полтора километра от того места, где на горной дороге стояла их беспомощная машина, уже горели маисовые поля, оскверняя дымом чистое утреннее небо, и люди в широкополых тexasских шляпах, пригнувшись, перебегали от дома к дому, на бегу стреляя из автоматов. В этот мирный час бомбардировщики, с которых накануне были соскоблены опознавательные знаки «великой северной демократии», уже неслись над землей Гватемалы, обрушивая на глинобитные хижины напалм и тринитротолуол и с брющего полета расстреливая бегущих по дорогам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

В пять часов утра в спальне Монсона зазвонил телефон. Еще не окончательно проснувшись, дон Индалесио выпростал из-под одеяла волосатую руку, нашарил трубку и приподнялся на локте.

— Ола, — сказал он хриплым спросонья голосом. — Да, я слушаю... А, это ты, Перальта. Рановато для... Что?!

Сон окончательно улетучился. Не отрывая от уха трубку, дон Индалесио сбросил на пол ноги и сел.

— Так... Я понимаю, — сказал он. — Я понимаю. Но это абсолютно точно? Смотри, чтобы не получилось... А, ну, если так... Хорошо. Нет-нет, будь спокоен. Хорошо. Пока, Перальта...

Несмотря на все свое самообладание, на этот раз дон Индалесио почти растерялся. Натянув свои неизменные белые бриджи, он взялся было за рубашку, швырнул ее и схватил трубку внутреннего телефона. Ему ответил голос старшего капатаса — заспанный, с легким иностранным акцентом.

— Энрике! — крикнул нетерпеливо дон Индалесио. — Зайдите сейчас ко мне. Оденьтесь поживее и приходите, я вас жду. Да, в спальню.

Старший капатас, дон Энрике Хофбауэр, недаром прошел в Европе хорошую солдатскую школу; Монсон еще не успел покончить со своим утренним туалетом, как тот уже явился, как всегда, подтянутый и даже выбритый.

— Слушаю, патрон.

Дон Индалесио успел уже снова овладеть собою. Растерянности как не бывало, все его существо переполняли теперь энергия и радостное сознание того, что пришел час действовать. Час, которого все ждали долгие десять лет!

— Доброе утро, Энрике, — сказал он, не обернувшись, точными быстрыми движениями бритвы продолжая снимать со щек мыльную пену. — Я вас вытащил из постели, извините. Есть новости. Час назад Армас перешел границу.

— Так, — сказал старший капатас и сел без приглашения. — Значит, пора начинать?

— Очевидно. Но пока подождем. Многое решится в первые сутки, может, даже часы. Вот что, Энрике...

Почему-то именно в этот момент — в первый раз — ему вспомнилась вчерашняя сцена в комнате дочери. Дон Индалесио едва не порезался, но окончил бритье, сполоснул бритву под краном, аккуратно и насухо вытер полотенцем лезвие, закрыл и положил на звякнувшую стеклянную полочку. Он многое бы дал, чтобы все это только приснилось! Девочка вела себя безобразно, спорить не приходится. Но все же... Ударить по лицу взрослую девушку, урожденную Монсон, родную дочь, которая когда-то карабкалась ему на спину и называла его «татита»!.. Как скверно все это вышло, и нужно же ей было

увидеть этот контейнер!.. Ну ничего, он перед нею извинится. Он, Монсон, попросит прощения у своей дочери и сделает это сегодня же утром. Сегодня счастливый день. Пятница, восемнадцатое июня. Он поговорит с Джоанной спокойно и серьезно, как со взрослым человеком. Он объяснит ей все, и она не сможет не согласиться с тем, что он действует правильно. Сии снова найдут с дочерью общий язык, а завтра или послезавтра падет кабинет Арбенса, и тогда... Дурочка, она не понимает, какая блестящая будущность открывается теперь перед нею, Джоанной Монсон!..

— Вот что, Энрике, — сказал он, обтирая лицо смоченным в горячей воде полотенцем. — Поезжайте в «Эль-Прогресо»... Сейчас лучше не пользоваться телефоном... Возьмите мой «виллис» и поезжайте... Скажите сеньору Гарсиа, что мне только что звонил полковник и сообщил эту новость. Попросите его немедленно приехать. Постарайтесь только, чтобы с ним не увязался этот ваш тезка, лицензиат. Надо же, чтобы у такого отца и такой сынок!

— Бывает, — коротко сказал сеньор Хофбауэр. — Старика привезти с собой?

— Если захочет, — дон Индалесио пожал плечами. — Едва ли, он любит более удобные машины. Во всяком случае, попросите его не задерживаться.

— Понятно. — Хофбауэр встал и вышел из спальни своим твердым и быстрым шагом.

Дон Индалесио налил на ладонь одеколону и стал быстро растирать лицо, покряхтывая от приятного жжения. Да, этому лисенсиадо не видеть Джоанны как своих ослиных ушей. Девочка будет первой невестой в Гватемале, а с ее внешностью и знанием английского она через год сможет стать украшением любого дипломатического салона... И даже не здесь, а где угодно: в Вашингтоне, в Лондоне...

Праведное небо, подумать только, что это, наконец, совершилось! Столько лет ожидания — и вдруг в такое вот летнее утро тебя будят телефонным звонком и сообщают, что это стало совершившимся фактом! Только бы Армас не наделал глупостей. На

военных никогда нельзя положиться, эти расшитые галунами фанфароны хороши только на парадах и лишь изредка в бою. А к политике их лучше не допускать. Ни военных, ни всех этих столичных докторишек-адвокатов. Единственная реальная сила в стране — землевладельцы. Будущее принадлежит нам, в ближайшее время это станет очевидным для всех...

Дон Индалесио застегивал сорочку, когда в коридоре снова слышались шаги старшего капатаса — твердые и быстрые, на этот раз чуть быстрее обычного. Монсон поднял брови и обернулся к двери. Еще не было случая, чтобы Энрике, выслушав поручение, возвращался бы переспрашивать.

— В чем дело? — недовольно спросил он, когда Хофбауэр вошел в комнату.

— «Виллис» выведен из строя, — доложил тот. — В радиаторе пробито отверстие. Кроме того, сорван карбюратор.

Дон Индалесио рванул неподатливую пуговицу.

— Идиоты! — он скрипнул зубами. — Сколько раз просил усилить охрану! Сегодня индейская сволочь портит машину, а завтра начнет стрелять в окна. Странно, что именно сегодня ночью... Расследуйте это дело, Энрике, а пока возьмите «миджет» сеньориты и поезжайте скорее, ради пречистой девы!

— «Миджета» в гараже нет, — так же спокойно сказал Хофбауэр.

Дон Индалесио, уже отошедший к зеркалу, медленно повернул голову.

— Что вы сказали? — хрипло спросил он, подходя вплотную к капатасу. — Вы еще не проснулись, что ли? Как это нет в гараже, когда я сам видел его там вчера вечером!

— Может быть. Но сейчас утро, — возразил Хофбауэр. — Если не верите, можете пойти и посмотреть.

Дон Индалесио не тронулся с места. Лицо его и вся коренастая фигура плотного пятидесятилетнего мужчины вдруг как-то обмякли, словно состарившись

в одно мгновение на несколько лет. Постояв несколько секунд в оцепенении, он сделал шаг в сторону и тяжело опустился на постель, понуриив коротко подстриженную, с проседью голову.

Сейчас. Он только посидит минуту, преодолеет эту непонятную и унижительную слабость. Но нет. Войти туда самому, своими глазами убедиться в... Нет! Пусть это трусость, слабость, он этого не сделает. Пусть другой сообщит ему эту новость, он тем временем к ней подготовится. Бог свидетель, сам он не может сейчас туда войти.

— Энрике, — сказал он вполголоса, не поднимая глаз. — Будьте добры пригласить ко мне сеньориту. Она, очевидно, еще спит, разбудите ее.

— Слушаю, — отозвался Хофбауэр. В дверях он остановился и глянул на патрона, продолжавшего сидеть в той же позе. — Простите, но... Может быть, не стоит?

— Ступайте, — хрипло, словно с натугой, сказал Монсон. — Бросьте деликатничать, если я посылаю вас в комнату моей дочери — значит, это прилично, будь то днем или ночью.

— Слушаю, — повторил старший капатас.

Он шел по коридору своим твердым и быстрым шагом, словно вбивая в пол каблуки. «Деликатничать», «прилично»! Старый пень вообразил себе, что он, шарфюрер Хайнрих Хофбауэр, стесняется войти в комнату к девушке, рискуя застать ее в постели. Кстати говоря, фрейлейн Монсон в своей постели сегодня не спала, можно держать пари. Именно это он и хотел сказать старику, а если тот не понял, тем хуже для него самого. Впрочем, возможно, старик обо всем уже догадался и просто делает вид...

Хофбауэр вошел в комнату сеньориты не постукавшись — смелость, которая могла бы стоить ему места, ошибись он в своем предположении, — толчком распахнул дверь и вошел так, как входил в такие же комнаты десять лет тому назад там, в Европе, в надвинутой на глаза каске, со своим «МП-38/40» под мышкой и серебряными молниями СС на петлицах. «Да, времена меняются, — подумал он, равно-

душно оглядывая комнату, — но кое-что и остается неизменным. Хотя наши «партайгеноссе» и оказались во многом дураками, одного у них не отнимешь: они сумели разгадать смысл эпохи... И если бы Запад их в свое время послушал, ему не пришлось бы теперь — в Корее, в Индо-Китае, в Гватемале — иметь дело с той силой, которую можно было уничтожить еще под Сталинградом...»

Он постоял посреди комнаты, держась обеими руками за пояс и широко расставив ноги, оглядел книжные стеллажи, стол, диван, на котором поблескивала маленькая пишущая машинка; потом, пинком отшвырнув упавшую со стола книгу, подошел к алькову и раздернул занавес. Приготовленная постель, как он и думал, оказалась не тронута, на коврике аккуратно, как их поставила горничная, стояли туфельки, через спинку кресла была перекинута ночная рубашка. Ясно, девчонка и не ложилась. Подумать, что ей все же удалось разглядеть в сарае этот проклятый тюк... И как она вообще догадалась, что это такое!

Вообще любопытная штука эта маленькая Монсон. Хофбауэр усмехнулся, взял с кресла ночную рубашку, подбросил и перехватил в воздухе невесомую струю нейлона. Интересно, что толкнуло ее на сторону красных? Девчонка выросла в роскоши, и вряд ли эта роскошь ей неприятна... если судить хотя бы по таким вот штучкам из ее гардероба. Влияние учителя? Да, скорее всего. Влюбленной кошке можно внушить что угодно, она будет повиноваться, даже не задумываясь. Конечно, учитель. Насчет учителя он давно говорил старику. Впрочем, тот и не возражал, тот сказал прямо: «Когда придет время сводить счеты, мы о нем позаботимся в первую очередь». Гм, если этот сеньор учитель не позаботится кое о ком еще раньше...

Он вернулся к Монсону. Тот встретил его сообщение так спокойно, что Хофбауэр понял: старик обо всем догадался с самого начала. Он даже почувствовал уважение к этому американцу; ничего не скажешь, держится как мужчина.

— Я могу ведь съездить и на мотоцикле, — сказал Хофбауэр, — это даже скорее. А старый Гарсиа приедет в своей машине.

— Что такое? — не сразу переспросил Монсон. — А... на мотоцикле. Да, конечно. Поезжайте, разумеется. Постарайтесь вернуться быстрее, вы будете мне нужны. Ваш мотоцикл в порядке?

— Нет, но я возьму у Освальдо его «харлей».

Через пять минут он пулей вылетел из ворот, сидя очень прямо в низком седле мощного военного мотоцикла. Утро вставало над холмами, ясное и радостное. Солнце уже зажгло кроны растущих вдоль шоссе высоких гавилий, встречный ветер обведал лицо свежими запахами зелени и росы. Хофбауэр ничего этого не замечал, настроение у него было скверное — из-за пустыков, если вдуматься; и сознание того, что теперь пустыки могут влиять на его настроение, в свою очередь, было малоприятным. Когда-то он был тверже. Что делают с человеком эти тропики! Защитные очки он забыл, возвращаться не стоит — плохая примета, — но нужно быть ослом, чтобы в этой стране ездить на мотоцикле без очков. Да и вообще он не любил мотоциклов, а этой марки и подавно. Слишком уж она напоминает сорок пятый год в Мюнхене. «Харлей-дэвидсон» — на этих мощных, необычно низких мотоциклах ездили американские эм-пи. Мордастые сукины сыны в белых касках и с громадными автоматическими кольтами в белых кобурах, такие моторизованные ковбои!

...Да, ему, в сущности, повезло. Конечно, здесь не Аргентина; но как-никак, а жаловаться эти семь лет ему было не на что. Куда труднее было там, в Бизонии, когда всякая сволочь за тобою охотилась. Правда, ему посчастливилось сразу попасть к Монсону, иначе тоже пришлось бы не сладко. А Бизонии уже никакой нет, теперь есть Федеративная республика — опять Германия, начинающийся Четвертый райх. Собственно говоря, какого черта он продолжает торчать в этой идиотской стране? Разве что занятно посмотреть, как кончит товарищ Арбенс?..

О чем это он недавно думал? Да, об этой амери-

канской штучке, о маленькой Монсон. Занятная девочка! Он, по правде сказать, никогда таких не понимал. Видать видел и всякий раз становился в тупик. Такие попадались и во Франции, и в Чехословакии, и даже — раньше — в самой Германии. А теперь вот в Гватемале. Казалось бы, какая связь? Совершенно разные вещи. В Германии — в 33-м, 34-м годах — это была политическая борьба, во Франции — оккупация, здесь положение совсем не то. А общее есть. Где бы то ни было и под каким бы то ни было лозунгом, а борьба всегда одна и та же: по одну сторону те, что жрут, по другую — те, что работают. Все сводится к этому, как бы ни называли себя противники в каждый данный момент, это непреложно. Это как земное тяготение: от него никуда не денешься, сколько ни прыгай...

Их движение с самого начала было движением жрущих, а не работающих. Неважно, что партия называлась «национал-социалистической»; вся ее политика, вся ее борьба сводилась к тому, чтобы не допустить рабочих к власти, сохранить господство за господами. Все двенадцать лет борьба шла именно за это; борьба в мюнхенских пивных и на улицах «красного Веддинга», борьба в английском небе и борьба в русских степях. Именно за это, сколько бы ни говорилось тогда о жизненном пространстве, расе господ и недочеловеках. По логике этой борьбы, по логике всей нашей эпохи капиталист самой что ни на есть неполноценной расы был нам ближе, чем самый стопроцентный ариец с коммунистическим партийным билетом в кармане.

Конечно, это не всегда проявлялось так уж явно, и через наши крематории прошла не одна сотня фабрикантов и банкиров; но это были издержки борьбы, а ведь, строго говоря, тот же французский фабрикант никогда не имел более надежной гарантии против всяких случайностей, чем германская армия в Париже. Случайности, и иногда довольно неприятные, могли произойти лично с ним, с этим самым фабрикантом, но не с системой, которая его породила и которой неразрывно определялась вся его

жизнь, вся его деятельность и даже все его вкусы и привычки.

Да, по логике вещей в Сопротивлении должны были участвовать только красные. А на деле участвовали очень многие: даже сыновья и дочери тех самых фабрикантов, которые должны были бы целовать руки немецкому солдату, защищавшему их от большевизма. Он, Хофбауэр, никогда этого не понимал. И такие люди всегда казались ему врагами вдвойне. Рабочий, коммунист — это был, так сказать, противник открытый и законный; он действовал в интересах своего класса, подлежал уничтожению, но в известной степени его можно было даже уважать. А вот такие, как эта шлюшка Монсон, — это не просто враги, это еще и ренегаты...

Приехав в «Эль Прогресо», Хофбауэр увидел, что поездка была напрасной. Гарсиа уже знали обо всем, и старик как раз собирался к Монсону. Лицензиат, очевидно вполне уже готовый к боям и походам, в фантастическом полувоенном-полуспортивном костюме оливково-зеленого цвета, сидел, развалившись в кресле, перекинув ногу через подлокотник, и со скучающим видом подбрасывал на ладони большой автоматический пистолет.

— Ола, Хофбауэр! — воскликнул он, прицеливаясь в живот капатаса. — Наконец-то мы дождались веселых времен, а? Посмотрите-ка на эту игрушку — калибр сорок пять, может прошить насквозь дюжину арбенсистов, поставленных в затылок. Нравится?

— Мне не нравится, как вы с ней обращаетесь, — сказал дон Энрике. — Оружие можно назвать игрушкой, но играть им не следует. Тем более прицеливаться в человека. В армии с вас за это содрали бы семь шкур. Впрочем, вы же не служили, сеньор лиценсиадо.

Лицензиат убрал пистолет, улыбнувшись довольно кисло.

— Вы строгий человек, Хофбауэр, сразу видна хорошая школа. Не будем ссориться из-за пустяков. Как чувствует себя сеньорита Монсон? Впрочем, вы

вряд ли имели удовольствие видеть сеньориту сегодня утром, еще ведь рано...

Он смутился, подумав вдруг, что доверенному лицу Монсона могла стать известной вчерашняя его неудача с вербовкой Джоанны в боевую организацию. Рассказала она отцу или не рассказала? На всякий случай он добавил как можно более небрежным тоном:

— Вчера мы с сеньоритой немного повздорили... Она придерживается несколько иных взглядов на методы борьбы с правительством.

— Да, — кивнул Хофбауэр, — если судить по тому спору с падре Фелипе, взгляды сеньориты Монсон действительно несколько иные.

«Уже не вздумал ли этот немец надо мной смеяться», — с беспокойством подумал лицензиат, подозрительно глянув на капатаса.

— М-да... — промямлил он, снова принимаясь играть пистолетом. — У старика Монсона есть уже какой-нибудь план действий на сегодня? Или будем применяться к обстоятельствам?

— Когда сеньор ваш отец вернется из «Грано-де-Оро», вы, очевидно, получите самую полную информацию обо всем.

— Почему «когда вернется»? — лицензиат вскинул брови. — Мы едем вместе, и я надеюсь сам...

— Вам ехать нельзя, — перебил Хофбауэр.

— Что значит «нельзя»? Почему это мне нельзя ехать?

— Посудите сами, ваша финка известна всем как один из центров оппозиции. Как только новость о вторжении распространится по плантациям, сюда начнут приезжать люди за указаниями. Поскольку сеньор ваш отец будет отсутствовать, я считаю, что вам следует подежурить здесь. В любую минуту может возникнуть обстановка, требующая быстрого решения.

— Да, но до «Грано-де-Оро» всего каких-нибудь полчаса по шоссе... Я оставляю указания, чтобы ехали прямо туда...

— Ну, — Хофбауэр развел руками, — как хотите. Я могу только советовать. Разумеется, если вы пред-

почитаете избежать ответственности... потому что в «Грано-де-Оро» командовать будете не вы, а сеньор Монсон или сеньор ваш отец...

Лицензиат фыркнул и вскочил с кресла.

— Я боюсь ответственности? Плохо вы меня знаете! — Он прошелся по комнате, воинственно оправляя пояс и шурша своим замысловатым парядом; разумеется, в «Эль-Прогресо» могли явиться за инструкциями — неповторимая возможность показать себя во всем блеске! Но и повидаться в такой день с Джоанной тоже было заманчиво. Вчера он говорил с нею как заговорщик — сегодня предстанет воином. Жаль, нужно было уехать в свое время в Гондурас! Теперь он мог бы появиться в «Грано-де-Оро» во главе целого отряда — пыльный, прокопченный пороховым дымом, с грязным бинтом под каской. Да, дорогая сеньорита, тогда вы говорили бы иным тоном...

Воинственные мечты настроили лицензиата на более суровый лад и решили колебания.

— Хорошо, я остаюсь, — отрывисто сказал он, снова роняя в кресло свое длинное тело. — Стаканчик виски, Хофбауэр?

— В шесть утра? — спросил тот с едва заметной иронией. — Вы, я вижу, не теряете времени, дон Энрике.

Дон Энрике ответил не без лихости, что есть две вещи, которыми солдат может заниматься в любое время суток с одинаковым успехом, — любовь и выпивка; после чего он достал откуда-то из-под кресла початую бутылку и, отпив из горлышка, передал Хофбауэру.

— Ну, я поехал, — сказал тот, в свою очередь отпив глоток. Вид развалившегося в кресле «солдата» вызвал в нем новый приступ раздражения. Нет, Адольф был все же кое в чем, несомненно, прав, это романское отребье — самые настоящие недочеловеки. И этот кастрат еще говорит о любви! Топтался вокруг девки, пока та не удрала к более предприимчивому парню. На твоём месте, мой милый, я не спе-

шил бы так в «Грано», там тебя ничего хорошего не ждет.

— Прикажете передать что-либо сеньорите Монсон? — спросил Хофбауэр самым естественным тоном, уже натягивая перчатки.

— Нет нужды, — отозвался дон Энрике, — скоро я сам буду в «Грано-де-Оро» и лично принесу сеньорите мои поздравления с великим днем.

— Не сомневаюсь, что они окажутся весьма кстати и будут приняты с благодарностью. Честь имею, сеньор лисенсиадо! Скажите сеньору вашему отцу, что я поехал на мотоцикле, он может меня догнать.

ГЛАВА 2

Весть о вторжении застала их в маленьком горном «пуэбло», куда они прибыли в запряженной мулами повозке около одиннадцати утра. Единственный в местечке приемник работал на истощенных батареях, но люди, столпившиеся у стойки, смогли все же расслышать правительственное сообщение о трех сильных колоннах инсургентов, вторгшихся в страну с территории соседней республики Гондурас и действующих при активной поддержке авиации «неизвестного происхождения».

Джоанна слушала с недоверчивым видом, полуоткрыв губы, не отрывая взгляда от тусклой, засиженной мухами шкалы. Значит, это все же случилось. Значит, те разговоры имели все же под собою реальное основание. Когда хозяин кабачка выключил приемник, сказав, что батареи нужно экономить и следующее слушание состоится через три часа, она протискалась к Мигелю и схватила его за руку.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила она с ужасом. — Что это все значит?

— Это значит, что мы с тобой опоздали, — ответил тот хмуро. — И что твой отец хорошо знал, что делал... Идем, малыш, пообедаем. К трем мы сюда вернемся.

— Как ты можешь говорить сейчас о еде? — возмутилась Джоанна.

— А ты решила объявить голодовку? — Мигель усмехнулся. — В знак протеста против агрессии? Идем. И ты, пожалуйста, держи себя в руках. В конце концов еще ничего не известно. Дело может оказаться просто пограничным инцидентом.

— Но самолеты?

— Ну и что — самолеты? Мы живем в век авиации, — угрюмо пошутил Мигель, беря Джоанну под руку.

Они вернулись в гостиницу, жалкий постоянный двор с претенциозной и явно рассчитанной на туристов вывеской «Кэриббиэн Блю»*. После обеда, съеденного по настоянию Мигеля, Джоанна ушла к себе в номер, перебинтовала ногу и вытянулась на неудобной кровати, прикрыв глаза. Впрочем, тотчас же она опять их открыла, обводя взглядом грубо побеленные стены. Прямо напротив изголовья, как единственная дань цивилизации, висели два рекламных плакатика глянцевого картона: один, ярко-красный, призывал пить кока-колу, на другом ослепительно улыбающаяся Энн Блайт рекомендовала «туалетное мыло Люкс — мыло звезд экрана»; на колченогом столике в углу стоял сомнительной чистоты умывальный таз; Джоанне Монсон еще никогда не приходилось жить в такой обстановке. Ей припомнилась ее нью-йоркская комнатка, украшенная вымпелами бейсбольных команд и абстрактными рисунками непризнанных гениев Гринуич-Виллэджа; ее громадная комната в «Грано-де-Оро» — выходящие в сад широкие окна до самого пола, удобная мебель светлого американского ореха, голубовато-серый ковер, стеллаж вдоль всей стены, уставленный глиняными масками и кувшинами — слепками древностей майя. Джоанна покосилась на умывальный таз и усмехнулась немного растерянно.

За дощатой перегородкой Мигель упрямо шагал

* «Карибская синева» (англ.).

по своему номеру — шесть шагов и поворот, шесть шагов и поворот, — очевидно, по диагонали.

— Мигель! — позвала Джоанна, обернувшись лицом к перегородке. — Почему ты все ходишь?

— То есть? — спросил тот, перестав шагать.

— Ты уверен, что это только пограничный инцидент?

Шаги возобновились.

— Я ни в чем не уверен, дорогая... — не сразу ответил усталый голос. — Я просто высказал предположение... надежду, если хочешь. Как твоя нога?

— Ничего, Мигель, лучше. Опухоли уже почти не заметно. Мигель, я думаю, нам пора, уже половина третьего. Еще пропустим что-нибудь важное... Может быть, они уже принесли извинения, как ты думаешь?

В кабачке было еще больше народу, чем утром, — казалось, все население поселка слушало в гробовой тишине неясный, едва слышный голос столичного диктора; и сообщаемые им новости были страшнее утренних. Части регулярной армии продолжают вести ожесточенные бои в приграничной зоне; огромное превосходство вражеской техники вынудило правительственные войска к отступлению на некоторых участках; как выяснилось, части инсургентов, главным образом состоящие из наемников, находятся под командой гватемальских офицеров, изменивших своей присяге, во главе с полковником-дезертиром Карлосом Кастильо Армасом; ряд населенных пунктов, в том числе города Сакапа, Сан-Хосе и Пуэрто-Барриос, подверглись атакам с воздуха.

— Да, это война, — тихо сказал Мигель, не глядя на Джоанну, когда они опять вышли на раскаленную послеобеденным зноем улицу. — Теперь уже об инциденте говорить не приходится.

Она и сама уже давно поняла, что для всего случившегося есть только одно название: война. Но когда Мигель произнес это слово вслух, оно поразило ее подобно удару грома. У Джоанны мгновенно пе-

ресохло во рту, как тогда, при виде тюков с оружием.

— Да, но... как же так, Мигель? — растерянно спросила она. — Что же теперь будет? Ведь мы только что... мы ведь только что собирались... как же это, Мигель? Я так хотела поехать в Антигуа...

Она замолчала. Было очень тихо, на белых стенах пылало солнце; размывая очертания гор, струилось зыбкое марево зноя. Было очень тихо, а где-то в низинах рвались бомбы, вдребезги разнося тишину и человеческие жизни.

— Что ж делать, дорогая? — Мигель сделал усилие и улыбнулся; лицо его, худое и небритое, вдруг показалось Джоанне постаревшим на несколько лет. — Что же делать, моя маленькая?.. Лучше идем, Джоанна. Идем, не нужно. И потом тебе вредно на солнце — с такой прической...

Он протянул руку и погладил ее по голове.

— Еще солнечный удар получишь, здесь с этим шутить нельзя. Идем, малыш...

Он обнял ее за плечи, обессилевшую от горя, и медленно повел по неровному каменному тротуару вдоль пылающих белым огнем стен.

Вечером они еще раз послушали радио. Коммивояжер, приехавший в нарядном бело-зеленом «шевроле», наотрез отказался взять их с собою, сославшись на перегруженность машины; зато он любезно предложил Джоанне воспользоваться отличным радио, которым был снабжен его новенький автомобиль. Они опять прослушали дневные сообщения, к которым сейчас прибавилось еще одно — о многочисленных вооруженных выступлениях антиправительственных элементов, имевших место в разных пунктах страны. Услышав это, Джоанна переглянулась с Мигелем и закусила губы. Правительство призывало население к лояльности и оказанию помощи властям.

«Народ Гватемалы! — торопливо читал диктор. — Банда милитаристов, возглавляемая ставленником

Объединенной фруктовой компании полковником Кастильо Армасом, ввергла нашу страну в ужасы войны, стремясь свергнуть законное правительство и посадить на его место марионеток североамериканского капитала, стремясь снова превратить Гватемалу в колонию доллара, какой она была до 1944 года. Перед нашей родиной со всей остротой опять встает вопрос — жизнь или смерть, суверенитет или рабство, строительство свободной жизни или прозябание в ярме иностранных монополий...»

Потом было передано воззвание к общественному мнению США с протестом против использования североамериканских самолетов в истребительной войне против детей и женщин Гватемалы и обращение Красного Креста к народам Латинской Америки и всего мира с просьбой немедленно жертвовать перевязочные материалы, хирургический инструментарий, медикаменты и кровяную плазму.

Столпившиеся вокруг машины люди в истрепанной одежде, выгоревшей под палящим солнцем и тропическими ливнями, слушали молча, и их лица, озаренные пламенем заката, казались вырезанными из красного дерева. Уже собравшись выйти из машины, Джоанна вдруг решила попробовать настроиться на какую-нибудь станцию США. Ей повезло: над группой молчаливых слушателей вдруг полились гортанные и шипящие звуки чужой речи. Джоанна прислушалась и нетерпеливым жестом потребовала у Мигеля блокнот и карандаш, принявшись быстро стенографировать.

«...освободительная война, — записывала Джоанна, — начатая патриотами Гватемалы против тоталитарного правительства этой страны, свидетельствует о непреклонной воле народов Латинской Америки воспрепятствовать любой попытке создания здесь плацдарма для коммунистической агрессии против западного полушария. Правительство, которое возглавляет полковник Джэкоб Арбенс, широко известный своими просоветскими симпатиями, в течение последнего года получило от Советского Союза самое современное вооружение в количестве, превра-

тившем эту безобидную на первый взгляд «банановую республику» в угрозу для всего континента. По заявлению одного из видных экспертов государственного департамента, Гватемала располагает в настоящий момент военным потенциалом, приближающимся к потенциалу гитлеровской Германии в период Мюнхена. По сведениям, полученным из совершенно достоверных источников, советские специалисты работают над сооружением баз-убежищ для подводных лодок на западном побережье Гватемалы, причем эти строго засекреченные работы ведутся в свойственном советским строителям сверхбыстром темпе, с массовым применением рабского труда местных жителей, брошенных в концлагеря за несогласие с политикой правительства. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в той опасности, которую в случае войны могут представлять для тихоокеанского побережья США и для наших морских коммуникаций советские субмарины, базирующиеся на Гватемалу. Победоносное восстание, поднятое рыцарем демократии полковником Кастильо Армасом и пользующееся единодушной поддержкой всего населения, нанесло сокрушительный удар агрессивным планам СССР в Латинской Америке. Соединенные Штаты, оставаясь верными своей традиционной политике «добраго соседства» и принципу невмешательства во внутренние дела суверенных наций, не могут, однако, не поддерживать — хотя бы морально — великолепного освободительного движения, вспыхнувшего в Гватемале во имя восстановления попорченной демократии и справедливости».

Голос умолк, и его тотчас же сменил другой, развязный и по-техасски квакающий:

— Диир френдс, перед нашим микрофоном только что выступал известный радиокомментатор по международным вопросам мистер Фрэнклин Осборн. Вы получили возможность прослушать его компетентное мнение относительно последних событий только благодаря любезности фирмы «Джонсон энд Джонсон», фабрикантов всемирно известной зубной пасты «Голд-Гэйт»! Только «Голд-Гэйт» дает вам

приятное дыхание для работы и поцелуя! «Голд-Гэйт» — зубная паста четырех континентов!

Джоанна вылезла из машины, обводя всех ошеломленным взглядом.

— Послушайте, я вам сейчас прочту, — сказала она. — Это выступал один янки, комментатор по международным вопросам... Мигель — это просто кошмар...

Она начала читать записанное. Читала она плохо, ежесекундно запинаясь, потому что расшифровывать стенограмму и одновременно с этим переводить оказалось нелегким делом; но слушатели терпеливо ловили каждое ее слово. Когда она кончила, люди переглянулись.

— Неужто он так и сказал, что мы представляем опасность для континента? — недоверчиво спросил один, в своем полинявшем комбинезоне похожий на механика из города. — Значит, и для них мы тоже опасны?

Джоанна кивнула и еще раз прочла фразу комментатора. Механик покачал головой, громко, не стесняясь присутствия девушки, выругался и побрел прочь. Вслед за ним разошлись и остальные.

Джоанна осталась сидеть вместе с Мигелем на каменной скамейке у ворот, прислонясь головой к его плечу и глядя на фислетовое небо, в котором уже дрожали первые звезды и где неслись во всех направлениях невидимые волны с призывами к справедливости, с мольбами о помощи, с требованиями плазмы и медикаментов, медикаментов и плазмы... И в этом же небе под чистыми мерцающими звездами летят сейчас боевые приказы командирам бомбардировочных соединений и слова лжи, под прикрытием которых эти приказы будут исполнены.

— Как это может быть, Мигель? — шепотом спросила Джоанна, проглотив слезы. — Страна, в которой были Джефферсон, Линкольн...

— И в которой есть Мак-Картти и Джон Фостер Даллес, — добавил Мигель. — Во времена Джефферсона не существовала «Юнайтед фрут», Джоанна.

— Но общественное мнение? — воскликнула она. — В университете я знала столько замечательных людей... Среди студентов, среди профессуры... Ведь это же не даллеса? Неужели мнение этих людей ничего не значит?

— Общественное мнение... Ты сейчас слышала, как оно фабрикуется. Тысячи американцев будут повторять завтра этот бред о субмаринах!

— Тысячи — не думаю. Все-таки пропаганда такого сорта рассчитана на кретинов...

— Она рассчитана на североамериканского «человека улицы», Джоанна. Этим все сказано.

Джоанна вздохнула и теснее прижалась к Мигелю, повинувшись движению его ладони, лежащей на ее плече. Было очень тихо, где-то далеко низкий женский голос, словно жалуясь, пел протяжную и печальную индейскую песню, состоящую, казалось, из одних гласных; из кухни доносился оживленный голос коммивояжера, в десятый раз рассказывающего о том, как неизвестный самолет едва не обстрелял его машину на берегу Атитлана.

— Ты очень любишь нашу страну, Мигель? — задумчиво спросила Джоанна, проследив взглядом короткий полет падающей звезды.

— Ну, как все мы, я думаю, — ответил тот.

— Нет, ты понимаешь... Я всегда считала себя патриоткой, но... как бы это объяснить... я с гордостью рассказывала о Гватемале своим друзьям в Нью-Йорке, скучала по ней, очень радовалась, когда приезжала на каникулы... Или вот сейчас, если бы ты знал, как я была счастлива, когда в первый раз увидела наши горы из окна самолета!.. Но я хочу сказать, что вот только так — когда сидишь вечером в совершенно заброшенном поселке и слушаешь эту песню, которой, наверное, уже тысяча лет, которую пели так еще до Колумба... то только тогда начинаешь понимать весь смысл этого слишком привычного слова «родина»... Ты меня немножко понял?

Вместо ответа Мигель поднес к губам ее руку и, поцеловав, прижался к ней небритой щекой.

Ушел спать коммивояжер, умолкла песня. На крыльцо кухни вышла толстая кухарка и, протяжно зевнув, крикнула:

— Эй, дон Мигель, сеньорита! Свечки у вас в комнатах я поставила — зажжете только, как будете ложиться...

— Ладно, Адрианита, спасибо, — отозвался Мигель.

— Я пойду спать? — полувопросительно сказала Джоанна, подняв к нему лицо.

— Иди, малыш. Я должен подождать одного человека — договориться с ним насчет мулов — вытаскивать завтра машину.

— Ты думаешь, удастся ее починить? — рассеянно спросила Джоанна.

— Посмотрим... Это зависит от того, сумеем ли мы дотащить ее до ближайшей мастерской. Здесь такого ремонта сделать не могут, я уже узнавал.

— Бросим ее, Мигелито... Мне почему-то неприятно о ней думать...

— Тогда уж лучше продать, она ведь стоит денег. У нас их не так много, малыш.

— Ну хорошо, продадим, — согласилась Джоанна, встав со скамьи и отряхнув брюки от пыли. — Так я пойду. Спокойной ночи, Мигелито!

— Спокойной ночи, малыш.

Джоанна поцеловала его и ушла. Он просидел еще с полчаса, поджидая погонщика, который так и не пришел; ждать дольше не имело смысла: очевидно, тот просто забыл, сбитый с толку событиями дня.

Двери номеров выходили под длинный навес, служивший коридором. Поравнявшись с комнатой Джоанны, Мигель услышал ее голос, негромко окликнувший его из-за двери:

— Мигель, это ты? Можешь зайти ко мне?

— Ты еще не спишь? — удивился он и, войдя в номер, в растерянности остановился на пороге. — О... Прости, я думал, ты еще не в постели...

— Садись, Мигель... Нет, сядь сюда, мне нужно поговорить с тобой...

Он осторожно присел на край кровати, щурясь на колеблющийся огонек свечи.

— Я тебя слушаю, малыш.

— Мигель, я...

Джоанна запнулась и потом торопливо заговорила странным голосом:

— Я хотела спросить у тебя вот что... Скажи, у тебя не появилось никаких причин, чтобы пересмотреть то... ту точку зрения, которая заставила тебя... просить моей руки?

— Какие же могут быть причины, малыш? — удивленно и немного встревоженно пожал плечами Мигель. — Я тебя не совсем понимаю...

— Нет-нет, я просто спросила... — быстро сказала Джоанна. — Неужели ты не понимаешь?

Не глядя на нее, Мигель растерянно улыбнулся. В комнате было тихо, лишь за открытым окошком оглушительно трещали цикады. Огонек свечи на ночном столике колебался от сквозняка, и казалось, что звезда экрана на рекламном плакатике то и дело меняет выражение лица, улыбаясь то сочувственно, то иронически.

— Я думала, ты поймешь, — тихо и так же быстро продолжала Джоанна. — Мигель, дело в том, что... я сегодня много думала о нашем разговоре со вчерашним комендантом, вернее — о его заключительных словах. Я считаю, что он был совершенно прав, когда говорил о том, что... что не нужно тянуть с уже решенным делом. Ты со мной не согласен? И я хотела тебя спросить... Ты считаешь, что нам совершенно необходимо участие властей и всякие церемонии для того, чтобы... чтобы стать мужем и женой?

Торопливо договорив последние слова, Джоанна приподнялась на локте, натягивая на плечо простыню, и открыто посмотрела в лицо Мигелю.

Тот сидел, как оглушенный, растерянным жестом потирая небритый подбородок. Молчание длилось с минуту, а может, и больше; Джоанна вдруг почув-

ствовала, что бледнеет, — ей было хорошо знакомо это неприятное ощущение, когда кожа на щеках вдруг холодеет и словно стягивается.

— Малыш, слушай меня внимательно, — медленно сказал, наконец, Мигель. — Клянусь памятью моих родителей, я никогда не лгал тебе относительно своих чувств... И если я просил тебя стать моей женой, то это потому, что только в таком виде я представлял себе личное счастье и был уверен, что сумею дать это же счастье и тебе. Но сейчас я хочу, чтобы ты правильно поняла наше положение, совершенно трезво и правильно, учитывая все обстоятельства... которые от нас не зависят.

Он кашлянул, словно у него пересохло в горле, и в первый раз за все время разговора посмотрел на Джоанну. Теплый колеблющийся огонек освещал щеку девушки и ее плечо с упавшей бретелькой, и Мигель быстро — почти испуганно — отвел глаза и торопливо продолжал:

— Ты ведь слышала сегодня радио... Это все гораздо серьезнее, чем мне сначала подумалось. Пойми, малыш, если сейчас я останусь в стороне, то уже никогда в жизни не посмею взглянуть в глаза моим ученикам. Ты ведь знаешь, я офицер, сублейтенант резерва... Конечно, никакого боевого опыта у меня нет, да и вообще офицерских знаний немного, но дело сейчас не в этом... Не только в этом, я хочу сказать. Ты ведь знаешь, малыш, что представляет собой наш офицерский корпус... Сейчас каждый, у кого есть хотя бы элементарное политическое развитие, должен быть в армии...

Он опять кашлянул и замолчал. За открытым окном, из которого тянуло свежестью ночи, звенели и неистово заливались цикады.

— Я все это знаю, Мигелито, — с отчаяньем в голосе проговорила Джоанна, — поверь, я поняла это с первого момента... Когда ты уйдешь, это будет для меня самым страшным горем, но неужели ты думаешь, что я стану удерживать тебя от того, что ты считаешь нужным и правильным?.. Мигель, почему

ты не хочешь понять, что я именно потому и позвала тебя сюда, что...

Она по-детски всхлипнула и продолжала громче, почти с вызовом:

— ...что нам, может быть, вообще уже не остается времени на «личное счастье»... И неужели мы не имеем права хотя бы на самую крошечную капельку этого счастья — пусть два дня, пусть даже один...

— Не плачь, палома миа *, не нужно. Пойми, я сейчас думаю только о твоём будущем, нужно ведь смотреть на жизнь трезво... Если со мной что-нибудь случится, как случается на войне со многими, что тогда?

Джоанна подняла голову и с усилием улыбнулась сквозь слезы.

— Мигель, ты еще не забыл школьную латынь? Я хочу напомнить тебе одну фразу, которую в таких случаях говорили римлянки: «Где ты, Кай, — там и я, Кайя». Ты меня понимаешь?

— Я понимаю, малыш... Понимаю, спасибо...

— Тогда...

Джоанна не договорила и замолчала, не поднимая глаз и покусывая губы; потом, легко вздохнув, она потянулась к столику и дунула на свечу. Огонек метнулся и погас; в комнате остался треск цикад, призрачный звездный свет и простое человеческое счастье.

ГЛАВА 3

Во всем был виноват проклятый болтун Чакон: встретил тетку возле церкви и с самыми лучшими намерениями рассказал ей о том, что вот, мол, как безобразно обошелся патрон с Педрито. А у тетки насчет столкновений с патронами вообще всегда было свое мнение.

* Голубка моя (исп.).

Когда Педро вернулся с митинга, проводив Адельту, дома началось черт знает что. Тетка кричала, что он и бездельник, и хулиган, и у мессы никогда не бывает — даже стыдно перед соседками. Не хватает только, чтобы он стал коммунистом или чем-нибудь в этом роде!

Сначала он терпел. Все-таки тетка есть тетка, и жизнь у нее действительно нелегкая. Но когда донья Люс обругала всех коммунистов, а значит и Эрнесто Корвалана в том числе, тут уже Педро обиделся всерьез. У кого куриный ум, сказал он, тому по крайней мере лучше не кудахтать о некоторых вещах. Дело, понятно, кончилось плохо.

В одиннадцатом часу вечера он вышел из дому, решив не возвращаться сюда по меньшей мере год. А когда станет на ноги, купит себе воскресный костюм (помимо голубого комбинезона) и будет уже электриком, тогда он придет сюда и помирится с теткой. И будет кормить ее и всю эту ораву, ладно уж.

Он отправился на станцию круглосуточного обслуживания, где по вечерам обычно собирались поболтать шоферы, и неожиданно увидел там Чакона.

— Ты что же, чарлатан*, — сказал он, сплюнув ему под ноги, — а еще комиксы читаешь! Тоже мне Дик Мэрвел. Кто тебя просил распускать язык с моей сеньорой теткой?

— Я только пожаловался на дона Тачо, — испуганно ответил Чако. — А что случилось?

— Случилось то, что я ушел из дому, — сказал Педро. — Поссорился с теткой и ушел. По твоей вине, учти.

Чако так расстроился, что жалко было смотреть.

— Ну хочешь, я вас помирю? — спрашивал он. — Хочешь?

— Нет уж, пожалуйста. Ты уже себя проявил, хватит.

* Charlatan (исп.) — болтун, «трепач».

— Что же ты теперь будешь делать? — виновато спросил Чакон, выждав минуту.

— Работать, что же еще! Поеду в Пуэрто-Барриос, там устройсь.

— Я могу дать тебе свой нож, — сказал Чакон, мучаясь желанием загладить вину. — Хороший, из рессоры. Только я еще ручку немного недоделал, хотел обтянуть змеиной кожей...

— Давай, — великодушно согласился Педро. Нож этот он знал; Чакон, при всей своей дурости, был умелым парнем, и клинок получился на славу. — Давай сюда, нож — штука полезная. Да ты не думай, я отдам, как вернусь. Считай, что ты мне одолжил на время.

Он подышал на лезвие, потер его об рукав. Да, если обтянуть рукоятку змеиной кожей, это будет вещь.

— Ладно, мне не жалко, — Чакон махнул рукой. — А деньги у тебя есть?

— Целый доллар, — гордо ответил Педро. — От гринго Томпсона. Слушай, мое жалованье пускай отдадут тетке, как только сделают расчет. Скажи Гальвану, понял?

— Хорошо, скажу. Смотри, Педро, вон тот красный «хе-эм-сэ» идет в Чикимулу. Если ты и в самом деле решил на побережье, то из Чики тебе будет удобно поездом...

— Ясно, парень! — обрадованно воскликнул Педро. — Вон тот, красный? Ну, с шофером я договорюсь. Ладно, тогда счастливо оставаться. Ты знаешь Аделиту, что служит у масочника? Ну да, та самая. Так ты постарайся ее повидать и скажи, что я уехал. Скажи, ненадолго, пускай ждет.

— А ты что, не попрощался с ней?

Педро нахмурился и дернул плечом.

— Не успел. Да ничего страшного с ней не случится. Вообще-то их лучше держать в строгости, иначе потом сам рад не будешь... Придется каждый раз отчитываться, куда идешь да зачем идешь... Ну, счастливо! Привет ребятам. А Эрнесто скажи, что

я ему пришло письмо. По почте, — важно добавил Педро, направляясь к красному грузовику.

Перед рассветом, сонный и уставший до полусмерти, он вылез из кабины на привокзальной площади Чикимулы. Ему повезло: поезд на Пуэрто-Барриос должен был подойти с минуты на минуту.

Не затрудняя себя приобретением билета, Педро разменял доллар в закуской, поел жареных бананов и выпил кофе. Потом он пробрался на платформу. Пассажиры — индейцы и ладинос — сидели и лежали среди клеток с курами, мешков и ящиков; несмотря на ранний час, было уже душно — чувствовалась близость «жарких земель» низины. Вокруг защищенных сетками фонарей толклись роями москиты.

«Поскорее наняться бы на корабль», — подумал Педро, утирая со лба испарину. В океане хорошо, свежо. Стать матросом, повидать знаменитые города на юге — Рио, Буэнос-Айрес... На корабле можно стать даже электриком. А потом вернуться в Халапу и жениться на Аделите. Она, наверно, опять будет уговаривать его ехать в свой Кобан... Хорошая она девчонка, хотя и бестолковая, дальше некуда. Ну, это уж как все бабы. Ни в какой Кобан он, конечно, с ней не поедет. Что ему делать в Кобане? Горшечник он, что ли? Где же этот проклятый поезд...

Поезд, наконец, пришел. С опозданием на час с лишним, но это никого не удивило. Открытые легкие вагоны были уже набиты, казалось, дальше некуда; однако они поглотили всех новых пассажиров, все ящики, все клетки с курами. Паровоз долго заправлялся водой, в вагоне стояла отчаянная духота, хотя все окна были открыты. Старые пассажиры храпели, новые шумно устраивались на свободных местах, плакали дети, кудахтали куры. Педро терпел все это, пока поезд не отошел от станции; тогда он, перешагивая через людей и поклажу, выбрался на тормозную площадку и уселся на самой нижней сту-

пеньке, подставляя лицо относительно прохладному ветру.

Возможно, это и спасло его часом позже. Это и еще то, что поезд шел медленно, преодолевая подъем. Солнце уже встало; два самолета, подлетавшие справа наперерез к железной дороге, показались Педро очень красивыми: блестящие, словно серебряные. Он встал на своей подножке, левой рукой держа за поручень и козырьком приложив ко лбу ладонь правой, чтобы лучше видеть.

Он всегда любил смотреть на самолеты. Конечно, стать летчиком — это было куда более заманчивой мечтой, чем карьера электрика. Но мечта есть мечта, мужчина не должен мечтать о слишком уж недостижимых вещах.

Его немного удивило, что они летели так низко. Ведь никакого аэродрома здесь не было, а самолеты все снижались, будто идя на посадку. Педро подумал, что они пройдут над самой его головой, и заранее этому порадовался: всегда ведь интересно, когда самолет пролетает над тобой очень низко!

Но поезд шел слишком медленно; самолеты его опередили. Уже у самого полотна, немного впереди состава, они один за другим круто взмыли вверх, словно испугавшись столкновения; и в эту же секунду от паровоза рвануло таким грохотом, что Педро сразу оглох. Он ничего не успел сообразить. Тормозная площадка вздыбилась под ним, поручень сам вырвался из руки. Инстинктивно прикрывая голову, Педро упал с подножки и покатился вниз.

Какое-то время он лежал неподвижно, оглушенный, потом, шатаясь, поднялся и побежал от полотна вместе с другими. Самолеты вернулись и раз и другой пролетели вдоль состава, добывая его из пулеметов. Головные вагоны загорелись; страшно кричали и выли люди среди обломков. Когда самолеты улетели, убегающие повернули обратно. Педро вместе со всеми — руки у него уже были обожжены и кровоточили от ссадин — растаскивал ищепленные до-

ски, погнутое железо, мешки и раздавленные чемоданы. Все работали молча, никто даже не спросил, что, собственно, произошло.

Часа через три к ним добрались армейские грузовики. Солдаты тоже ничего не знали: с утра творилось что-то странное, в гарнизонах была объявлена боевая тревога, от границы слышался гул орудий, но никаких официальных сообщений пока не было. Обычный ли это инцидент или же война, и если война, то с кем, неужто с Гондурасом? Никто ничего не знал. Кто-то высказал предположение, что началась третья мировая и русские бросили на Нью-Йорк атомную бомбу.

С помощью солдат обломки состава были скоро разобраны. Мертвых похоронили тут же; лейтенант, командовавший отрядом, сказал, что сегодня же прилет капеллана, отпеть. Тяжелораненые были кое-как перевязаны и уложены на грузовики. Остальные вместе с солдатами отправились пешком.

Они узнали все, добравшись до Чикимулы. Педро и еще несколько парней отправились к коменданту проситься в армию. Тем, постарше, сказали сидеть дома и ждать повесток; а с Педро и разговаривать не стали.

— Тебе семнадцать? — спросил принимавший их сержант. — Ну и катись! Ты что, не знаешь, что в армию берут с восемнадцати?

— Так то в мирное время! — закричал Педро. — Ну, пустите меня к сеньору коменданту!

— Я тебя пушу, — угрожающе сказал сержант. — А ну, марш! Много ты понимаешь, мирное это время или не мирное. Пока еще никакой войны нет, какая это война!

— Вы еще увидите какая! — крикнул Педро, выходя из караулки.

Он точно накликал: не прошло и четверти часа, как над городом появилось звено тех же блестящих серебряных самолетов. По ним начали стрелять из пулеметов и даже винтовок, и они, не снижаясь, сбросили бомбы на привокзальный квартал. Когда налет кончился, Педро вылез из канавы и побежал смот-

реть воронки. Воронки были огромные — человек мог стать на дно, и над землей остались бы только поднятые руки. В одном разрушенном доме убило сразу четверых.

«Проклятый капрал! — ругался Педро, глядя на развалины. — Какое ему дело, семнадцать мне или восемнадцать? Как будто в семнадцать можно спокойно сидеть и смотреть, как гринго убивают твоих земляков...»

Потом он подумал, что в конце концов можно обойтись и без армии. Меньше будут тобою командовать. Если бы достать хоть какое-то оружие! Тут он вспомнил о подарке Чакона и схватился за карман; нет, нож был на месте. Педро достал его и выдвинул из грубых кожаных ножен. Отличный клинок, настоящее мужское оружие! С его помощью можно добыть себе что угодно, даже пулемет.

В харчевне Педро истратил еще несколько центов из своего доллара, потом пошел и отлично выспался в тени на церковной паперти — выспался впервые за эти сумасшедшие сутки. Когда он протер глаза, солнце уже садилось. По ту сторону площади стоял большой грузовик с солдатами. Педро пригладил волосы и, потуже подтянув пояс комбинезона, побежал к машине; как у всякого бродяги, у него начал вырабатываться особый нюх на всякий попутный транспорт.

— Сеньор, вы едете не в ту сторону? — спросил он одного из солдат, показывая на восток.

— А тебе что? — ответил тот. — Может, ты шпион, так скажи сразу.

— Какой я шпион, сеньор, я гватемалец, как и вы! Сеньоры, я хотел вас всех попросить, мне нужно добраться к своей старушке, а дорогу сегодня разбомбили и говорят, что неизвестно, когда снова поедут поезда. Может, вы могли бы меня взять с собой? Куда попало, лишь бы в ту сторону, а там я доберусь хоть пешком...

— А где живет твоя старушка? — спросил кто-то.

— Моя старушка? В Моралес. Вы там не будете?

Почему Педро назвал именно Моралес, он и сам

не знал. Возможно, только потому, что это местечко попало ему на глаза сегодня утром, когда он в ожидании поезда от нечего делать разглядывал на станции карту восточных департаментов.

Солдаты переглянулись.

— Шпион, — убежденно сказал кто-то в глубине кузова. — Сдать его куда следует, и все.

— Да не шпион я! — отчаянно закричал Педро, на всякий случай отступая назад.

— Постойте, — сказал солдат, первый заговоривший с Педро. — Если бы он был шпион, так не просился бы ехать с нами. Верно? А этот сам просится. Может, ему и в самом деле нужно к матери? В такое время не годится оставлять мать одну.

— Верно, — согласились другие. — Только как же его возьмешь? Никто ему не разрешит с нами ехать.

— Сеньоры, я могу залезть под скамейку и пролежать до самого Моралеса, — обрадованно заговорил Педро. — А там вы мне скажете, и я потихоньку спрыгну через задний борт, где-нибудь на повороте! Никто ничего и не узнает, вот увидите!

— Слушай, парень, — сказал солдат. — Ты знаешь, что в Моралесе сейчас дерутся?

— Как дерутся? — переспросил Педро.

— А вот так. Там сейчас эти типы, что перешли сегодня границу. Ты это учитываешь?

У Педро захватило дух. Вот это называется попасть в точку!

— Но сеньор, тем более — не могу же я оставить там свою старушку!

— Ну что ж, это тоже верно. Ладно, полезай, поедешь с нами... если уж так хочется.

ГЛАВА 4

Три запыленных джипа — очевидно, они прибыли в поселок ночью — стояли перед входом в ресторанчик, доверху заваленные военной поклажей. У одного из них ветровое стекло было снято, и укреплен-

ный вместо него пулемет настороженно смотрел в небо своим тонким хоботом, словно предупреждая о возможной опасности. Водитель, не менее пыльный, чем его машина, спал, опустив голову на лежащие на рулевом колесе руки; рядом с ним пулеметчик в сдвинутой на затылок каске торопливо ел что-то с разостланной на коленях газеты, запивая завтрак из фляги. Увидев Джоанну, он подмигнул и приглашающим жестом протянул флягу, взболтнув ее в доказательство того, что еще не все выпито. Джоанна молча улыбнулась и вошла в двери.

Внутри тоже были военные: человек восемь сидело в углу за сдвинутыми столиками, возле прислоненных к стене винтовок; одни дремали, другие переговаривались вполголоса. Высокий парень с нашивками лейтенанта и прицепленной к поясу каской скучал у стойки, заложив руки в карманы и внимательно разглядывая засиженный мухами преёскурант напитков; у другого конца прилавка Мигель и вчерашний коммивояжер разговаривали с низеньким усатым капитаном, по-видимому старшим в отряде.

— Доброе утро, — тихо сказала Джоанна, искоса взглянув на мужа и тотчас же опустив глаза.

Она села за столик возле открытого окна и подперла щеку ладонью, глядя на улицу, где оборванные и до черноты загорелые ребятишки метисы толпились вокруг джипов. Джоанна подумала, как нелепо и неуместно выглядят здесь, в нетронutom цивилизацией мирном «пуэбло», эти тускло-зеленые армейские вездеходы, утыканые увядшими ветками камуфляжа и распространяющие вокруг тревожный запах пыли, оружия и бензина. Солдат, сидевший за пулеметом, покончил со своим завтраком. Выбросив скомканную газету, он достал из кармана горсть каких-то плодов и принялся оделять ими ребятишек. Джоанна покосилась на Мигеля, продолжавшего разговаривать с офицером, и опустила голову, покусывая обветренные и припухшие губы. Она сразу поняла, о чем идет разговор, но все еще боялась сознаться в этом самой себе, боялась сформулировать даже в мыслях свою догадку, с отчаяньем утопающей цепляясь за послед-

ною соломинку надежды. «Будьте честны в игре, Джоанна Аларика, — произнесла она мысленно, горько улыбнувшись. — Вы получили от судьбы то, о чем просили вчера, — капельку счастья... И теперь не можете быть к ней в претензии. Другим не достается и этого». «Да, но третьи имеют все! — крикнул в ней какой-то голос. — Чем мы с Мигелем хуже их? Почему одним счастье дается даром и полной мерой, а нам нацезено под ростовщические проценты?»

Коммивояжер попрощался с собеседниками и вышел, издали поклонившись Джоанне. Через минуту его приземистая бело-зеленая машина бесшумно промчалась мимо окна, блеснув широкими стеклами. «Праведное небо, — подумала Джоанна, стискивая пальцы, — пусть капитан тоже откажется, как вчера отказался этот... Пусть он тоже скажет, что его машины перегружены — они ведь перегружены и в самом деле, честное слово, перегружены!.. Или что существуют какие-нибудь специальные правила, запрещающие гражданским лицам пользоваться транспортными средствами армии... Мы ведь все равно отсюда уедем, но только пусть не сегодня, пусть хотя бы еще один день...»

— Прошу знакомиться, — сказал Мигель, подходя к столику вместе с офицером, — капитан Сандоваль... Моя супруга...

— Очень рад, сеньора, — щелкнул каблуками капитан, склоняясь к ее руке. — Разрешите?

— Садитесь, капитан. Рада познакомиться. Мигель, пожалуйста, принеси мне воды...

— Сеньора, считаю своим долгом выразить вам мое глубочайшее восхищение вашим патриотическим поступком, — капитан коротко поклонился и присел к столу.

— Мой муж совершенно напрасно рассказывает об этом, — нахмурилась Джоанна. — Это начинает выглядеть как паблисити *...

* Publicity (англ.) — коммерческая реклама.

— Отнюдь нет, сеньора! Отнюдь нет! Во-первых, это совершенно естественная откровенность в устах человека, гордящегося своей женой. Во-вторых, он был отчасти вынужден на это тем, что я — буду с вами совершенно откровенен — не сразу согласился удовлетворить вашу просьбу. Вы сами понимаете, мы не имеем права возить пассажиров — армия ведь не автобусная компания, ха-ха-ха, — но когда я узнал вашу историю... Одним словом, сеньора, мы в вашем распоряжении. К вечеру, если позволят дороги, вы будете в столице.

— Спасибо, капитан, — безжизненно поблагодарила Джоанна, — вы очень любезны. Какие новости из зоны боев?

Капитан пожал плечами и потер ладонью красный рубец, оставленный на лбу ободком каски.

— Как вам сказать... Пока мало определенного. Доподлинно известно о падении двух населенных пунктов: Моралес и Бананера. Оба гарнизона держались вчера до последнего, но... одного героизма иногда бывает недостаточно, нужно еще оружие. Кроме того, их авиация господствует в воздухе.

— У нас ведь есть русская техника, — усмехнулась Джоанна. — Я вчера сама слышала по радио, из Штатов.

— О да, — тоже улыбнулся капитан, — реактивные истребители, и тяжелые танки, и субмарины. Об этом говорится уже давно, сеньора. Хотел бы я, чтобы это было правдой хотя бы на один процент. Уже год, как США не пропускают в Гватемалу даже патронов для охотничьих ружей...

Вернулся Мигель с подносом.

— Самообслуживание, — улыбнулся он, расставляя по столу принесенное. — Вы по-прежнему отказываетесь позавтракать с нами, капитан?

— Благодарю вас, — встал тот, — не могу, я ведь уже сказал вам, что мы успели закусить по походному. Прошу прощения, сеньора, мне нужно пойти распорядиться насчет горючего. Итак, через полчаса, если вы будете готовы...

— Мы будем готовы, капитан, — улыбнулась Джоанна, — еще раз спасибо за вашу любезность.

— Не стоит благодарности, сеньора, не стоит благодарности...

Джоанна выпила воды и принялась за еду, не ощущая вкуса. С усилием проглотив несколько кусков, она отодвинула тарелку.

— Прости, Мигель, у меня совершенно нет аппетита, — сказала она тихо.

— Ты плохо себя чувствуешь? — встревожился он.

— Нет, почему? Просто не хочется. Ешь, милый, надеюсь, отсутствие аппетита не заразительно? — Она заставила себя улыбнуться.

— Как когда... — пошутил он.

Джоанна погладила его руку.

— Но ты все же постарайся, тебе нужно. Солдат должен владеть собой, не правда ли?

— Пожалуй. Ты выспалась?

Джоанна опустила глаза.

— Нет. Но у меня еще будет время отоспаться. Позже.

Оба помолчали.

— Джоанна... — кашлянул Мигель. — Ты не сердись, что я без тебя начал этот разговор с капитаном?

— Нет. Я ведь знаю, что его нужно было начать. Рано или поздно.

— Тебе очень хотелось бы пожить здесь еще?

— Зачем ты спрашиваешь, Мигель? — не сразу сказала она вздрагивающим голосом. — Мы ведь с тобой говорили уже об этом. О твоём решении... И ты отлично знаешь, что я не могу ни желать этого, ни этому воспрепятствовать... И, может быть, не захотела бы препятствовать, если бы даже могла... Я знаю, что ты не можешь поступить иначе, ты, каким я тебя знаю, каким я тебя люблю. Но ты не должен требовать, чтобы я радовалась нашей разлуке.

— Дорогая, я вовсе не требую от тебя, чтобы ты радовалась тому, что происходит. Я просто хотел бы,

чтобы ты воспринимала это не так... трагически. И чтобы ты держала себя в руках... И помнила о том, что нам еще предстоит устраивать свою квартирку, — улыбнулся он, сжав ее безвольные пальцы. — Все это скоро кончится — ведь не будут все международные организации оставаться безучастными, верно? И тогда нам придется думать о гораздо более интересных вещах. Например, о покупке коляски, а? Видишь, это еще один расход, о котором мы не подумали...

— Почему? Я думала. — Джоанна кулаком утерла слезы и всхлипнула. — Ее тоже придется купить в рассрочку...

За окном взревел мотор, ребяташки шарахнулись в стороны.

— Лейтенант Охеда! — крикнул, войдя с улицы, капитан. — Поторопите людей, через десять минут мы едем!

Долговязый лейтенант у стойки, с каской на поясе, быстро опрокинул стаканчик и вытер губы тыльной стороной руки. Солдаты, гремя стульями, вставали, потягиваясь и зевая, разбирали оружие.

— Едем, друзья! — крикнул капитан, обернувшись к столику, за которым сидели Джоанна и Мигель. — Вы готовы?

Мигель ушел расплачиваться с хозяином. Джоанна в последний раз взглянула на пестрый плакат с изображением смеющейся негритянки на фоне плантации сахарного тростника и со сжавшимся сердцем прошла в дверь, предупредительно распахнутую капитаном.

— Вы без очков, сеньора? — спросил тот удивленно и рассмеялся. — Простите, я и забыл, вы же тронулись в путь ночью... Тогда разрешите предложить вам мой, без них вы пропадете...

Он снял большие солнцезащитные очки и протянул Джоанне.

— Велики? Ничего, это дело поправимое. Позвольте-ка, я подогну дужки... Вот так... Вот! Попробуйте сейчас. Ну видите! Хорошо, а вот где я вас размещу?..

Похлопывая перчатками себя по ладони, капитан задумчиво оглядел машины, потом крикнул:

— Эй, Васкес! Давай перебирайся на третью, и перегрузите туда же вон те тюки. Нужно место для двоих!

— Вы напрасно беспокоитесь, капитан, — пробормотала Джоанна, — зачем столько...

— Сеньора! — шутливо нахмурился тот. — Прошу не вмешиваться в распоряжения старшего по званию!

— У меня звания вообще нет, мой капитан.

— Дадим, сеньора, дадим! Страна воюет, найдется место и для вас. Так вот, вам придется ехать на второй машине. Будет немного пыльно, ничего не поделаешь, но я предпочитаю не подвергать вас риску. А вот и ваш супруг! Дон Мигель, забирайтесь с женой во второй джип и держите ее крепче, чтобы не потерять на ухабе. Впрочем, это излишний совет, не правда ли? Ха-ха-ха-ха!.. Лейтенант Охеда, сигнал!

Веселый капитан Сандоваль не хвастал, обещая к вечеру быть в столице. Около половины пятого маленький отряд прибыл на контрольно-пропускной пункт Аматитлан, в полчасе езды от Гватемалы. Здесь их задержали. Капитан ушел звонить по телефону; через четверть часа он вернулся с расстроенным видом и сказал, что вынужден расстаться с попутчиками, что до столицы отсюда рукой подать — можно доехать на велосипеде, — но сейчас туда не пускают, так как город только что подвергся бомбежке.

— Нам опять изменили маршрут, — сказал он, пожимая плечами. — Ничего не понимаю! Второй день войны, а уже всюду бестолочь. Ну, наше дело исполнять приказы. А вы сидите здесь и ждите. Я говорил о вас с комендантом. Как только будет возможно выехать в столицу, он вас куда-нибудь пристроит. Счастливо!

Джипы один за другим развернулись и укатили на юг, в сторону Куилапы.

— Что ж, будем ждать, — сказал Мигель.

Они ждали полчаса, час, два. На шоссе ревели моторы, люди ругались с часовыми, размахивали бумагами и оружием. Трех задержали и увезли куда-то в грузовике с вооруженной охраной. Джоанна и Мигель сидели в сторонке на стволе поваленного дерева, молча наблюдали за происходящим и курили. Капитан Сандоваль уделил им из своего запаса две пачки «Филипп-Моррис»; когда-то Джоанна предпочитала эти сигареты всем иным, а сейчас они казались безвкусными, как солома, но она курила одну за другой, затягиваясь жадно и неумело. Во рту у нее было сухо и горько, в голове пусто.

— Брось, что ты делаешь! — нахмурился Мигель, когда она закурила четвертую. — И вообще я тебя миллион раз просил не курить... Опять эти нью-йоркские привычки!

Джоанна послушно бросила сигарету.

— Я хочу пить, — сказала она через минуту.

Мигель отцепил от пояса и протянул ей флягу, подаренную одним из солдат. Джоанна сделала глоток и поморщилась: вода была теплой и сильно отдавала металлом.

— Гадость, — сказала она дрогнувшим голосом. — Я хочу чего-нибудь холодного. И еще я хочу принять ванну, понимаешь? Уже два дня, как я не могу вымыться по-человечески!

Мигель посмотрел на нее и ничего не сказал.

Джоанна вспыхнула.

— Пожалуйста! — закричала она. — Пожалуйста, можешь думать, что тебе угодно: что я капризная дура, что я эгоистка, что ты вообще напрасно со мною связался! Но только не сиди здесь, ради пречистой девы, с этим твоим невозмутимым индейским видом! Делай же хоть что-нибудь! Или мы будем ночевать в этой канаве?

— Не нужно, малыш, — мягко сказал Мигель. — Не кричи и не волнуйся. Когда можно будет, нас пропустят.

Джоанна уткнулась лицом в колени и беззвучно заплакала.

Уже совсем стемнело, когда комендант прислал

к ним солдата с приглашением зайти поесть и выпить кофе. Комендант был небрит и говорил совершенно осипшим голосом; прошло некоторое время, пока Джоанна сообразила, что в довершение ко всему он еще и пьян. Впрочем, держался он твердо и говорил разумно.

От ужина они отказались, так как успели поесть с людьми капитана Сандовалья, но крепкий кофе пришелся как нельзя более кстати.

— Пейте, сеньора, — поощрял команданте. — Сегодня вам все равно долго не заснуть. А в город вы попадете, не бойтесь. Как только будет можно, я вас посажу на что-нибудь попутное.

— Разрушения в городе большие? — спросил Мигель.

Комендант молча пожал плечами.

— А здесь не бомбили? — спросила Джоанна.

— Здесь нет. Хотели пробомбить Палйнский каскад, но от гидростанции их отогнали зенитки, и они сбросили бомбы, где пришлось. Кажется, убили какого-то индейца.

— Вы видели их самолеты?

— Видел, и довольно низко. «Мустанги», чистенькие, как новорожденные младенцы. Ни знаков, ни номеров — все чисто. Вообще чистая работа. Вчера здесь одного сбили... за Марискалем. Пилот выпрыгнул, оказался янки.

— Настоящий янки? — недоверчиво спросила Джоанна.

— Самый настоящий, хоть ставь пробу. Только что из Майами. Нет, теперь уже все.

— Что значит все? — нахмурился Мигель.

— Все, — сипло повторил команданте, оглянувшись на дверь. — Теперь нам конец. Вы знаете, против кого мы воюем? Думаете, против людей Армаса? Бросьте, это можно рассказывать солдатам. Мы воюем против Соединенных Штатов Америки. Ясно? Ну, а это значит...

Команданте скривился и шепотью прижал к столу ноготь большого пальца, словно раздавил насекомое.

— Как офицер, вы не должны не только говорить такие вещи, но и думать о них про себя, — негромко сказал Мигель, помолчав. — Если в армии многие думают подобно вам, то тогда действительно все.

— Бросьте меня агитировать, сеньор Асеведо, — усмехнулся команданте. — Солдатам своим я повторяю то, что пишется в газетах. А не думать самому... Ну, это вы попробуйте сами — не думать, когда видишь все, что здесь делается...

Сохраняя на лице кривую усмешку, команданте полез в стол и достал бутылку. Видно, он решил, что нечего особенно церемониться перед парой штатских молокососов.

— Глоток мескаля, сеньор Асеведо? — спросил он. — Лучшего ничего нет, поэтому вас, сеньора, я не приглашаю...

Мигель отказался. Команданте выпил сам и дрожащими пальцами стал вертеть самокрутку.

— Идем, Мигель, — шепнула Джоанна, тронув колени мужа.

— Не спешите, сеньора, — сказал команданте. Джоанна покраснела. — Да, здесь насмотришься, — продолжал команданте. Облизав сигаретку, он тщательно огладил ее пальцем и с довольным видом прикурил от большой старомодной зажигалки. Джоанна вспомнила вдруг, что ее собственная — крошечный плоский «Ронсон» — осталась в ящике письменного стола. Она даже хорошо помнила, в каком углу. Обычно приходилось прятать такие вещи, потому что отец тоже не одобрял ее курения. Хотя никогда и не запрещал прямо. Возможно, в какой-то степени ему даже льстило, что его дочь современная девушка, вполне up to-date*. Да, когда-то они с отцом были друзьями...

Недоверчивое восклицание Мигеля оторвало Джоанну от ее мыслей. Она встряхнулась и непонимающими глазами оглядела мужа и команданте.

— Верьте не верьте, а это так! — крикнул тот. —

* В духе времени (англ.).

Если бы мне рассказал кто другой, я бы тоже не поверил. Но я слышал это сам! Сегодня утром, вот в этой самой комнате. Он стоял вот здесь, полковник Виктор Леон своей собственной блистательной персоной! Впрочем, ладно... А то вы опять обвините меня в неподобающем офицеру образе мыслей. Но я сам слышал его слова, понимаете!

Команданте, вдруг придя в ярость, грохнул по столу кулаком. Джоанна испуганно моргнула и покосилась на Мигеля. Тот сидел со стиснутыми зубами, глядя прямо перед собой.

Вошел босой солдат, сказал что-то по-индейски. Команданте отмахнулся, словно прогоняя муху; когда солдат вышел, он снова потянулся к бутылке.

— Да, сеньора, — сказал он, сделав глоток и старательно затыкая бутылку свернутой из газеты пробкой. — Вот после этого и судите. Если такие вещи говорит сам начальник оперативного отдела генерального штаба, то что же прикажете думать нам, маленьким людям?

Мигель промолчал. Команданте раздавил в пепельнице недокуренную самокрутку, вылез из-за стола и ушел.

Джоанне очень хотелось спросить, что же именно сказал полковник Леон, но тогда Мигель поймет, что она не следила за разговором, и решит, что ей все это безразлично. Она вздохнула и посмотрела на часики — было уже восемь.

Команданте где-то за дверью говорил по телефону, часто повторяя «да, да». Потом с кем-то ругался. Потом он вошел в комнату, хмурый, словно раскаиваясь в сказанном, и опять принялся вертеть сигарету.

— Идемте, — сказал он, закурив. — Там есть транспортер, вас доведут до города...

Через сорок минут их по просьбе Мигеля высадили в центре, на углу Шестого авеню. Джоанна спрыгнула с высокой подножки на асфальт, от которого уже успела отвыкнуть, и обвела взглядом темную площадь. Впервые в жизни она видела затемненный город; особенно странно выглядел во мраке Сюдад-

де-Гватемала, всегда славившийся яркостью своего освещения.

Водитель, лицо которого она так и не разглядела, пожелал им спокойной ночи, транспортер обдал их дымом и ушел, глухо поревывая.

— Как темно! — неуверенно сказала Джоанна. — А что же теперь?

— Теперь нужно найти ночлег, — отозвался из темноты Мигель. — Знаешь что? Ты подожди меня здесь, я сбегаю к приятелю. Он живет здесь недалеко, на Восьмом. Я быстро!

— Да, но... как же я здесь останусь одна? Пойдем вместе, Мигель...

— Нет, Джоанна. Я сбегаю быстро, а ты со своей ногой меня только удержишь. Маленькая ты, что ли, бояться темноты?

— О, я не боюсь нисколько. Просто... просто мне неприятно одной.

— Ну ничего, я сейчас. Подожди здесь, возле собора, или вон там, у фонтана — легче будет найти.

— Лучше у фонтана, — сказала она, всмотревшись с опаской в темную громаду собора. — Только ты скорее!

— Да, я сейчас...

Мигель исчез. Джоанна, посвистывая для храбрости, прошла через площадь к фонтану перед Национальным дворцом. В скверике никого не было, лишь с тротуаров доносились торопливые шаги редких прохожих. К затемненному дворцу то и дело подкатывали машины. Джоанна обошла фонтан, сполоснула в воде руки и, отойдя поодаль, села на еще не совсем остывшую каменную скамью.

Нескладное сооружение фонтана возвышалось перед нею на фоне звездного неба, своими ступенчатыми очертаниями отдаленно похожее на индейский тотемный столб. Джоанна вспомнила тотемы, виденные где-то в Штатах; потом вспомнила прошлогоднюю поездку с Мигелем в Киригуа, где они долго лазали по джунглям, фотографируя стелы, а потом благополучно забыли в поезде коробку с отснятыми кассетами...

Она сидела на низкой каменной скамье, зажав между колен переплетенные пальцы, одна посреди пустынной темной площади, и думала о тотемах, о проблеме иероглифов майя, о своем оставленном дома «кодаке», который очень пригодился бы сейчас, если ее пошлют военным корреспондентом (как здорово было бы, например, защелкнуть тот сбитый «мустанг» возле Марискаля!); о том, что больше всего ей хотелось бы сейчас принять ванну; о том, что современный человек — существо очень душевно неустойчивое и два дня без ванны уже заставляют его терять уважение к себе; о том, что нужно думать, и думать, и думать обо всех этих пустяках только для того, чтобы не думать о главном — не думать о том, что случилось вчера и что случится с ними всеми завтра или послезавтра.

— Ола, малыш!

— Я здесь! — Джоанна вскочила, вглядываясь в темноту.

— Никто тебя не съел? — спросил Мигель, подойдя ближе. — Цела? Ну, видишь! Идем, я все устроил. Будем спать у него.

— Но...

— Все улажено, он ушел к другому приятелю. Так что мы на сегодня там хозяева. На, держи...

Мигель протянул ей ключ на цепочке. Джоанна зажала его в кулаке с таким чувством, будто уже обзавелась домом.

Это оказалось недалеко. Войдя в дверь одного из домов на Восьмой улице, они пересекли темный патио*, поднялись по наружной лестнице на второй этаж. Джоанна отстранила руку Мигеля, когда тот хотел помочь ей с замком, и сама нащупала за дверью выключатель. Комнатка была маленькая, чисто выбеленная, почти пустая.

— Ну, малыш, располагайся, — сказал Мигель. — Там внизу можно помыться, правда довольно примитивно, но что ж делать! А вот здесь электрический чайник и все прочее. Ты есть хочешь?

* Ratio (исп.) — внутренний дворик.

— Немножко. Поужинаем дома или пойдем куда-нибудь?

— Видишь ли, малыш... Я сейчас должен уйти на некоторое время, трудно сказать, на сколько именно. Так что ты лучше поешь сама и ложись. А я приду, как только освобожусь.

Джоанна посмотрела на него недоумевающе.

— Ты собираешься куда-то сегодня?

— Да, я схожу в ячейку. Нужно поговорить с товарищами.

— Но почему не завтра, Мигель? Ведь ты же...

— Не могу, нельзя. Ложись, малыш, я, может, задержусь...

Он вернулся под утро, когда уже клонился к западу Южный Крест. Потом они еще долго говорили. Когда Джоанна, наконец, уснула, сквозь камышовую шторку уже пробивалось солнце.

Через несколько часов их разбудил грохот автоматических пушек. Джоанна, испугавшись спростонья до полусмерти, с криком уцепилась за Мигеля. «Тише, тише, — сказал тот, — ничего страшного, лежи...»

Он встал и подошел к окну, поднял шторку.

— Ради бога, — крикнула Джоанна, — ты сошел с ума! Мигель!

— Тише, успокойся, — повторил он, не оборачиваясь. — Это просто зенитки... Кажется, на крыше Национального дворца...

Джоанна зарылась лицом в подушку и заткнула уши; торопливое «тах-тах-тах-тах» слышалось еще несколько секунд, потом стихло. Выждав немного, она поднялась и села, натягивая на себя простыню.

— Трусиха, — сказал Мигель, взъерошив ей волосы. — Смотри, ты даже побледнела.

— Тут побледнеешь! В кого они стреляли?

— Кажется, пролетел какой-то, но ничего не сбросил. Ну, ты встаешь?

— Сейчас. Пожалуйста, выйди на минутку...

Наспех позавтракав обнаруженными в шкафчике консервами, они вышли из дому. Площадь, которая вчера — темная и безлюдная — показалась Джоанне

очень большой, сейчас была тесной от толпы. В детстве, когда Джоанна ежедневно пробегала здесь по дороге в колледж, площадь тоже представлялась ей громадной, как пустыня.

— Когда ты вернешься? — спросила она Мигеля.

— Не знаю, малыш. Думаю, часам к четырем. Во всяком случае, после трех постарайся быть дома, хорошо? Дело в том, что у меня может и не найтись времени...

— Да, конечно, — сказала Джоанна. — Я понимаю. Я буду дома. Какое счастье, что у нас есть дом, правда? Хотя бы на одни сутки...

Голос ее оборвался.

— Иди, — сказала она, глядя в сторону. — Иди скорее, слышишь?

Джоанна осталась одна. Пока на несколько часов. Потом они попрощаются (если найдется время), и тогда уже она останется одна неизвестно на сколько...

Толпа на площади становилась все гуще, появились наспех написанные плакаты:

«ОБЪЕДИНЕННАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ
ГВАТЕМАЛЫ — С АРБЕНСОМ ДО ПОБЕДЫ!»

«СВОБОДА — ДА, ЮФКО — НЕТ!»

«ОРУЖИЕ — НАРОДУ!»

Люди шли по Шестому авеню сплошным потоком, неся щиты и транспаранты с названиями клубов, синдикатов, студенческих союзов. Джоанну затерли в толпе, она беспомощно оглядывалась, вставая на цыпочки и вытягивая шею. У фонтана кричал оратор, слова его относил ветром; на балконе Национального дворца появилась группа людей, говорили, что будет выступать сам президент; Джоанна вместе со всеми ритмично хлопала в ладоши и до хрипоты скандировала:

— Ар-бенс! Ар-бенс! Ар-бенс!..

Президент так и не появился. Кто-то с балкона объявил по радио, что крайняя занятость в связи с чрезвычайным положением мешает дону Хакобо выступить перед гражданами столицы. Продолжали сменяться ораторы у фонтана: клеймили агрессию, тре-

бовали решительных действий, говорили о выдержке и солидарности. В соборе напротив окончилась месса, на паперти появились женщины в черных мантильях, ударил колокол: только сейчас Джоанна вспомнила, что сегодня воскресенье.

«В редакциях никого не будет, кроме дежурных, — подумала она. — Пойду завтра, тем более что до трех я все равно ничего не успею сделать...»

Она выбралась из толпы. Странно: сейчас при виде этих гневных лиц, плакатов и мелькающих в воздухе кулаков Джоанне вдруг впервые представилась совсем неинтересной ее профессия. Кому нужна новопеченная журналистка североамериканского производства! То есть формально она, очевидно, будет нужна; возможно, что сейчас откроется много вакансий в газетах и ее завтра же возьмут с распростертыми объятиями. Но ей-то это не доставит сейчас никакой радости.

А ведь сколько лет мечтала она именно об этом: войти в кабинет главного редактора гватемальской газеты, положить на стол свои документы и заговорить, как коллега с коллегой!..

Джоанна посмотрела на часы: половина второго. Полтора часа нужно было как-то убить. Конечно, можно походить по редакциям, сегодня там не только дежурные, это понятно всякому. Но в редакции идти не хочется. Почему ей так отчаянно не хочется приступить к делу, о котором она мечтала с детства? Стыдно показать диплом, полученный во вражеской стране? Может быть. Стыдно проситься на место тех, кто ушел на фронт? Тоже может быть. Может быть, может быть, может быть...

Она медленно шла по улице, опустив голову. Люди, группами расходящиеся с митинга, обгоняли ее, иногда толкали, торопливо извинялись и шли дальше. «Хорошо, хоть не прилетели эти грингос, пока мы были на площади, — сказал кто-то, — а то была бы там мясорубка...» — «Это уж точно, — отозвался другой, — было бы, как вчера в Сан-Педрито...»

Она остановилась на перекрестке, огляделась, словно туристка в незнакомом городе. Этот она зна-

ла с детства, но сейчас смотрела с жадностью. Очень чистые тротуары, подстриженная зелень, белые двухэтажные дома. Немного впереди улица круто спускалась книзу, в конце виднелись сады предместий и горы, кольцо вставшие вокруг столицы. Если пройти назад несколько кварталов, можно увидеть такое же зрелище с противоположной стороны Сьюдад-де-Гватемала. Триста тысяч жителей. А в Нью-Йорке — десять миллионов. Здесь нет ни Импайра, ни Рокфеллер-Центра. Здесь только на главной улице можно увидеть трехэтажный дом; провинциалы смотрят на него, придерживая шляпу, и восхищаются прогрессом. Двадцать тысяч регулярной армии и воздушные силы в составе полусотни самолетов — единственная защита против небоскребов, против золотого запаса в подвалах Форт-Нокса, против всего того, что им показывали недавно на испытательной базе ВВС США «Эдуордс» в пустыне Мохава...

Почему янки так усиленно демонстрировали свою боевую технику именно перед ними, будущими журналистами, латиноамериканцами? Хотели внушить страх? Но уж янки-то должны знать, что «страх» самое непопулярное слово к югу от Техаса!

Эта улица — чистая, бело-зеленая, такая не похожая на ревущие каменные каньоны Манхэттена, — она, наверно, не самая красивая в мире. Строго говоря, красивого в ней вообще ничего нет, кроме зелени и чистоты. Но для нее, Джоанны Асеведо, эта улица, как и все остальные, за углом и через два квартала, это самое для нее родное, самое родное после родного дома, которого у нее уже нет. Это как раз то, что нужно сберечь и защитить, как угодно и чем угодно, хотя бы собственным телом... И если бы хоть кто-нибудь смог сейчас внушить ей уверенность в том, что работа в газете дает человеку возможность выполнить свой долг!

В два часа Джоанна зашла выпить лимонада. Едва успев расплатиться, она услышала, как снова часто захлопали зенитки, испугавшие ее сегодня утром. Она выскочила из бара; люди бежали, пригибаясь и оглядываясь на небо. Джоанна тоже посмот-

рела, увидела что-то непонятное — в белых и темных клочьях дыма — и тоже побежала.

За углом она вскочила в первую попавшуюся нишу фасада и закрыла глаза, прижавшись спиной к стене. Над крышами проревел самолет, совсем низко; потом — еще громче и страшнее — второй. «*Salvum fac, Domine...*» * — шептала Джоанна помертвевшими губами, судорожно вцепившись в шершавый и горячий от солнца известняк. Вздохнув, словно торопясь расстрелять все небо, разноголосно били зенитки.

Потом она снова бежала и снова пряталась от наступающего рева над головой. Стоя в узкой подворотне, она расплакалась от страха и унижительного ощущения своей полной незащитности, почти обнаженности перед теми, кто там, наверху, сидел за рычагами машин, придуманных для убийства. Судя по звуку, самолетов было уже три, они прошли совсем низко, словно примериваясь рубить винтами крыши домов; Джоанна не сразу поняла, что в знакомое уже таханье скорострельных пушек вплелся режущий треск бортовых пулеметов. Зазвенели посыпавшиеся откуда-то стекла, потом от страшного удара земля качнулась под ногами Джоанны, а небо, казалось, рухнуло ей прямо на голову.

Опомнилась она минутой позже, сидя на корточках в подворотне, с ног до головы осыпанная пылью и мусором. Вокруг, к ее изумлению, все выглядело более или менее целым, если не считать выбитых окон с косо висящими оторванными ставнями. Она встала на ноги, машинально отряхивая пыль и все еще всхлипывая. И тут до ее сознания достигли стоны.

Стонал человек, лежавший в сотне шагов от подворотни, посреди мостовой, усыпанной чешуей битого стекла. Он приподнимался, пытаясь ползти, и снова падал, и снова пытался встать. Джоанна побежала к нему совершенно инстинктивно, ни о чем не думая, — как бросаются к упавшему ребенку. Просто человек нуждался в помощи и вокруг никого не было.

* Слова католической молитвы (лат.).

Его ранило в обе ноги, ниже колен. Джоанна со страхом смотрела на красную лужицу, расплывающуюся на асфальте, и безуспешно пыталась вспомнить как можно точнее все те инструкции, что им приходилось зубрить во время корейской войны.

— Успокойтесь, — бормотала она, — пожалуйста, успокойтесь, я сейчас...

Джоанна вдруг догадалась, что нужно делать.

— Нож у вас есть?

Раненый, немного успокоившийся теперь, сам полез в карман и достал нож. Джоанна одним махом распоролла одну штанину, потом другую, отрезала выше колена, скрутила жгут.

— Сейчас, потерпите минутку, я только постараюсь остановить кровь... — Руки у нее тряслись, но пока, кажется, дело шло удачно. — Не бойтесь, если туго... Это ненадолго, я сейчас позову кого-нибудь...

С секундным опозданием Джоанна сообразила, что самолеты снова прошли где-то недалеко. Опять хлестнуло по крышам железным ливнем. Стоя на коленях, она оглянулась и тыльной стороной руки откинула со лба волосы. В синем небе таяли и уплывали в сторону облачка разрывов; по улице подбегал полицейский, придерживая карабин.

— Машину! — крикнула Джоанна. — Скорее машину, его нужно немедленно в больницу! Если не достанете машину, то хоть какую-нибудь тележку, что ли! Бегите быстрее, я подожду здесь!

ГЛАВА 5

Уже пятый день Педро Родригес находился на земле, занятой инсургентами. Затея с поездкой в Моралес, начавшаяся было так удачно, кончилась плохо: в темноте их обстреляли из зарослей, трое в машине были ранены, остальные рассыпались вдоль дороги и завязали перестрелку неизвестно с кем. Пассажиру было велено отползти подальше вдоль канавы и сидеть не высываясь. Какое-то время он так и сидел, довольно долго. Стреляли то ближе, то даль-

ше, а когда все стихло и он вылез из укрытия, грузовик, носом в обочину, пылал как костер, а людей не было. Педро так перепугался, что кинулся бежать наобум.

Утром он пришел в поселок — кучу жалких барачков, где жили рабочие с плантация ЮФКО. Все они тоже были запуганы до смерти; вчера здесь побывали инсургенты и натворили черт знает чего. Несколько человек убили, просто так, без всякого повода; сожгли два барака; уволокли с собой почти всех девочек. Самое интересное то, что при всем при этом они называли себя «освободителями» и на рукаве у каждого была повязка с надписью: «Бог — Родина — Свобода».

— А после уехали? — спросил Педро, когда ему рассказали подробности визита «освободителей». — Куда же их понесло?

Его собеседник пожал плечами.

— Кто знает... Говорили, прямо в столицу.

— В столице их только и ждут! — фыркнул Педро. — Сволочи, они еще нарвутся на кого следует. В Чикимале знаете сколько солдат?

— А что с того? — с безнадежным выражением отозвался собеседник. — Они говорят, все офицеры на ихней стороне... А солдаты сами что могут сделать?.. Они так и говорят: «Мы вашей армии не боимся». Конечно, чего им бояться, если все куплено! Дали бы нам это самое оружие, разве бы мы их сюда пустили...

Эти слова — «Дали бы нам оружие!» — Педро слышал почти от каждого, в каждом «освобожденном» поселке. А побывал он в нескольких, потому что задерживаться на одном месте было и опасно и бессмысленно. Что он мог делать? Работать? Но о работе сейчас пикто и не думал. Сейчас было важно одно: выжить. Выжить, не захлебнуться в потоке грязи и крови, хлынувшем в эти дни по всему юго-востоку республики. Одни хотели выжить, чтобы жить, другие — выжить, чтобы бороться.

Педро Родригесу жизнь была нужна именно для того, чтобы бороться. Но как это делать, он понимал

все меньше и меньше. Война, на которую он отправился, вооруженный ножом Чакона, оказалась совсем не похожей на ту, что обычно показывали в кино. Там всегда был фронт, на фронте — окопы, в окопах сидели люди и стреляли в противника, который обязательно сидел, спрятавшись где-то впереди. Кроме того, и это было главное, на настоящей войне, по твердым представлениям Педро, всегда много оружия. Оружие там валяется где хочешь, прямо под ногами, только бери. Здесь же не было ни фронта, ни окопов, ни оружия.

Точнее, оружие было, только в руках врага. Враг этот появлялся то тут, то там; помимо основных сил, действовавших более или менее организованно на направлениях Киригуа — Пуэрто-Барриос и Чикимула — Сакапа (там у них были и артиллерия, и бронемашинны, и даже старые танки типа «Генерал Грант»), десятки мелких отрядов наводнили с первого же дня вторжения всю приграничную полосу джунглей и банановые плантации атлантической зоны. Педро часто видел этих людей: каждый был обвешан оружием, как рождественское деревце — стекляшками, но отнять это оружие было не так просто.

Они всегда появлялись группами — ходить в одиночку или даже по двое явно избегали. Немытый парнишка в истрепанном комбинезоне не вызывал их вожделений, и на Педро они обычно внимания не обращали.

Зато он следил за ними с жадностью: вот враг, вот оружие! Но что он мог сделать со своим ножом?

Оружия не было ни у кого. Правительственные войска вели бои на границе в течение двух первых суток; после этого, выполняя приказ, они в полном порядке отошли к долине Рио-Мотагуа и ограничились строго оборонительными действиями. Все население приграничной полосы попало совершенно безоружным в руки врага, ворвавшегося в страну с одной целью — убивать, убивать как можно больше. А убивать безоружных оказалось совсем просто.

Они и убивали. И ответить на это было нечем. Оружия не было, правительственные войска стояли на рубеже Мотагуа. Кругом были только джунгли, заросли бананов и убийцы.

Один-единственный раз Педро представилась возможность сделать настоящее дело, и он ею не воспользовался. Выйдя однажды под вечер к одному из маленьких поселков, неподалеку от Акасагуастлана, он увидел прямо перед собой инсургента, спящего сидя в тени хижины. «Освободитель» был, очевидно, пьян, техасская шляпа сползла ему на лицо, закрыв глаза. Автомат он держал на коленях; вокруг не было ни души.

У Педро молнией мелькнула мысль: лучшего случая не представится никогда больше. Подскочить, благо у него шляпа на глазах, ударить ножом, схватить автомат и назад, в чащу. Он и не пикнет. А кругом ни души. Ну, скорее...

Но он не тронулся с места. Не то, чтобы ему стало вдруг страшно, страшно — это не то слово. Ему стало тошно. Пусть враг, пусть убийца, все это так. Но подойти и ударить ножом спящего человека... И потом другое: этот человек может быть часовым, в поселке есть, очевидно, и другие инсургенты. Когда его найдут зарезанным, первым делом поплатятся жители. Значит, ты не имеешь права убить и уйти; ты должен убить, взять автомат и идти от хижины к хижине, пока не встретишься с ними лицом к лицу. Может, тебе посчастливится убить еще одного или двоих, если застанешь врасплох. А потом убьют тебя. Хорошо еще, если просто убьют...

Педро стоял и смотрел на спящего. Он должен был убить; это был его долг, ради этого он сюда и попал. Но убить и скрыться он не имел права, он должен был убить и умереть. А умирать ему не хотелось. Вернее, ему не хотелось умирать в одиночку.

Только здесь, во время этих скитаний, Педро понял, каким дураком был в тот момент, когда решил, что сможет прекрасно обойтись без армии. Воевать в одиночку (даже имея настоящее оружие)

было невозможно. Если бы с ним был хоть кто-нибудь!

Ему сейчас страшно не хватало друзей. Таких, как Эрнесто Корвалан, как Руис, даже как придурковатый Чакон. Даже как Аделита, глупая девчонка, попугайха. По этой попугайхе он, честно говоря, очень скучал, хотя и ни за что не захотел бы видеть ее сейчас здесь, среди «освободителей». То, что Аделита живет в далекой Халапе, в безопасном тылу правительственных войск, было для него большим утешением.

После Аделиты больше всего ему не хватало Эрнесто. Уж кто-кто, а Эрнесто помог бы разобраться во всем; а как здорово было бы повоевать вместе с Корваланом! Воевать легче, когда все понятно; Эрнесто мог бы объяснить все то, что сейчас оставалось для Педро непонятым.

А непонятым оставалось многое. Почему бездействует гватемальская армия? Почему до сих пор не вмешались эти самые Объединенные Нации, о которых всегда столько пишут в газетах? Почему никто не позаботится о том, чтобы вооружить население захваченной врагом зоны? Ведь никакой линии фронта нет и, имея карты, можно проникнуть с небольшим отрядом в любое место вплоть до самой гондурасской границы...

Действительно, никакой определенной «линии фронта» в этой войне не было; оккупированная зона отделялась от всей страны только своеобразным занавесом молчания. Газеты сюда не доходили; радиоприемники — в тех редких случаях, когда их можно было найти в этих поселках, — уничтожались или отбирались «освободителями» прежде всего. Почта не работала. Сообщения между населенными пунктами прекратилось, жители оказались отрезанными от внешнего мира и новостей.

О сражении под Гуаланом, ознаменовавшем конец оборонительного периода войны, Педро узнал из первых рук — от самих участников. В этот день он впер-

вые увидел «освободителей» в ином состоянии, чем обычно. Непривычно трезвые, оборванные, в грязи и бурых засохших бинтах, они шли, бежали и ехали по дорогам и лесным просекам. В одну и ту же сторону — к границе. На джипах и грузовиках тряслись раненые, вопя от боли и проклиная «освободительную» войну, Кастильо Армаса и всех мадонн от Фатимы до Гваделупы. Прикинувшись дурачком, Педро стал клянчить консервы у одной из групп, остановившейся перекусить, и какой-то болтливый тико* из Пуэрто-Лимон выболтал ему все, что случилось на фронте.

— Ну, нам же и дали! — бормотал он, торопливо запивая еду из фляжки и то и дело оглядываясь по сторонам. — Ну и дали! То, что ты вот здесь видишь — ну, и на других дорогах тоже, — так это одна половина нашей освободительной армии. Другая сейчас топает на север, под конвоем. А ты что думаешь? Там кого не уложили на месте, всех подчистую забрали в плен. Конечно, кто успел, тот смылся. Сволочное дело эта война, я думал, это будет иначе. Мне и убивать-то никого неохота, я просто так приехал, посмотреть. Все равно дома был безработным. А тут триста долларов, шутка! Я думал, это так, ну, там мосты охранять или что-нибудь в этом роде. А воевать, да ну их к черту!.. Ты вот скажи, ты чапín? ** Чапín, ясно, что я не вижу! И человек как человек. А они нам что говорили? Все чапины — коммунисты, вот как они трепались. Оказалось, вранье, такие же вы люди, как и мы. На черта ты мне сдался, тебя убивать? Бери вон еще банку и проваливай, а то офицер увидит, будет тогда нам с тобой...

Педро поспешил удалиться, унося с собой две банки свифтовской тушенки и ощущение огромной радости. Наконец-то сволочи получили по заслугам! Наконец-то они узнали, что такое гватемальский солдат!

* Tico — прозвище уроженцев Коста-Рики.

** Chapín — прозвище гватемальцев.

После этого в лесах стало тихо. «Освободители» как сквозь землю провалились. Педро даже слышал от одного негра, что некоторые поселки снова заняты правительственными гарнизонами. Сам он, правда, солдат нигде не встречал, но негр уверял, что говорит правду.

Педро решил пробираться к своим. Но у него не было ни карты, ни компаса; выросший в городе, он совершенно не ориентировался в этих проклятых зарослях. Два раза чьи-то посты открывали по нему огонь. Как это ни странно, а перейти несуществующую линию фронта оказалось очень трудно.

Постепенно он опять начал падать духом. Хотя «освободители» и смылись, но война, по-видимому, не кончилась и гватемальские войска не спешили занять оставленную врагом полосу. К тому же самолетов теперь стало видимо-невидимо. Педро еще никогда не видел такого количества самолетов. И одномоторные, и двухмоторные, они теперь день и ночь гудели в небе, и все время, особенно по ночам, с севера и с запада доносился тяжкий гром рвущихся где-то бомб.

На окраине Крус-де-Ипала совершенно неожиданно Педро снова нарвался на патруль инсургентов и на этот раз чуть не пропал. Дело в том, что у него было теперь оружие — две гранаты, подобранные в канаве во время гуаланского отступления «освободителей». Они были без капсюлей, но капсюли могли найтись отдельно, и Педро таскал тяжелые железные ананасы в карманах комбинезона, по одному в каждом. А к внутренней стороне рукава, почти под мышкой, у него был хитро пристроен нож. Вздумай «освободитель» его обыскать, и все было бы кончено. Он успел заскочить в дверь полуразрушенного строения; джип с четырьмя автоматчиками медленно прокатил мимо него и скрылся за поворотом. Педро долго смотрел вслед, сжимая в кармане бесполезную гранату. Что же случилось? Почему они снова здесь? Значит, победа под Гуаланом еще ничего не решила?

ГЛАВА 6

— Сестра Асеведо! Сестра Асеведо, вы слышите? Вставайте, пора на дежурство!

Джоанна сердито пробормотала что-то во сне, почесала на щеке mosquito укусы и снова потянула на себя простыню.

— Хуанита-а! — почти закричала будившая ее сестра. — Вставай, нечего тут нежиться, освобождай койку...

— Оставь ее, Чача, чего пристала к человеку! — с досадой заметила другая, пересчитывающая за столом какие-то ампулы при тусклом свете керосинового фонаря. — Опять из-за тебя сбилась... Оставь ее в покое, еще полчаса до смены.

— Ну и опять проспит, — возразила Чача, — опять не успеет поесть и потом будет ходить, как сонная муха! И откуда такая сонливость?

— От молодости, от усталости, — сказала сидящая за столом. — Посмотри на себя, ты даже во время налета не просыпаешься...

— Джоанна работала весь день сегодня и вчера, а накануне вечером, вместо того чтобы отдыхать, поехала к мужу, — раздался неодобрительный голос из темного угла палатки.

— Тсс! — укоризненно сказала сидящая за столом. — Может быть, она не спит...

— Ну и что? Я говорю то же, что сегодня утром сказала ей самой, когда она вернулась и вот с такими глазами стала на дежурство. Супруг, видите ли, просил приехать... Мужчины в своем эгоизме доходят уже черт знает до чего!

— А вы спросите у самой Хуаниты, — не без ехидства заявила Чача, — кажется ли это ей таким уж большим эгоизмом со стороны мужа. Может, она и сама была не прочь?

— В таком случае это эгоизм в квадрате! Сейчас не время думать о... о семейных радостях.

Чача закусила удила.

— Простите, пожалуйста, сестра Гонсалес, вы так не говорили бы, будь вы сами замужем! И вы не

можете сказать, что Хуанита небрежно относится к своим обязанностям, нет, не можете! Она ведь поехала в свободные часы, правда?

— Чача, я прошу тебя не забывать о нашей разнице в возрасте...

— С вашего позволения, сестра Гонсалес, об этом довольно трудно забыть — разве что в темноте!

— Иначе я в один прекрасный день надеру тебе уши. Вот увидишь!

— Ну конечно, — обиделась та, — слова уже нельзя сказать, чтобы на тебя не взъелись...

— Что вы там кричите? — сонным голосом спросила Джоанна. — Это ты, Чача? Который час?

— Час вашего дежурства, сестра Асеведо, я уже повторяю это вам в тысячу первый раз, но куда там, разве вас добудисься после ваших вчерашних пождений!..

Обрадовавшись новой жертве, Чача набросилась на Джоанну, выволокла из постели и немедленно растянулась на ее месте, закинув руки под голову. Джоанна накинула халатик и присела к столу, протирая глаза.

— Как душно! — вздохнула она. — Я совершенно не отдохнула... Ни днем, ни ночью нет прохлады... Как только люди могут жить в этих низинах? Вы пересчитали ампулы, сестра Агирре? Все правильно?

— Правильно, — отозвалась та, укладывая ампулы в коробочку. — Не знаю, надолго ли их хватит. Пойди умойся, там привезли свежую воду... относительно свежую, я хочу сказать.

— Сейчас... Ох, как я устала!

— Что тебе снилось? — с интересом спросила Чача.

— Что снилось?.. Не знаю, какая-то чепуха. А-а, да, бейсбольный матч...

— Матч?

— Ну да, Колумбия против Харварда. Вообще, какая-то глупость...

— Счастливая ты, — вздохнула Чача, — воображаю, сколько там было интересных ребят... Почему

мне никогда не снится ничего приятного? Вчера приснилась мисс Холт: вроде я плохо выстирала простыни, и она меня за это разносила.

— Так оно и будет, — кивнула Джоанна и вышла из палатки, взяв умывальные принадлежности.

— Он интересный, ее муж? — спросила Чача. — Вы видели, сестра Агирре?

— Так себе, человек как человек.

— Хуанита — настоящая дура! С ее внешностью, живя в Штатах, я подцепила бы самого Марлона Брандо! По меньшей мере Роберта Тэйлора...

— Перестань молотить языком. Между прочим, его хвалят, этого Асеведо... Обычно все эти сублейтенанты из резерва никуда не годятся, а этот показал себя очень хорошо.

— Что ему дали?

— Кажется, взвод.

Чача пренебрежительно фыркнула.

— Для этого достаточно быть капралом, чтобы командовать взводом.

В палатку, причесываясь на ходу, вошла Джоанна.

— В стороне Пуэрто-Барриос опять что-то горит, — сказала она, вешая на крюк полотенце. — Не летали, пока я спала?

— Летали, где-то стороной. Я слышала несколько взрывов.

Джоанна застегнула халат и повязала косынку.

— Ничего не осталось поесть, сестра Агирре?

— Садись, я сейчас дам.

Аккуратно перевязав коробку шпагатом и сделав пометку на крышке, она отнесла ее в угол и поставила перед Джоанной котелок.

— М-м... Опять бобы... — разочарованно пробормотала та, заглянув внутрь.

— Что ж делать, — пожалала плечами сестра Агирре, — консервированного мяса не хватает даже для раненых, а свежего вообще нет.

— Я знаю, — вздохнула Джоанна, с неохотой принимаясь за еду.

— А ты ешь и воображай, что это жареное седло дикой козы! — посоветовала Чача. — Или королевский фазан в соусе из мадеры... есть и такое блюдо, я сама читала. Или осьминог по-филиппински!

— Это я ела, — кивнула Джоанна, старательно пережевывая жесткие бобы. — Молодой осьминог — вкусная штука, если его хорошо приготовить. С белым соусом.

— Ой, ты знаешь, — закричала Чача, — что я раз ела в одном ресторанчике в Чамперико!

— Тише, девушки, — прервал ее раздавшийся у входа в палатку резкий голос с сильным иностранным акцентом. Мисс Холт, старшая сестра госпиталя, подошла к столу и строго взглянула на обеих. — Должны ли вы кричать всю ночь, как... дрозды, хочу я сказать, когда все кругом находятся спящими? Ниггу-ур *, Джоан, это есть ваше время...

Она постучала ногтем по циферблату ручных часов и продолжала, перейдя на английский:

— Джоан, поторопитесь, вам придется вместе с другими ассистировать доктору Мачадо. Сегодня много раненых, и есть с ампутациями.

— Да, мисс Холт... — побледнев, кивнула Джоанна, на секунду прикрыв глаза.

Присутствие при операциях, совершаемых почти без применения анестезирующих средств, было для нее пыткой.

— Я уже должна идти, мисс Холт? — спросила она, отодвигая котелок.

— Через десять минут придете с сестрой Агирре в операционную, она вам покажет, что нужно приготовить. Пока кончайте есть. Теперь, куда вы спрятали бинты, что я вчера велела вам выстирать?

Джоанна закусила губы и с ужасом подняла глаза на старшую сестру.

— О, мисс Холт... — прошептала она наконец. — Эти бинты, я... я, кажется, забыла их приготовить...

Увядавшее лицо американки ничего не выразило, она только чуть вскинула брови.

* Поторопитесь (англ.).

— Очень хорошо, Джоан. Это после того, как я специально напомнила вам об этом перед концом смены, да? Вы знаете, что у нас нет бинтов? Что вы будете делать, разрешите спросить, если их не хватит для сегодняшних перевязок? Я вас спрашиваю, чем вы будете перевязывать раненых? — крикнула она, внезапно вспыхивая от гнева. — Может быть, вы употребите на это собственную комбинацию, как полагается в романах? Вы... вы отвратительная, ни к чему не годная девчонка! Стыдитесь, Джоан! Здесь полевой госпиталь, а не дансинг!

Мисс Холт круто повернулась и вышла из палатки.

— Чего это она на тебя? — тотчас спросила Чача, с любопытством привстав на локте.

Джоанна, слишком расстроенная, чтобы отвечать, промолчала. За нее ответила сестра Агирре, знающая английский язык.

— Ничего страшного не случилось, просто забыли приготовить бинты. Не волнуйся, Хуана. Если не хватит, я возьму из резервного фонда.

— Доктор Мачадо запретил трогать резервный фонд, — тихо заметила Джоанна.

— Ну, мало ли что! Из-за его запрета раненые не будут оставаться неперевязанными, верно? Возьму самую малость... А может быть, и вообще обойдемся.

— Эта Холт — просто старая ведьма! — взорвалась Чача. — Подумаешь, забыла, так что с того? Можно подумать, что она сама никогда ничего не забывала, когда была молодой. Конечно, этому трудно поверить, но она, несомненно, была когда-то молодой, эта Холт.

— Перестань, Чача, она права, — сказала Джоанна. — Она мне два раза напоминала...

— Ну, и что такого? В конце концов мы с тобой только сестры-вольноопределяющиеся, и вообще даже не сестры, если хочешь знать, у нас ведь нет профессиональной подготовки, верно? Значит, нечего предъявлять к нам такие же требования, как и к другим.

— И потом ты вообще не имеешь права говорить так о мисс Холт, она сама янки и никто не заставляет ее здесь работать... Она специально бросила свое место в «Америкэн Хоспитэл» и перешла сюда. Еще неизвестно, какими неприятностями это ей грозит в будущем.

— Ну, про это я ничего не говорю, а вообще она...

— Хватит, девочки, — вмешалась сестра Агирре. — Хуана, ты наелась? Тогда пей кофе, и идем. Термос в ящике, позади тебя.

— Я не хочу кофе.

— Я тебе говорю, пей! Это не для удовольствия, а чтобы ты держалась на ногах. Посмотри на себя — на что похожа! Бензедрина ты от меня больше не получишь, и не думай.

Джоанна смутилась: стеклянная трубочка, в которой еще оставалось пять таблеток, была припрятана у нее в надежном месте. Уже шестые сутки только бензедрин помогал ей переносить страшную физическую и моральную усталость; правда, за каждый прием, когда проходила искусственная бодрость, приходилось расплачиваться потерей аппетита и головной болью, но другого выхода не было.

Морщась и обжигаясь, Джоанна маленькими глотками пила дымящийся горький кофе и думала о женщине из третьей палаты, не решаясь спросить о ней у сестры Агирре. Женщину эту, с ожогами первой степени, привезли накануне из сожженного напалом поселка, где уцелело всего одиннадцать человек. Самолеты появились лунной ночью и безошибочно — с бреющего полета — сбросили на поселок пятисотфунтовые жестяные сигары, наполненные смертоносным студнем; выскочить успели только жители крайних хижин — другие проснулись уже после того, как жидкое ревущее пламя ворвалось в их убогие спальни. Вместе с женщиной привезли ее трехлетнюю дочь, почти не пострадавшую, если не считать легкого ожога на ножке.

Знакомый ноющий звук слышался где-то высо-

ко-высоко над брезентовой крышей палатки, над укрывающей ее листвой банановых деревьев.

— «Пе-сорок-семь», — с видом знатока определила Чача и с усмешкой взглянула на Джоанну. Та закусила губы и быстро поставила на стол пластмассовый стаканчик, чувствуя, как холодеет и словно стягивается кожа на щеках. Сестра Агирре оглянулась на вход и еще ниже прикрутила фитиль фонаря. Гул самолета утих, потом откуда-то докатился грохот одинокого взрыва, всколыхнувший удушливую тишину тропической ночи. Джоанна достала из кармана платок и отерла выступившую на лбу испарину, с жалкой улыбкой покосившись на сестру Агирре.

— Ну, идем, девочка, — сказала та. — Допивай кофе и идем. Все равно летать они будут всю ночь... Хочешь сигаретку?

Джоанна поблагодарила молчаливым кивком и щелкнула зажигалкой; синий огонек плясал в ее трясущихся пальцах. Не сразу закурив, она сделала несколько быстрых затяжек и, бросив сигарету, торопливо допила кофе и встала.

— Счастливого дежурства, — зевнув, пожелала ей Чача, поворачиваясь лицом к стенке палатки.

Джоанна молча наклонила голову; благодарить вслух в таких случаях не полагалось, иначе пожелание теряло силу.

Дежурство на этот раз оказалось тяжелее обычного; к утру, несмотря на принятую тайком таблетку бензедрина, Джоанна чувствовала себя на грани обморока. После окончания перевязок и уборки операционной она взяла кучу грязных бинтов и отправилась в прачечную. Стирка заняла еще около часа; покончив и с этим делом, Джоанна положила бинты в автоклав, пустила пар и, взглянув на часы, опустилась на табуретку, откинувшись к стене и устало закрыв глаза.

Тотчас же перед ней встало лицо Мигеля — такое, каким она видела его вчера: небритое, тем-

ное от грязи и усталости, кажущееся еще более худым от съехавшей набок большой, не по росту каски.

...Когда она на попутном джипе добралась до полуразрушенного бомбами отеля, где помещался штаб, ей сказали, что взвод сублейтенанта Асеведо находится «в деле»; адъютант, сообщивший ей это, добавил, что речь идет о контратаке, предпринятой против недавно захваченного инсургентами поселка, и что с минуты на минуту можно ожидать известий о благополучном завершении операции. Он предложил ей подкрепиться кофе и подождать с полчаса. Джоанна сидела в пустой комнатке с обвалившейся штукатуркой и прислушивалась то к лихорадочному биению собственного сердца, то к телефонным гудкам и разговорам за дверью. Прошел час, потом еще один, потом она задремала и проснулась от голоса Мигеля. Открыв глаза, она не сразу сообразила, Мигель ли это или один из тех солдат, грязных, оборванных и небритых, которых она видела на рисунках известного нью-йоркского художника, иллюстрировавшего сборник фронтовых очерков Флетчера Пратта *...

Тонкий свист пробивающейся струйки пара отвлек Джоанну от воспоминаний. Обернув руку полой халата, она изо всех сил подвинула зажимы, постучала по стеклу манометра и снова опустилась на табурет.

...Они поговорили совсем немного — минут десять-пятнадцать, не больше. Потом Джоанна вспомнила о своем пропуске, забытом на столе у адъютанта, и вышла, чтобы его взять, а когда вернулась, Мигель уже спал, положив голову на стол. Она разбудила его, заставила перейти на койку; он прилег, свесив на пол ноги в облепленных грязью башмаках, виновато пробормотал: «Я только полежу несколько минут, малыш... Откровенно сказать, чертовски устал...» — и тотчас же опять уснул. Она придвинула

* Известный американский военный корреспондент, погибший в 1945 году.

складной стул к изголовью и долго сидела, отгоняя от его лица прищипавших в темноте москитов и молча глотая слезы. Потом начало светать. В пять часов за Мигелем прислали из штаба, Джоанна из алюминиевого котелка сливала ему на руки пахнущую болотом воду. Умывшись, Мигель выкурил сигарету и, окончательно придя в себя, попросил Джоанну подождать и вышел из комнаты. Ординарец принес ей завтрак, но она не притронулась к еде, выпив только кружку кофе. Где-то недалеко — в той стороне, откуда вставало солнце, — размеренно били орудия, и после каждого выстрела вода в котелке на мгновение подергивалась рябью. Потом вернулся Мигель, и Джоанна по его глазам поняла: пора прощаться.

...В прачечную вошла сестра Агирре.

— Ты не спишь? — спросила она.

Джоанна бросила взгляд на часы.

— Нет, сестра Агирре, я жду, когда можно будет вынуть бинты.

— Послушай, эта женщина — с ожогами — умерла полчаса назад, тебе нужно пойти и занять как-то девочку... Она все кричит: «Мамита, мамита!» Постарайся, может, тебе это удастся. У меня ничего не получилось, я вообще не умею обращаться с детьми. Ступай, я сама закончу стерилизацию. Постарайся, чтобы она уснула, и потом иди отдыхать. Чачу пришлешь ко мне... Надеюсь, тебе удастся, дети тебя любят. Тот мальчик с осколочным ранением вообще не хочет признавать никого, кроме тебя.

— Хорошо, сестра Агирре, я постараюсь. Автоклав можно открывать через десять минут...

Девочке было четыре года, и она была похожа на обезьянку. Джоанне еще не приходилось видеть такого некрасивого и такого жалкого ребенка. Может быть, именно потому все ее усилия успокоить маленькую Асунсьон ни к чему не приводили: успокаивающий прежде всего должен быть сам спокоен и говорить спокойным тоном, а Джоанна была недалеко

от истерики, и разрывающая сердце жалость к этой маленькой некрасивой обезьянке могла каждую секунду оказаться последней каплей.

Умершая женщина была, по-видимому, женой какого-нибудь пеона с банановой плантации. Эти латинос имеют иногда большой, иногда меньший процент индейской крови; в маленькой Асунсьон индейская кровь явно преобладала. У девочки были очень жесткие черные волосы, выступающие надбровные дуги и очень смуглый цвет личика, которое теперь еще больше потемнело от непрерывного крика. Кроме того, во всем ее рахитичном тельце с худенькими кривыми ножками и вздутым животом явно сказывалось и другое — неизгладимая, как проклятие, печать рабского труда и нищеты из поколения в поколение, печать изнурительной четырнадцатичасовой работы на банановых плантациях «жаркой зоны», печать вечного недоедания и запущенных, ставших уже хроническими болезней.

Устав носить на руках, Джоанна уложила девочку на постель и сама прилегла рядом, прижимая ее к груди и продолжая уговаривать вздрагивающим голрсом:

— Ну, успокойся, моя маленькая, не нужно плакать... Не нужно, твоя мамита скоро придет. Она пошла купить тебе всяких хороших вещей, понимаешь? Ну, не плачь, будь хорошей девочкой, Асунсьон, не нужно, ну, понимаешь, не нужно, я прошу тебя! Не плачь; скоро придет твоя мамита... Что бы ты хотела, чтобы она тебе принесла, а? Ну скажи мне, маленькая, мы напишем мамите письмо, понимаешь? И если она сама задержится, то ты получишь все это по почте... Знаешь, приедет такое авто, загудит: «Ту-ту-ту-у!» — и дядя отдаст тебе посылку от мамиты. Асунсьон, я тебя очень прошу, не нужно плакать... Праведное небо, ну что я буду делать с этим ребенком!

Джоанна всхлипнула и утерла слезы рукавом халата. Асунсьон продолжала кричать надрываясь. Джоанна встала, опять взяла ее на руки и опять принялась ходить взад-вперед по комнате, укачивая

девочку и сквозь слезы тихонько напевая колыбельную песенку, которую в детстве слышала от няньки Селестины. Хотя и маленькая не по возрасту, девочка все же была достаточно тяжелой, и у Джоанны уже болели руки и мучительно ломило спину, но она упорно продолжала ходить по комнатке, обгоняемая собственной тенью, мечущейся по стенам.

— В чем дело, Джоан? — строго спросила мисс Холт, появляясь на пороге. — Вот уже час, как я слышу этот крик. Почему девочка до сих пор плачет?

От этого вопроса, заданного обычным для старшей сестры холодно-бесстрастным тоном, Джоанна вдруг потеряла остатки самообладания.

— Почему? Вы спрашиваете, «почему», мисс Холт? — крикнула она, останавливаясь перед начальницей. — О'кэй, я вам отвечу, если вы сами еще не догадались! Ваши «бравые парни из воздушных сил» сожгли напалмом ее мать! Конечно, девочка не знает такой подробности, иначе она бы не плакала! Она гордилась бы, что ее мать убита бомбой, сделанной в Соединенных Штатах! И вы тоже можете гордиться, мисс Холт, еще одной великой победой американской демократии! Можете радоваться!

Даже в тусклом свете керосиновой лампочки она увидела, как лицо мисс Холт пошло красными пятнами.

— Дайте сюда ребенка, — тем же сухим тоном приказала старшая сестра.

Взяв девочку, она принялась ходить по комнате, нашептывая ей что-то на ухо и не обращая внимания на Джоанну, оставшуюся стоять на том же месте. Не прошло и двух минут, как Асунсьон начала успокаиваться и вскоре совсем затихла, очевидно уснув. Походив еще минут пять, мисс Холт осторожно уложила ее на постель и прикрыла простыней.

— Прежде чем выходить замуж, миссис Асеведо, — сказала она холодно, не глядя на Джоанну, — вам следовало бы научиться обращению с детьми. Что касается ваших последних слов, то, поскольку

вы затронули эту тему, я должна сказать вам, что в тот день, когда ваша страна подверглась агрессии, я отказалась от североамериканского подданства, вернув свой паспорт консулу США в Гватемала-Сити... Вместе с военной медалью, которую я получила в Арденнах в сорок пятом году.

Пройдя мимо Джоанны, как проходят мимо пустого места, она подошла к двери и, уже выходя в коридор, добавила не оборачиваясь:

— Вы первый человек, кому я об этом рассказала, и сейчас совершенно не уверена, что поступила правильно. Вы этого просто не заслуживаете, миссис Асеведо...

ГЛАВА 7

Самолеты — три «тандерболта» без опознавательных знаков и номеров — со свистящим ревом прошли над самыми деревьями, высыпав вдоль полотна узкоколейки серию осколочных сорокафунтовок. Когда отгремели взрывы и сверху перестали падать комья грязи и срезанные осколками ветки, Мигель поднял голову и огляделся. На этот раз, кажется, все сошло благополучно. Впереди, по ту сторону полотна, продолжал гореть подожженный утром тяжелый вездеход инсургентов: верх его уже выгорел, теперь занялись толстые рубчатые баллоны на всех шести колесах, отравляя удушливым чадом и без того тяжелый, неподвижный воздух этой заболоченной низины.

Мигель откинулся на спину в своей ямке, где на дне уже начала скапливаться сильно пахнущая болотом вода, и снова прижал к щеке горячую и скользкую от пота коробку радиофона.

— Оцелот-два вызывает Пуму, — хрипло заговорил он, настороженно глядя в небо, в сотый раз с терпеливым отчаянием повторяя одно и то же. — Оцелот-два вызывает Пуму, Оцелот-два вызывает Пуму, подтвердите слышимость, Пума, Пума, подтвердите слышимость Оцелота-два, говорит Оцелот-два, подтвердите слышимость, конец передачи...

Он шелкнул тумблером перехода на прием, над ухом у него что-то тихонько зашумело, запищало, стало посвистывать тоненько, словно издеваясь. Он вслушивался, приоткрыв от напряжения рот. От Пумы не было ни слова. Или там что-то случилось, или эта чертова коробка уже никуда не годится. Может, село питание?

Сдвинув каску, он вытер заливающий глаза пот, размазав по лицу грязь, и с отвращением покосился на зеленый пластмассовый ящичек, похожий на большой пенал с вделанной в него телефонной трубкой и торчащим вверх гибким прутиком антенны, — американский полевой «Токи-Уоки» выпуска 1943 года. До сих пор эта реликвия работала совсем не плохо, что же с ней стало теперь, будь она трижды проклята!..

Самолеты снова вернулись, сделали еще один заход, прочесали джунгли из пулеметов. Потом они забрали круто вверх и ушли на юг, к гондурасской границе, до которой было отсюда ровно тридцать пять километров. Мигель встал на колени, грязным носовым платком протер стекла бинокля и еще раз внимательно осмотрел зеленую стену зарослей по ту сторону узкоколейки. Там по-прежнему не было никакого движения. Трупы инсургентов, убитых во время утренней атаки, лежали в тех же позах, будто большие изломанные куклы. Один, в широкополой тexasской шляпе, висел на спутанных лианах, уронив руки до самой земли, — издали его можно было принять за пьяного, навалившегося на изгородь. Не было ни малейшего ветерка, и дым от горящего «доджа» стоял в чаще неподвижным синевато-серым облаком, медленно просачиваясь вверх и в стороны.

— Капрал Гутьеррес! — не оборачиваясь, позвал Мигель.

Сзади послышались чавкающие по грязи шаги. Толстый капрал, сдержанно чертыхаясь, подошел к ямке командира и присел на корточки, свертывая сигарету.

— Слушаю, мой сублейтенант, — сказал он ворчливо, старательно зализывая кромку листка.

— Там все тихо, капрал, — сказал Мигель, взяв протянутый ему кисет и кивнув в сторону дороги. — И вообще, как понимать эту бомбежку? Вряд ли авиация стала бы крошить своих... Скорее всего, они отошли и уже потом вызвали сюда самолеты. А?

Глянув на капрала, он стал вертеть сигарету. Толстяк закурил и задумчиво разгладил усы.

— С вашего позволения, мой сублейтенант, я бы здесь больше не оставался, — сказал он. — Повторять атаку на прежнем месте они не станут, это не в их правилах. А самолеты могут вернуться. И мне бы чертовски не хотелось, чтобы они вернулись с напалмовыми бомбами.

Мигель ничего не ответил. Табак у него рассыпался, он выругался сквозь зубы и принялся свертывать заново. Выждав, когда сублейтенант взял сигарету в рот, капрал поднес ему зажигалку. Мигель закурил и снова утер рукавом мокрое от пота лицо.

— Раненых четырнадцать? — спросил он сквозь зубы.

— Четырнадцать, мой сублейтенант. И трое из них не смогут идти сами.

— Ч-черт, если бы хоть связь была... вы в радио не разбираетесь, капрал?

— Никак нет, мой сублейтенант.

Мигелю очень захотелось обругать кого-то последними словами: самого себя, или не разбирающегося в радио капрала Гутьерреса, или Пуму, которая с самого утра не отвечает на вызовы.

— Сволочное дело, капрал. А если они повторят атаку?

— А если они прилетят с напалмом?

— Экое сволочное положение, — повторил Мигель. — Бросьте вы меня пугать, черт побери!

— Никак нет, я вас не пугаю. Я просто считаю долгом предупредить...

— Напалм, напалм! — сердито передразнил Мигель. — Сам знаю! Сколько вам нужно человек, чтобы вывести отсюда всех раненых?

— Простите, мой сублейтенант?

— Каррамба, я выражаюсь достаточно ясно, капрал! Вы что, не понимаете простого вопроса?

— Так точно, понимаю. Ну, скажем... — Гутьеррес задумчиво пожевал погасший окурок. — Пяти здоровых бойцов было бы довольно, мой сублейтенант. Но только...

Мигель тщетно подождал продолжения фразы и посмотрел на капрала снизу вверх, моргая воспаленными глазами.

— Что вы хотели сказать, Гутьеррес?

— Вам, понятнø, виднее... стоит ли дробить силы.

Мигель жадно затянулся раз и другой, бросил обжегший пальцы окурок и ударом каблука вбил его в грязь. Брызнула болотная жижа.

— Ну, если нас останется четверо, это все же лучше, чем ничего. До вечера я не хочу отсюда уходить... Мало ли что может случиться, дьявол их знает! А вы идите, я не могу принять на себя ответственность за полтора десятка раненых. Со мной останутся... скажем, Годой, Муньос, ну, и Никастро. А сейчас пошлите людей туда, — он мотнул подбородком в направлении полотна, — собрать оружие и бумаги. Бумаги вы возьмете с собой. Сколько у нас гранат?

— Дюжины полторы наберется, мой сублейтенант.

— Оставьте нам десяток, остальные можете забирать. У них там были утром ручные пулеметы. Если найдутся исправные, тащите сюда все. И побольше магазинов, сколько найдется.

— Слушаю, мой сублейтенант. Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Капрал поднялся и направился к солдатам.

— Гутьеррес! — крикнул ему вслед Мигель. — Пусть там пошарят насчет съестного, слышите? Ребята со вчерашнего вечера не жрали. И перевязочные пакеты тоже!

Капрал ушел. Из-за деревьев послышались его окрики и привычная добродушная ругань. Потом

четверо солдат перебрались через полотно узкоколейки, дали для острастки пару очередей, прислушались и неторопливо, словно гуляя, отправились в ту сторону, откуда расползлся дым горящей машины. Мигель, кусая потрескавшиеся губы, следил за ними в бинокль. Это всегда было самым трудным — отправлять людей куда бы то ни было. Даже на сравнительно безопасное задание, не говоря уже о разведке. Мало ли что может случиться, а потом будешь мучить себя сознанием, что послал человека на смерть!

Минут двадцать на той стороне все было тихо. Мигель еще раз попытался вызвать Пуму. Потом из-за полотна раскатисто гроыхнула очередь тяжелого автомата. Мигель уронил радиофон и вскочил, схватившись за висящий на груди бинокль. Пот разъедал ему глаза, но он все смотрел и смотрел, не отрываясь от окуляров. Прошло еще не менее четверти часа, пока из дымных зарослей не показались знакомые фигуры — вывалившиеся в болотной грязи, в касках, камуфлированных обрывками банановых листьев. Двое были навьючены трофейным оружием, двое несли что-то тяжелое в брезентовом полотнище. «Gloria Patri *...» — машинально пробормотал Мигель всплывшие вдруг в памяти слова из далекого детства, опустив бинокль и утирая со лба пот.

Добыча оказалась богатой: три новеньких ручных «томпсона», несколько автоматов, магазинные коробки, консервы и даже семь фляжек рома.

— Да, а кто там стрелял? — вспомнил вдруг Мигель, когда трофеи были осмотрены.

Четверо добытчиков переглянулись.

— Стрелял? — с непонимающим видом спросил один. — Никто, мой сублейтенант... Хотя верно, стреляли, как же, как же! Это я попробовал пулемет, мой сублейтенант. Думал, может, не годится, тогда и тащить бы не стоило.

Мигель покосился на солдата и ничего не сказал. Продолжать расспросы было бессмысленно.

* «Gloria Patri» (лат.) «Слава отцу» — начало благодарственной молитвы католиков.

— Капрал, накормите раненых и уходящих, — сказал он сухо, посмотрев на часы. — Не задерживайтесь здесь.

Через полчаса девятнадцать человек во главе с Гутьерресом готовы были тронуться в путь. Для троих тяжелораненых связали носилки из лиан и ветвей. Разделили оружие и гранаты. Ручные пулеметы оставили группе Мигеля.

— Итак, капрал, — сказал он, — желаю удачи. Идите по полотну до будки весовщика, потом лучше свернуть влево, по просеке. Все трофейные бумаги передадите капитану Фуэнтесу! Скажете ему, что я уйду отсюда с наступлением темноты.

Щепочка солдат скрылась в зарослях. Трое оставшихся с Мигелем выбрали место посуше, устроили вокруг маскировочный завал из срубленной при помощи мачете зелени и расположились на обгорелом с краю куске трофейного брезента.

— Нас мало, но мы сильны духом, — пошутил Мигель, раздвигая ветки для лучшего обзора. — Лично я думаю, что нас здесь никто не потревожит, бандиты, как правило, стараются не атаковать дважды в одном пункте, но на всякий случай нужно смотреть в оба... Чего я боюсь, так это авиации. Если они решат истратить на нас парочку напалмовых бомб...

— Так точно, от этой штуки здесь никуда не денешься, мой сублейтенант, — спокойно подтвердил всегда невозмутимый Никастро.

— Давайте, ребята, забудем пока о титуловании. Пока нет сержанта, а? — Мигель подмигнул с видом заговорщика. — Да, напалм... Собственно, я из-за этой опасности и отправил раненых. Ну, а оставить позицию совсем...

— Да чего там, правильно сделали! В случае чего, мы и вчетвером сумеем здорово наскипидарить задницы этим господам «освободителям». Верно я говорю, Хуансито?

— Это уж точно, — ухмыльнулся Годой. — Особенно ежели не на голодное брюхо.

— Вот правильная мысль! — кивнул Мигель. —

В самом деле, давайте-ка прежде всего перекусим. Что там нам оставили из трофеев?

— Четыре банки консервов, мой сублейтенант, и ром. Фляжки у гондурасцев здоровые, наверняка будет литр.

— Тем лучше... А ну-ка? А-а, старые знакомые,— сказал Мигель, подкинув на ладони консервную банку. — «Свифт Компани», Чикаго. Давай, Никастро, вооружись своим гангстерским ножом, попробуем чикагскую свинину. С паршивого янки хоть шерсти клок.

Никастро достал из кармана нож — тоже трофейный, североамериканского производства, с пятидюймовым обоюдоострым клинком, выскакивающим при нажатии на кнопку, — и начал вскрывать банки.

— Разогреть не будем?

— А ну его к черту, разводить огонь в такую жару. Съедем и так.

Консервы были съедены неразогретыми, и съедены очень быстро, несмотря на жару и усталость. После этого обошла круг трофейная фляжка.

— Ну, хорошо, — сказал Мигель, закуривая. — Пообедали не хуже, чем в «Палас-Отеле». Теперь у меня есть к вам вопрос. Муньос, вы самый старший из нас и человек прямой. Скажите-ка мне, что произошло, когда ребята ходили за оружием. Не может быть, чтобы вы между собой об этом не переговорили. Даю вам слово, это останется между нами.

Муньос покосился на командира, куском маисовой лепешки очищая банку от остатков мяса.

— Ну, если уж говорить начистоту, мой сублейтенант, то Араукано прикончил там одного типа...

— Раненого, насколько я понимаю? — помолчав, спросил Мигель.

Муньос отправил в рот лепешку и молча пожал плечами. Никастро, насвистывая сквозь зубы, закинул голову, прищуренными глазами следя за черным сопилотом*, неторопливо парящим в ярком, словно эмалевом небе.

* Хищная птица, род крупного ястреба.

— Я обещал и на этот раз ничего не сделаю, — сказал Мигель. — Но если подобный случай повторится еще раз, виновный предстанет перед полевым трибуналом. Скажите об этом всем остальным.

— А что же, брать их в плен? Лечить, да? Ведь это же не люди, не солдаты! Посмотрите, что находят у них в карманах: крапленые карты да порнографические открытки...

— Послушайте, ребята, — устало сказал Мигель, вытирая рубашкой мокрую грудь. — Все мы знаем, что с Армасом сюда пришли подонки, но своим солдатам превращаться в подонков я не позволю. Существуют международные законы ведения войны...

— Законы! Я плевал на эти законы, мой сублейтенант, — неожиданно резко прервал его Никастро. — После того, что мы видели в Агуа-Калиентэ... Помните ту учительницу?

— Помню. И все-таки это не основание, ребята. Пленного всегда можно расстрелять, если он окажется преступником. Верно?

Он обвел взглядом лица товарищей, они были непроницаемы. Ему вдруг представился совершенно бесцельным этот разговор и стало немного стыдно за свой поучающий тон. Черт возьми, подумаешь, учитель! Когда у человека палец на спусковом крючке и он видит перед собой врага — наемника, убийцу, пришедшего сюда грабить и насиловать, — попробуй внуши ему правила рыцарского поведения с противником...

— Одним словом, всякий солдат моего взвода, уличенный в самовольной расправе, будет немедленно передан в руки полевой жандармерии, — сказал он, ставя точку на этом вопросе. — А теперь предлагаю поспать по очереди.

— Вы ложитесь, мы пока посидим, покурим, — ответил за всех Муньос.

— Давайте так, — согласился Мигель. — Разбудите в случае чего.

Не заставляя себя упрашивать, он растянулся на краю брезента, сняв каску и устроив над головой навес из большого бананового листа. Пахло свежесо-

рванной зеленью, сыростью болота и гарью, неподвижный зной обволакивал тело липким сиропом. Мигель закрыл глаза и стал думать о том, о чем думал всякий раз, когда передышка позволяла забыть о войне.

Трое солдат переговаривались тихими голосами, лениво и словно нехотя. В такую жару лень произнести лишнее слово. Уже засыпая, Мигель вспомнил губы Джоанны, ее нежные и сильные руки, соленый вкус слез на ее щеках, вспоминал те короткие часы в комнатке «Кариббизн Блю» — свежесть ночного ветра с гор и неистовый звон цикад. Потом он увидел ее своими глазами и совершенно не удивился, хотя она вошла сюда, в завал, не остановленная часowymi, вошла такая, как шесть лет назад: загорелый подросток чуточку надменного вида, в синей форме столичного колледжа и шапочке пирожком. И глаза ее были такие же, как тогда, серые и очень строгие, и точно так же падали из-под синей шапочки ее волосы — гладкой, чуть изгибающейся волной цвета спелого маиса. «Меня зовут Монсон, Джоанна Аларика Монсон, и я давно хотела познакомиться с вами, сеньор Асеведо...» Девочка по имени Джоанна Аларика перешагнула через лежащий на обгорелом брезенте ручной пулемет и опустилась возле Мигеля, положив ему на глаза легкую прохладную руку; и завал, в котором они остались вдвоем, качнулся и поплыл в призрачную страну.

Когда его разбудили, уже вечерело. Стало немного свежее, и небо в просветах густой листвы уже не казалось твердой ультрамариновой эмалью, — оно слегка поблекло, приобрело зеленоватый оттенок и ту удивительную глубину и прозрачность, которая в ясные дни отличает предвечернее небо в тропиках. Мигель крепко потер лицо ладонями, сгоняя остатки сна, потом посмотрел на часы и сел, поправив съехавшую на живот пистолетную кобуру.

— Все было спокойно?

— Так точно, мой сублейтенант. Разбудили вас потому, что думали, может, уже идти пора...

— Да, пожалуй... — Мигель зевнул и еще раз по-

смотрел на часы. — Все-таки я почти пять часов отхрапел, скажите на милость. Из вас-то спал хоть кто-нибудь?

— Так точно, спали по очереди.

Они еще раз пустили по кругу фляжку с остатками трофейного рома, потом закурили.

— Значит, говорите, все было спокойно? И самолеты не летали?

— Никак нет, мой сублейтенант, ни одного не было.

— Интересно... А знаете, ребята, похоже на то, что войне скоро крышка.

— Пора бы уж, — вздохнул Муньос, — десятый день воюем, шутка сказать.

— Да, похоже, что дело идет к концу. Что-то они после Гуалана утомнились... А помните, как перли первые дни? Атака за атакой..

— Увидели, что нас голыми руками не взять, — сказал Никастро.

— Голыми... В том-то и дело, что руки у них были далеко не голые, а взять не взяли, — возразил Мигель. — Скажешь тоже, «голыми руками»! Одна авиация чего стоит...

— Нам бы такую! Мы бы показали этим сволочам «освободительную войну»!

— Ого, и еще как!

— Ну ладно, давайте трогаться.

Четверо подобрали оружие, рассовали по карманам гранаты и вышли из завала. Мигель еще раз посмотрел в бинокль на место утреннего боя: догоревший вездеход чернел грудой дымящегося металла, все так же висел на лианах труп инсургента в шляпе; вместе с чадным дымком оттуда уже явственно тянуло тлением.

— Завоняли сеньоры «освободители», — полмигнул Годой, потянув носом. — Да, погодка их встретила жаркая. «Посетите Гватемалу — страну вечной весны, рай туристов!» Ну, эти туристы останутся здесь надолго, видно, рай пришелся им здорово по душе...

— Идемте, — сказал Мигель. — Пошли по по-

лотну до будки. Каски, черт возьми, сколько раз говорить одно и то же!

Обязательное ношение каски в зоне боев было разумной мерой, если учитывать особенности этой чашобной войны, где не было никакой линии фронта и где каждую минуту можно было угодить на чей-то прицел; но жара делала ее малоприятной. Солдаты, ворча, нацепили тяжелые стальные шлемы американского образца и неторопливо зашагали по шпалам.

Уже в сумерках они дошли до будки весовщика, закурили, сидя на платформе весов, где раньше взвешивались вывозимые с плантации бананы, обсудили дальнейший маршрут. Можно было идти напрямик, просекой, или по полотну, делая лишний крюк.

— Идемте лучше по рельсам, мой сублейтенант, — сказал Никастро, — чуть дальше, зато воздуха больше и идти удобнее. Спешить-то все равно некуда.

— Все равно, — ответил Мигель, — можно и так. В просеке и в самом деле будет жарко.

Прошли по полотну еще километра три. Вокруг уже была душная тропическая ночь, перенасыщенная запахами, призрачно озаренная звездами, звенящая миллионами голосов очнувшихся от дневной спячки насекомых. Четверо шли растянувшись, впереди Годой, за ним Никастро и Муньос, Мигель замыкал шествие. Постепенно он отстал от солдат и почти потерял их из виду. Заблудиться было негде — шли по рельсам, — а побыть совсем одному в такую ночь было приятно.

Он шел, положив руки на висящий поперек груди автомат, и думал о том, удастся ли этой ночью связаться с девятым полевым по телефону. Знакомый связист обещал ему устроить это, улучив часок, когда линии будут не очень перегружены. Только бы услышать в трубке ее голос, только бы узнать, что у нее все в порядке...

В первый момент он даже не успел испугаться — короткая желтая вспышка озарила мрак и мгновенно сгустила его в непроглядную черноту, погасив звезд

ды. Мигель инстинктивно бросился плашмя между рельсов, и над ним тяжелой волной прокатился громовой удар — оттуда, спереди, где были остальные ребята. Лишь секунду спустя его мозг воспринял сознание катастрофы.

— Эй, что случилось? — закричал он, подняв голову и пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. — Муньос, Никастро-о!

Никто не отозвался. Поняв, что случилось что-то страшное, Мигель вскочил и бросился вперед, спотыкаясь на шпалах, на бегу срывая через голову автомат.

Муньос был жив. Почти налетев на него с разбегу, Мигель упал на колени, ощупывая раненого трясущимися руками.

— Это вы, Муньос? — спросил он одним дыханием. — Вы живы? Что случилось?..

— Мина... — с трудом ответил тот. — Хуан наступил, он шел первым... Полотно заминировано, я этого и боялся... Посмотрите других, может...

Потеряв голову, Мигель рванул из кармана электрический фонарик и стал осматривать раненого, не заботясь о безопасности.

— Посмотрите других, — снова прохрипел Муньос, — у меня ничего, я сам... Дайте пакет...

Мигель отдал ему перевязочный пакет и бросился по полотну, обшаривая землю лучом фонарика. В нескольких шагах впереди он нашел труп Никастро, а еще дальше — все, что осталось от Годоя. Осталось совсем немного. Оцепенев в ужасе, Мигель смотрел на это немного, потом фонарик выпал из его руки и погас, а сам он отошел в сторону и схватился за ствол дерева, согнувшись и сотрясаясь от мучительных спазмов в желудке.

Приступ тошноты обессилил его. Вернувшись к Муньосу, он помог ему перевязать раны и сел рядом.

— Сейчас пойдём, — сказал он, — Курить хотите?

Тот отрицательно мотнул головой, видимо с трудом удерживаясь от стонов.

— Сейчас пойдём, — тупо повторил Мигель, с жадностью затягиваясь дымом. — Сейчас пойдём...

— Не по полотну, мой сублитенант, — очень тихо сказал раненый. — Здесь минировано.

— Ну, понятно. Я вас поташу напрямик. Хорошо, здесь нет уже таких зарослей... Через полчаса выйдем к передовым постам.

Эти полчаса прошли, потом другие и третьи. Мигель потерял счет времени и счет остановкам, когда он укладывал на землю Муньоса, сам валился рядом, хватая воздух обугленным от жажды ртом, и потом заставлял себя подниматься снова и взваливать на спину бесчувственное тело раненого, которое с каждым разом становилось все тяжелее, и идти вперед, задыхаясь от усталости, обливаясь потом, по щиколотку увязая в топкой почве низины... Сначала он думал о своей ответственности за случившееся, потом просто считал шаги, потом сбился и вообще перестал что-либо соображать. Шел, отдыхал и снова шел без единой мысли в голове, уже не разбираясь в светящихся цифрах, буквах и точках на пляшущем перед глазами циферблате компаса.

Лишь каким-то чудом он не потерял ориентировку и не сбился с направления. Около полуночи Мигель вышел на шоссе и свалился на гудрон вместе со своей ношей. Последнее, что он услышал, был лязг затвора и окрик: «Кто идет?», и тут же звезды качнулись и понеслись куда-то бешеной каруселью, и наступила тишина.

Час спустя он сидел за дощатым столом, вымывшись и переодевшись, и жадно пил горький обжигающий кофе. Руки его еще тряслись, и он, сделав глоток, торопливо ставил на стол алюминиевую кружку.

— Ты выпей коньяку, слышишь? — сказал лейтенант Ираола. — Выпей, и все будет в порядке. И вообще нечего приговаривать себя на вечные муки. Война есть война. Ты, что ли, положил там эту мину?

— Иди к черту, — сквозь зубы ответил Мигель. — Люди были под моей командой, доверяли мне... У тебя есть коньяк? Дай.

Ираола вышел из комнаты, вернулся с бутылкой и молча поставил ее перед приятелем. Тот вытащил пробку зубами и несколько раз хлебнул прямо из горлышка.

— К черту, — повторил он, — я никогда себе этого не прощу. Завтра снимаю с себя нашивки, довольно! Драться можно и без нашивок. Какой из меня офицер? К черту, слышишь ты!

— Слышу, слышу, — спокойно сказал Ираола, в свою очередь приложившись к бутылке. — Интересное дело, если бы каждый офицер сдирал с себя нашивки, потеряв двух солдат. Шиш бы тогда остался от нашей армии. Придумает такое...

— Что с Муньосом? — перебил его Мигель, закуривая.

— Ну что — перевязали, уложили. Теперь будут штопать. Фельдшер говорит, ничего страшного.

— Гутьеррес! — крикнул Мигель, швырнув на пол сигарету. — Простой капрал! Девятнадцать человек провел без происшествий. А меня черти понесли по заминированному полотну...

— Да перестань ты хныкать, неврастеничный осел! — крикнул Ираола. — Кем ты себя воображаешь, черт тебя дерит, святым Франциском Ассизским, что ли? Или ты хочешь, чтобы тобой любовались: вот, мол, молодой и красивый сублейтенант на своем горбу припер раненого солдата и теперь сидит и плачет о двух погибших?..

Мигель медленно поднялся за столом и взялся за горлышко коньячной бутылки. Губы его прыгали.

— Если ты посмеешь еще хоть одно слово...

— Сублейтенант Асеведо!

Оба оглянулись. Мигель отшвырнул ногой табурет.

— Я Асеведо, — сказал он, подойдя к стоявшему на пороге незнакомому солдату. — В чем дело?

— Из оперативного штаба группы, мой сублейтенант! — козырнул тот, подавая конверт.

Мигель вскрыл его и пробежал содержание бумаги, вскинув брови.

— Вы с машиной? — спросил он солдата.

— Так точно!

— Ну ладно... Подождите десять минут, я побреюсь. Хотите пропустить стаканчик?

— Спасибо, мой сублейтенант, лучше не надо — дорога тяжелая, да и темно, как...

— Хорошо, ждите в машине.

Солдат еще раз козырнул и вышел. Мигель медленными шагами вернулся к столу, на ходу перечитывая бумагу.

— Ну? — с любопытством спросил Ираола.

Мигель пожал плечами.

— Будь я проклят, если что-нибудь понимаю... «Приказ сублейтенанту Мигелю Орасио Асеведо с получением сего немедленно явиться в ОШГ». И ни слова больше. На черта я им понадобился в оперативном штабе? Да еще в час ночи...

— Ну, быть тебе главнокомандующим. А ты еще собирався сдирать нашивки, дурень! Смотри, с тебя выпивка.

— Ничего не понимаю, — повторил Мигель. — Ну ладно, увидим. У тебя нет хорошего лезвия? К большому начальству неудобно являться с такой щетиной, дай побреюсь.

Ираола достал из нагрудного кармана голубой конвертик и бросил на стол перед Мигелем.

— На, черт с тобой, последний «Жиллет» тебе жертвую. Выбрей заодно тонзуру на своей мудрой голове. Я, кажется, догадываюсь, зачем тебя вызывают.

— Ну?

— Тебя могут наградить за дело в Агуа-Калиентэ. Не веришь? Увидишь сам. Смотри, прохвост, если получишь Кетсаля*, возвращаясь с литром текилы, достань хоть из-под земли. Коньяка у меня уже больше нет, не надейся. Постарайся раздобыть у штабников, они, стервецы, народ запасливый.

— Ладно, ладно...

Мигель торопливо побрился, привел себя в порядок и через четверть часа уже трясся в джипе. Тусклая полоска света из затемненных фар бежала перед

* Высший военный орден в Гватемале.

машиной. Раздумывая над причинами неожиданного вызова, Мигель терялся в догадках и курил сигарету за сигаретой, прикрывая огонек ладонью и привычно прислушиваясь, не гудит ли над головой.

Несмотря на поздний час, в штабе былолюдно и оживленно. Дежурный офицер взял у Мигеля вызов и, кликнув солдата, велел ему проводить сублейтенанта в седьмую комнату.

Перед закрытой дверью Мигель одернул мундир и постучался.

— Войдите, — отозвался из-за двери странно знакомый голос.

— Дон Эрнандо! — изумленно воскликнул Мигель, войдя в кабинет и увидев сидящего за письменным столом полного человека с коротко подстриженными седыми усами. Впрочем, тотчас же он опомнился и, стукнув каблуками, вскинул ладонь к каске. — Сублейтенант Асеведо явился в ваше распоряжение, мой полковник!

— Садитесь, сублейтенант, — кивнул т.с.

Мигель обменялся с полковником рукопожатием и сел, придвинув стул к письменному столу.

— Не ожидал? — улыбнулся тот. — Что ж делать, дружище, я тоже не думал, что придется влезть в мундир на старости лет. Ну хорошо, пока мы без посторонних, оставим субординацию в покое. Давно тебя не видел. Ну как? Аугусто Рамос успел повидать тебя в Коатльтенанго за день до событий, он мне говорил. Кстати, он убит.

— Убит? — испуганно переспросил Мигель. — Подумайте... Мы с ним много говорили о вас, от него-то я и узнал, что вы в Пуэрто-Барриос... Я ведь все время думал, что вы продолжаете работать в столице.

— Так пришлось, сынок, так пришлось. Да, жаль Аугусто, хороший был парень... Его убили четыре дня назад. А сестра его погибла в Коатльтенанго, знаешь? Сестра, и ее муж, и даже сына убили — какая-то сволочь из тамошних. Главное, за что? — полковник

пожал плечами. — Аугусто говорил, что его зять никогда не вмешивался в политику.

— Он был в профсоюзе, — пробормотал Мигель, потрясенный услышанным. — Неужели это правда?..

— К сожалению. Как твои личные дела, Мигель?

— Я женился, дон Эрнандо, — помолчав, сказал тот.

— Знаю. Правильно сделал. Аугусто рассказывал мне об этой истории, девчонка оказалась молодцом. Фото с собой есть? Покажи-ка...

Мигель достал из бумажника обернутый в целлофан портрет Джоанны в белой университетской мантии и кокетливо сдвинутой набекрень четырехугольной шапочке дипломантки.

— Хороша, — одобрительно кивнул полковник, надев очки и внимательно поглядев на фотографию. — На твоём месте я не ждал бы, пока она сбежит от папаша. Кури, Мигель, это трофейный «Честерфилд»...

Полковник протянул ему портсигар и, еще раз взглянув на портрет смеющейся девушки, положил его перед собой и снял очки.

— Ну... А как воюешь?

— Плохо, мой полковник. Сегодня со мной произошла история, после которой я не считаю себя вправе оставаться в офицерском звании...

Полковник взглянул на него с недоумением и нахмурился.

— В чем дело?

Мигель начал рассказывать, путаясь и сбиваясь от волнения. Полковник слушал, не перебивая, курил, но Мигелю вдруг показалось, что он пропускает мимо ушей половину его слов. Потом полковник покосился на часы. Заметив это, Мигель окончательно смутился и скомкал конец своего рассказа.

— Это все? — спросил дон Эрнандо. — Ну, что я могу тебе сказать... Война есть война, ребят жалко, но такие случаи бывают каждый день. В чем тут твоя вина, хоть убей, не вижу. О том, что полотно железной дороги было минировано, никто не мог знать, да и потом я вообще не уверен, что это была мина. Ты

говоришь, дорогу днем бомбили? Это вполне могла быть неразорвавшаяся бомба; парень наступил на нее в темноте, ударил сапогом по детонатору, и все. Так что выкинь это из головы. Тем более, — добавил он после короткой паузы, — что сейчас все это уже не имеет никакого значения...

Он повертел в пальцах очки, хмурясь и не глядя на Мигеля.

— Вот что, сынок, — сказал он, понизив голос, — слушай меня внимательно. Я вызвал тебя для очень серьезного разговора. То, что я сейчас скажу, — запомни это — знают очень и очень немногие. Пока, я хочу сказать... завтра или послезавтра об этом узнают все, но пока... Короче говоря, все, что ты здесь от меня услышишь, не должно уйти дальше твоей собственной головы. Понял?

— Понял, мой полковник.

— Так вот... Ну, своей жене ты, естественно, это расскажешь...

— Что вы, дон Эрнандо, неужели вы считаете меня таким...

— погоди! Ты ей это расскажешь, потому что она должна это узнать, понятно? Но, кроме нее, никому ни слова. Кстати, ваш брак еще не оформлен официально?

— Пока нет, мой полковник, — покраснел Мигель. — Так случилось...

— Ну, понятно, о чем разговор. Оформитесь после, это в данный момент не так важно... Есть дела поважнее...

Полковник помолчал, барабанил по столу пальцами, словно собираясь с мыслями.

— Сколькими языками владеет сеньора?

— Английским и французским, дон Эрнандо, — удивленный неожиданным вопросом, ответил Мигель. — Английским в совершенстве.

— Так, так, понятно... Это хорошо.

Мигель смотрел на полковника с тревогой, ничего не понимая.

— Одним словом, так... — сказал тот, понижая голос. — Говоря попросту, мы, сынок, обгадились до

ушей. В столице — измена. Несколько часов назад группа высших офицеров потребовала отставки Арбенса...

Каска, лежавшая на коленях у Мигеля, с гулким звоном покатилась по каменному полу.

— Что? — переспросил он, не веря своим ушам. — Отставки Арбенса?

— Именно, — кивнул полковник. Выдвинув ящик стола, он достал два радиogramмных бланка и протянул их Мигелю. — Вот последние радио, читай сам.

Мигель с окаменевшим лицом пробежал текст обоих сообщений, потом перечитал их еще раз.

— Что за черт! — прошептал он наконец. — Сплю я, что ли? Полковник Диас... полковник Санчес... полковник Монсон... вся верхушка.

— Кстати, он не родственник?

— Нет, однофамилец. Но все-таки я просто не понимаю — почему? Ведь именно сейчас у нас на фронте такие успехи...

— Солдаты, сынок, никогда не понимают, когда у них за спиной сговариваются предатели. Кстати, совещания заговорщиков происходили в здании североамериканского посольства. Любопытная деталь, а?

Усмехнувшись, полковник убрал радиogramмы в ящик и запер его на ключ.

— Час назад, — продолжал он, помолчав, — мне удалось поговорить со столицей по телефону. Дон Хакобо передает власть Диасу под условием продолжать борьбу с силами Армаса. Условие это, очевидно, будет принято, и для меня не менее очевидно, что не пройдет и сорока восьми часов, как именно Кастильо Армас — от имени Перифуа — станет хозяином Гватемалы. Диас устраивает их немногим более Арбенса, ты сам понимаешь... Но перейти так, сразу, от Арбенса к Армасу — это уж было бы слишком грубой игрой. Поэтому Диас сыграет роль своего рода психологического буфера, на первый момент... Заговорщики не могут не учитывать его популярности в армии...

Мигель встал, машинальным движением поднял каску и положил ее на край стола.

— Черт возьми, — прошептал он, опять садясь на место, — это для меня просто как дубиной из-за угла...

— Не для тебя одного, сынок.

Оба помолчали. С сигареты, лежащей на краю пепельницы, стекала вверх прямая струйка синего дыма.

— Под Гуаланом эти сукины дети едва унесли ноги! — крикнул Мигель, ударив кулаком по колену. — Если бы не их превосходство в воздухе, война вообще была бы уже окончена. Что же теперь делать, дон Эрнандо?

— Я тебя для этого и вызвал — чтобы сказать, что делать. Слушай внимательно. Фронт развалится в течение ближайших двух дней — измена не только на верхах, она повсюду. Крах фронта будет означать начало террора, какого Гватемала не знала со времен Убико. Наша первая задача сейчас — сохранить возможно большее количество наших людей. Завтра же утром ты уедешь в столицу и при первом приближении опасности потребуешь политического убежища в одном из посольств, лучше всего в уругвайском, чилийском или аргентинском...

— Уехать в столицу, мне? — переспросил Мигель. — Дон Эрнандо, сейчас не время для шуток. Как я, солдат, могу бросить армию, которая еще дерется?

Полковник едва удержался, чтобы не вспылить.

— Она уже не дерется, Мигель, она только занимает позиции. Можешь быть уверен, что боевых действий больше не будет: инсургенты не такие дураки, чтобы рисковать шкурой в то время, когда их завтрашняя победа уже оформляется законным порядком.

— Это меня не касается, — упрямо сказал Мигель и взял со стола каску, словно показывая этим, что разговор для него окончен. Однако он остался сидеть. — Это меня не касается, я нахожусь в армии и останусь с ней до конца. Произойдет катастрофа, развалится фронт — тогда другое дело....

— Идиот! — крикнул полковник. — Осел! Ты соображаешь, что говоришь? После краха фронта бронемашин инсургентов войдут в столицу раньше, чем ты успеешь понять своей тупой башкой, что происходит вокруг тебя! А твоя жена? Я слышал, она здесь в каком-то госпитале. В каком?

— Девятый полевой, — тихо ответил Мигель.

— Здорово! Ты знаешь, сколько это километров от передовых линий?

Полковник уничтожающе посмотрел на Мигеля и закурил, швырнув зажигалку на стол.

— Ты слышал про такое местечко — Агуа-Калиентэ? Наши отбили его четыре дня назад.

— Я участвовал в этом деле.

— Ага! Тогда ты, может быть, слышал там про одну учительницу, которая в свое время имела неосторожность слишком настойчиво вбивать ребятишкам в головы некоторые простые истины, вроде того, что «Юнайтед фрут компани» — это плохо, а «профсоюз» — это хорошо и так далее. Ты не слышал, что с ней стало?

Мигель молча опустил голову.

— К сожалению, я это видел, дон Эрнандо, — сказал он наконец.

— Ах, вот как! Отлично! Так поезжай тогда к ней, — он схватил лежащую перед ним фотографию Джоанны и через стол перебросил ее Мигелю, — и расскажи ей подробно, что именно ты видел и как это выглядит. Чтобы она по крайней мере знала, что ее ожидает! Из-за того, что ее супругу вздумалось разыграть из себя ламанчского идадьго!

— Я ничего не возражаю против того, чтобы моя жена отсюда уехала; — сказал Мигель. — Но меня вы не заставите дезертировать в такой момент...

— Нет, заставлю. Заставлю! Не забывай, что ты пока еще только сублейтенант и разговариваешь с полковником. Я мог бы просто вызвать тебя, командовать «смирно» и вручить соответствующий приказ, понятно? Но я хочу, чтобы ты сделал это по

своей воле, чтобы ты понял смысл и необходимость такого приказа. Я хочу, чтобы ты понял, что нам нужна твоя жизнь и твоя голова, а не твоя романтическая смерть от пули какого-нибудь гондурасского уголовника. И если я посылаю тебя в эмиграцию, то не на легкую жизнь где-нибудь в Майами, а на политическую работу. Впрочем, можешь выбирать, черт с тобой! Если ты устал, если хочешь остаться, переменить фамилию и устроиться куда-нибудь почтовым чиновником или весовщиком и сидеть, как крот в норе, скажи прямо. К политической борьбе людей не принуждают. Скажи прямо, я выдам тебе фальшивые документы. Поступай весовщиком на плантацию ЮФКО, живи, взвешивай бананы и радуйся. Ну как, остаешься или едешь? Да живее отвечай, черт побери! Возись тут со всяким...

— Еду, мой полковник.

— Додумался!

Полковник потянул к себе один из телефонов.

— Ола, немедленно соедините меня с девятым полевым госпиталем. Что? Сделайте, чтобы связь была. Поживее!

Он бросил трубку и закурил новую сигарету.

— Так-то, сынок. Что ж делать, в другой раз будем умнее. Многое мы проглядели... слишком многое. Нужно было провести реформу и немедленно вслед за этим начать обезвреживать плантаторов... вроде твоего милого тестя. Он, кстати, считается главой оппозиции во всем департаменте Эскинтла. Сволочь! Если они еще не выступили с оружием, в чем я далеко не уверен, связь с центральными и северо-западными департаментами нарушена уже с двух часов пополудни, то сделают это завтра... Хорошо, что тебе не придется ехать через кофейные районы, там могут быть засады и всякая дрянь... Но в общем гляди в оба, когда будете ехать. Теперь насчет посольств... Я говорил: Уругвай, Чили, Аргентина. Дело в том, что из всех южных республик, пожалуй, один Уругвай еще как-то ухитряется сохранять внешние атрибуты демократии — свободу печати и всякие такие штуки. Большую роль там играет общественное

мнение, что для нас тоже очень важно. Кроме того, это вообще традиционное убежище всех политических эмигрантов. В Аргентине, как ты сам знаешь, сто-процентная диктатура, но Перон сейчас играет в «антиимпериализм» и с янки у него отношения очень натянуты... Это можно будет умело использовать... Вопрос, надолго ли Перона хватит. Рано или поздно продается за доллары и он, но несколько лет еще протянет, чтобы набить себе цену. А нам важен момент, а не...

Загудел телефон, полковник, не договорив, снял трубку.

— Девятый полевой? Соедините меня с начальником госпиталя, это говорит полковник Ортис из штаба дивизии... Доктор Мачадо? Очень приятно, доктор, вас беспокоит полковник Ортис. Дело в следующем. Я хотел спросить, не испытывает ли ваш госпиталь нехватки персонала... Нет? Что? Медикаментов... Дорогой доктор, не вы одни в таком положении... Вот что, доктор, поскольку вы не испытываете недостатка в персонале, у вас там работает некая сестра Асеведо... Да, да, именно — Монсон де Асеведо... Так вот, не откажите в любезности немедленно приготовить приказ об отчислении сестры Асеведо в распоряжение штаба дивизии... Да, она должна будет выехать на рассвете, так что это довольно срочно. Благодарю вас, доктор, и простите за беспокойство...

Он положил трубку и потянулся с видимым облегчением.

— Ну, с этим улажено... Я боялся, что он заупрямится, тогда пришлось бы придумывать предлог. Но, оказывается, персонала там хватает, не хватает только медикаментов. Так вот, сынок, слушай дальше...

Он вынул из бумажника листок и положил его перед Мигелем.

— Здесь адреса — заграничные и несколько здешних. Хорошо, если бы ты смог вызубрить их на память, чтобы не таскать с собой списка. Этот, что обведен рамкой, — это наш связной в столице, к нему

обратишься в крайнем случае, а вообще по пустыкам его не беспокой. По этому же адресу сдашь в последний момент оружие, перед тем как интернироваться в посольстве...

— Сейчас я его беру с собой? — спросил Мигель, положив руку на кобуру пистолета.

— Разумеется, мало ли что может случиться! Возьми хороший джип — все равно армейское имущество через день-два окажется выморочным. Машину или сдашь вместе с оружием, или продашь, если успеешь. Немного денег я тебе сейчас дам, но может понадобится больше. Кроме того, вот тебе два комплекта фальшивых документов, на тебя и на жену... Это на тот случай, если не выйдет с посольствами.

Достав из ящика стола плотный пакет, полковник передал его Мигелю.

— Здесь же и деньги. Немного, но больше пока не могу. В случае, если воспользоваться правом убежища не сумеете или не успеете, начинайте немедленно пробираться к мексиканской границе, лучше всего через Петен. Но вообще я надеюсь, что до этого не дойдет... Ну, а за границей сразу же дашь о себе знать в любой из этих адресов, какой окажется ближе. Там тебе все скажут. Вопросы есть?

Мигель подумал и медленно покачал головой.

— Нет, никаких... Вот только... если со мной что случится, а жена сумеет выбраться за границу, вы уж там о ней побеспокойтесь, пожалуйста...

— Праздная просьба, сынок. И для нас почти обидная. На этот счет можешь не беспокоиться. Ну...

Оба встали.

— Желаю успеха. Не забудь фотографию. А эти адреса пусть она тоже выучит или перепишет. Пусть лучше наизусть выучит, и ты тоже выучи. Слишком рискованная штука так их держать. Ну что ж, сынок, до встречи — «где-то там», как это говорится...

Они обменялись рукопожатием. Мигель надел каску и пошел к двери, застегивая нагрудный карман с пакетом и адресами. На пороге он обернулся и отсалютовал по всем правилам устава.

В этот вечер у Джоанны было очень хорошее настроение — впервые за время работы в госпитале. За весь день не привезли ни одного раненого, самолеты не летали, было тихо.

К тому же ей удалось поговорить с одним молодым добровольцем, заехавшим в госпиталь перевязать осколочную царапину. Раненый был студентом юридического факультета; оказалось, что у него с Джоанной есть общие знакомые — из числа тех, с кем она шесть лет назад кончала колледж.

Доброволец был настроен оптимистично и говорил, что на фронте чувствуется решительный перелом ситуации.

Война, по его мнению, не могла продлиться дольше каких-нибудь трех дней. Все пленные в один голос показывали, что в войсках наемников растет недовольство командованием, втянувшим их в обреченную авантюру.

Он показал Джоанне старую чилийскую газету с отчетом о митингах солидарности с Гватемалой в Сантьяго и Антофагасте. Как приятно было лишний раз убедиться в том, что они не одиноки в своей борьбе, что даже где-то на другом конце материка общественное мнение оказывает Гватемале такую решительную моральную поддержку!

Наконец состоялось примирение с мисс Холт. Американка сказала, что вполне понимает, какие чувства говорили тогда в Джоан, и не считает себя обиженной.

После ужина Джоанна долго возилась с маленькой Асунсьон, рассказывая ей разные истории собственного сочинения. Когда девочка уснула, Джоанна ушла к себе в палатку, решив отдохнуть перед дежурством. Ровно через полчаса — она едва успела задремать — ее вызвали к доктору Мачадо.

Вернувшись от него, Джоанна пожатием плеч ответила на вопросительные взгляды сестер и положила на стол пакет, в котором были ее документы и приказ об отчислении.

— Ничего не понимаю, — недоумевающе сказала она, — зачем-то меня переводят в распоряжение какого-то штаба... Что я там буду делать? В общем сегодня я уже не дежурю. Просто не понимаю... Может быть, меня с кем-нибудь спутали?

Сестры по очереди прочли приказ и тоже ничего не поняли.

— Ну что ж, завтра узнаешь, — сказала Ча-ча. — А я вот уверена, что тебя сделают переводчицей, вот увидишь. Чтобы допрашивать пленных янки! Ох, и счастливая ты, ну почему тебе всегда так везет?

— Глупости, — отмахнулась Джоанна, — одна я говорю по-английски, что ли? В общем он сказал, что за мной должны заехать утром, я так поняла. Придется ждать.

Сестры высказали еще дюжину предположений и разошлись по своим делам. Джоанна снова прилегла на койку, но сон уже не шел; она долго ворочалась с боку на бок, доказывая себе, что ровно ничего не случилось и все обстоит благополучно; но почему-то в ее сердце неустанно копошился червячок тревоги. Предчувствие? Джоанна в них не верила. Очевидно, просто нервы. Постепенно мысли ее начали путаться.

Час спустя она проснулась с еще более усилившимся чувством неопределенной тревоги. Ей что-то снилось; она не могла припомнить, что именно, но это было что-то очень нехорошее, настолько нехорошее, что она даже боялась: вдруг возьмет и вспомнится.

«Я, кажется, начинаю сходить с ума», — пробормотала она вслух, почему-то по-английски, и вскочила с койки.

Доктор Мачадо сказал, что за ней заедут на рассвете; оставалось еще около двух часов. Джоанна умылась, выпила кофе, переделась в свой гражданский костюм — тот, в котором сюда приехала. Разыскать дежурную кастеляншу, сдать ей халат, косынку, полотенце и прочие вещи личного обихода — на всё это ушло много времени. Покончив с делами, Джо-

анна посмотрела на часы, закурила сигарету и снова легла, заставляя себя думать только о хорошем: о скором окончании войны, о их будущей квартирке, о покупке мебели, о покупке коляски...

Саперы, переругиваясь хриплыми от предрассветной сырости голосами, заканчивали восстановление моста, накануне поврежденного попаданием с воздуха. Объезд был невозможен — дорога пересекала заболоченную низину по насыпи. Обругав себя за то, что кинулся сдуру напрямик, а не последовал за другими машинами, свернувшими на боковое шоссе еще за Барранкильей, Мигель заглушил мотор и выскочил из джила, шевеля пальцами, онемевшими на рулевом колесе.

— Скоро кончите, ребята? — крикнул он, подойдя к работающим.

— А ты что, к невесте торопишься? — огрызнулся кто-то и тотчас же добавил другим тоном, разглядев нашивки: — На полчаса работы, мой сублейтенант!

Мигель порылся в карманах в поисках сигарет и, ничего не найдя, вернулся к машине. Взобравшись на сиденье, он сдвинул каску на затылок и еще раз громко выругался. Искусственный нервный подъем, вызванный сумасшедшей гонкой по ночным дорогам, начал спадать, уступая место тоскливому безразличию ко всему. Все было потеряно, все оказалось напрасным: победы и поражения, героизм и гибель товарищей, все, буквально все... Эти люди ремонтируют мост, не зная, что через сутки по нему пройдут вражеские броневики, что на свете не осталось ничего, кроме предательства.

Мигель сцепил зубы и огляделся, словно желая удостовериться, что не спит, что все это на самом деле. Уходящая в серый туман дорога, бесформенные очертания валяющегося под насыпью разбитого грузовика, серые фигуры саперов — это здесь, рядом. А дальше? Дальше то же самое: развалины, пожарища, переполненные госпитали, кричащие от бо-

ли раненые... и трупы, трупы повсюду — в солдатских безыменных могилах, в развалинах уничтоженных с воздуха поселков, на дорогах, в болотах... И это его родина, его солнечная Гватемала! Ведь двух недель не прошло с того дня, когда он увидел Джоанну на залитой утренним солнцем улице Коатльтенанго, когда они сидели в его комнатке и пили тепловатое шампанское, не прошло ведь и двух недель, а сейчас он едет к ней с таким известием...

Что он ей скажет? Какими словами сможет он объяснить ей, что у них нет уже ни счастья, ни родины — ничего, кроме изгнания, кроме скитаний по чужим странам, чужим порогам...

— Можете ехать, мой сублейтенант, — сказал подошедший сапер. — Поезжайте, только осторожнее на мосту — настил временный.

Мигель молча кивнул, глотая ставший в горле комок, и нажал на стартер.

Впрочем, так, разумеется, нельзя являться к Джоанне... Если ты не можешь дать ей никакого утешения, никакой поддержки в такую минуту, то лучше уж сразу крутни руль в сторону и катись в болото вместе с разбитой машиной или расстегни кобуру и израсходуй на себя один патрон. А самое правильное, если у тебя нет ничего, кроме таких мыслей, не нужно было соглашаться на предложение Ортиса. Нужно было вернуться в батальон и драться до последнего, несмотря ни на какие перемирия, подписанные предателями. Ты не сделал этого, потому что Ортис был прав, потому что настоящая любовь к родине проявляется не тем, чтобы истерически умереть именно в тот момент, когда это легче всего...

Легкий туман окончательно рассеялся, когда Мигель свернул с шоссе перед фанерным указателем «П.Г.ІХ». Несколько брезентовых палаток и барак гофрированного железа с намалеванным на крыше красным крестом прятались в чаще банановых деревьев. Вышедшая из барака сестра вопросительно глянула на Мигеля. Тот поднес руку к каске.

— Простите, вы мне не скажете, где найти сестру Асеведо?

— А, вы за Хуанитой... — кивнула сестра. — Ступайте вон в ту палатку, видите, где свалены ящики? Входите смело, там сейчас никого нет, кроме нее.

Он поблагодарил и, подойдя к указанной палатке, откинул брезентовое полотнище.

— Мигель! — вскрикнула Джоанна, бросаясь навстречу. — Ты здесь, милый, я почему-то так о тебе тревожилась... О милый!..

Она прижалась к нему, смеясь и плача от счастья, слишком обрадованная его появлением, чтобы спросить о причине неожиданного приезда.

— Я так беспокоилась, так тревожилась... Не знаю, мне что-то приснилось...

Мигель, довольный тем, что в полутьме палатки она не видит его лица, молча целовал ее пальцы, волосы, ее мокрые от слез ресницы.

— А меня куда-то отсюда переводят, сегодня ночью пришел приказ. Подумай, ты мог опоздать совсем на немного...

— Я знаю, малыш.

Кашлянув, он взял Джоанну за локти и легонько отстранил от себя.

— Я знаю о твоём переводе. Слушай, я привез нехорошие вести. Может быть, нужно было бы тебя подготовить, но на это нет времени. Да и не умею я подготавливать... Сядь, малыш. Давай сядем, и я тебе все расскажу.

— В чем дело? — испуганно спросила Джоанна, меняясь в лице. — Что-нибудь... что-нибудь очень плохое?

— Сядь, — повторил Мигель. — Боюсь, что очень плохое... Но все равно, малыш, раз уж об этом нужно сказать, то лучше сказать сразу...

У него перехватило в горле, он сделал судорожное глотательное движение и взял Джоанну за руки.

— Слушай меня внимательно, Джоанна. Дело в следующем...

Он говорил быстро и негромко, не отпуская ее рук. Джоанна, сидя рядом с ним на походной койке, слушала с застывшим лицом, словно окаменев, глядя

на мужа огромными глазами, сухо блестящими в полутьме. Мигель говорил долго, и за все это время Джоанна не проронила ни слова.

— Вот так обстоят дела, малыш. — Мигель помолчал, потом поднес к глазам руку Джоанны и взглянул на ее часики. — А теперь ступай попрощайся со своими. Они, очевидно, уже знают о твоём отчислении.

— Знают... — безжизненно подтвердила она, не трогаясь с места.

— Ну вот, попрощайся, только недолго — времени у нас очень мало... И ради всего святого, Джоанна! — вдруг вырвалось у него почти криком. — Возьми себя в руки, нельзя же в такой момент!.. Впрочем, прости, дорогая, — он нагнулся и поцеловал ее пальцы. — Прости, я и сам совершенно потерял голову. Не сердись, иди и возвращайся поскорее. Я буду ждать на дороге.

Они вместе вышли из палатки, и Мигель, не оглядываясь, быстрыми шагами направился к машине.

Джип мчался на предельной скорости, высоко подсакивая на ухабах и расшвыривая из-под колес мелкие камешки, которые то и дело с резким металлическим щелканьем били в листовую обшивку. Джоанна, вцепившись в раму сиденья, сидела в напряженной позе, подавшись вперед, и встречный ветер неистово трепал ее короткие волосы. Оцепенение, овладевшее ею после первых же слов мужа о катастрофе, словно распространилось и на мозг, мешая до конца понять и осмыслить случившееся. Они с Мигелем должны немедленно интернировать в иностранном посольстве, эмигрировать, покинуть Гватемалу. Но почему? Кто, по какому праву может распоряжаться их судьбой? Они ведь не хотят никуда эмигрировать, они хотят спокойно жить у себя на родине, жить и работать... Кто, по какому праву может им помешать?

Вообще невозможно осмыслить все то, что произошло за эти десять дней. Еще семнадцатого... сем-

надцатого она дала Мигелю согласие стать его женой, и жизнь в тот день лежала перед нею солнечная и радостная, как парковая аллея ранним утром. А потом на страну черной тучей обрушилась война, и сразу же все вокруг окрасилось в страшные цвета грязи и крови. Эти ужасы госпиталя, которых она не забудет до конца дней, люди с разорванными животами, люди с обугленными лицами, люди, в которых уже невозможно узнать людей... Маленькая обезьянка Асунсьон, родители которой погибли в пламени напалма... Кто виноват во всем этом? И неужели никто и никогда не ответит за все эти ужасы, обрушенные на маленькую страну, — только потому, что она маленькая, что она выглядит на карте полушарий совсем крошечным пятнышком? За преступление, совершенное над Европой, преступники заплатили в Нюрнберге, хотя бы ничтожной ценой своих никому не нужных жизней, но заплатили. А кто платит за Гватемалу?

Очевидно, все-таки Мигель прав. Очевидно, это и в самом деле единственное, что теперь остается: вырваться за границу и продолжать борьбу с той стороны. Ради погибших живые должны что-то делать, иначе все это окажется еще более бессмысленным...

Мигель был прав и в том, что прикрикнул на нее тогда в палатке. Жена должна быть мужу помощницей, а не обузой в трудные минуты. Другом, именно другом — в горе и в радости, при любых обстоятельствах...

Подлетев к мосту — тому самому, где на рассвете ждал окончания работы саперов, — Мигель сбавил ход и осторожно ввел машину на зыбкий настил. Сразу стих ветер, до этого ураганно свистевший в ушах и забивавший дыхание тугой подушкой. Джоанна повернула голову и спросила:

— Мигель, ты совершенно уверен, что это действительно необходимо — эмигрировать?

— Совершенно, — ответил тот. — Абсолютно необходимо, малыш, поверь мне.

Она помолчала, потом протянула руку и осторожно погладила мужа по колену.

— Тогда не расстраивайся, Мигелито... Важно, что ты считаешь это действительно нужным... А я постараюсь, чтобы для тебя это было не очень тяжело. Ведь когда у человека хорошая семейная жизнь, то ему многое кажется не таким трудным, не правда ли?

— Спасибо, малыш, — ответил Мигель, на секунду оторвав взгляд от настила и коротко улыбнувшись. — Я никогда не сомневался, что ты это сумеешь...

Через сорок минут, миновав разбитые бомбами окраинные кварталы Чикимулы, они повернули на юго-запад. Дорога, пролежавшая до этого по низменности, начала петлять, поднимаясь в предгорья Кордильер.

— В Халапе остановимся перекусить, — сказал Мигель, взглянув на часы. — Или не стоит?

— Как хочешь... Можно остановиться, ты ведь, наверное, еще не завтракал?

— По правде сказать, было не до этого. Между прочим, я...

— Мигель, посмотри туда, прямо. Видишь?

Мигель притормозил, взглянув туда, куда указывала рука Джоанны.

— Самолет? Ничего, это, наверное, какой-нибудь случайно залетевший... Проскочим сейчас до того холма, там можно переждать на всякий случай...

Взревев мотором, джип рванулся вперед, вдавив Джоанну в спинку сиденья.

— У нас позавчера был интересный случай. Послали двух ребят в разведку... Что за черт, да он, кажется, и в самом деле...

Резкое торможение швырнуло Джоанну вперед — она едва успела выставить перед собой руки, чтобы не удариться о ветровое стекло. Вскинув голову, она увидела, как самолет косо падает навстречу им, стремительно увеличиваясь в размерах.

— Нагибайся, быстро! — крикнул Мигель, хватая ее за плечо. Джоанна, согнувшись, нырнула под приборный щиток, сильно ударившись лицом о рычаг подключения переднего дифференциала. Боли она в этот момент не почувствовала и вообще даже не

успела сообразить, что происходит, слишком испуганная окриком Мигеля; она замерла, стараясь сжаться в совсем маленький комочек. Прямо перед ее глазами был вытертый до блеска металлический пол джипа, откуда-то из-под рулевой колонки несло жаром, сильно пахло бензином от бака под сиденьем. Ободок каски Мигеля, нагнувшегося над нею, больно давил ей на поясницу. Было очень тихо, как всегда бывает на пустынной дороге, когда вдруг выключишь мотор. И в этой тишине, наполняя ее до самых краев, до самых далеких горизонтов, стремительно нарастал яростный свистящий вой падающего на цель истребителя. Джоанна почувствовала, что сейчас закричит, просто закричит от внезапно охватившего ее нестерпимого ужаса, и вдруг рев самолета, достигший, казалось, пределов воспринимаемого человеческим ухом, словно взорвался над самой головой, лопнув и рассыпавшись дробным грохотом. Джип конвульсивно вздрогнул, как живое существо перед смертью, визгнул раздираемый металл, брызгами разлетелись стекла; Джоанна ощутила, как вместе с машиной дернулся и Мигель, навалившись на нее еще тяжелее. Прямо перед ее глазами на блестящий металлический пол упала ярко-алая капля. Потом вторая.

Судорожно-торопливо, обдирая колени о какие-то металлические части, Джоанна выбралась из-под навалившейся на нее тяжести и выскочила на дорогу. Дрожа как в лихорадке и ловя ртом воздух, она молча смотрела на раскрошенное пулями, все в звездных лучистых трещинах ветровое стекло, на изодранный брезент сидений, на окровавленную защитную рубашку Мигеля, который слепыми движениями цеплялся за металлическую раму спинки, пытаясь встать и снова и снова роняя голову на залитое кровью сиденье. Гул самолета вывел ее из этого столбняка; вскрикнув, она обежала машину спереди и схватила Мигеля за плечи, пытаясь его поднять.

— Мигель, — кричала она, напрягая все силы, — Мигель, встань, ты должен, слышишь? Мигель, это ничего, я тебя перевяжу, у меня индивидуальный па-

кет... Только вставай, я должна отвести тебя от машины! Мигель, ты слышишь, встань, Мигелито, я тебе помогу...

Кое-как ей удалось приподнять тело мужа, привалив к спинке сиденья. Мигель поднял голову и взглянул на нее уже затуманенными смертью глазами. Из его рта, в углу, стекала тонкая струйка крови.

— Уходи... малыш... — еле слышным шепотом сказал он. — Иди... Все равно я уже... возьми пакет...

— Неправда! — крикнула Джоанна, обхватив его под мышками и пытаясь вытащить из машины. — Неправда, Мигелито, это пустяки, я тебя сейчас перевяжу, только уйдем отсюда, самолет сейчас вернется!..

Она быстро глянула на небо: самолет действительно разворачивался, но довольно далеко, как ей показалось.

— Постарайся встать, Мигелито, ну постарайся, милый! Я тебе клянусь, все будет хорошо, только отойдем немного от машины!..

— Иди! — прохрипел Мигель, снова роняя голову. — О ребенке подумай... иди в посольство... малыш... тебе помогут... адреса возьми...

— Но я не хочу без тебя, Мигель! — крикнула Джоанна, глянув на быстро приближающийся — с другой стороны — самолет. — Мигелито, мы уйдем вместе, понимаешь? Я одна боюсь! Не оставляй меня, Мигелито, ты ведь мне обещал...

Она не договорила, потому что у нее в легких вдруг не стало воздуха, а вокруг нее не стало света; чудовищная сила оторвала ее от Мигеля, смяла, оглушила и швырнула в черную грохочущую пустоту.

Очнулась она несколько часов спустя от страшной головной боли и лучей полуденного солнца, бьющих прямо в лицо. Еще ничего не вспомнив и не понимая, что с нею случилось и почему она лежит здесь, на обочине шоссе, Джоанна пошевелилась, инстинктивно

стремясь спрятать голову в тень. Но тени не было, боль ломилась в виски, раскалывая череп.

Потом пришло воспоминание, и боль сразу потеряла всякое значение. Джоанна просто перестала ее замечать. Опираясь на руки, она встала на колени, потом поднялась и, шатаясь, сделала несколько шагов. И тогда она увидела все.

Каменистые холмы, шоссе; неглубокая, совсем маленькая воронка, камни и куски рваного железа; резкий запах бензиновой гари, горелых тряпок, горелой резины, горелой краски; изуродованный обугленный остов опрокинутого вверх колесами джипа и торчащая из-под него черная человеческая рука со сведенными в последней судороге пальцами. И в высоком, бездонно-синем небе — стая черных птиц, уже приведенных сюда своим страшным безошибочным чутьем...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

ордой Педро узнал о смене правительства. Узнал от стрелочника, которому помог чинить сломанный насос для воды. Сначала он этому просто не поверил, но тогда стрелочник вытащил из ямы маленький батарейный приемник, и они вместе слушали обращение полковника Диаса к армии и народу Гватемалы.

Действительно, главой правительства был теперь он, вчерашний главнокомандующий. Диас сказал, что ГПТ запрещена и руководители ее взяты под стражу, но борьба с силами вторжения будет продолжаться до победы.

Педро ничего не понял. Если Диас думает продол-

жать войну, то зачем ему понадобилось свергать Арбенса и запрещать партию? Разгадка пришла на другой день, когда столичное радио сообщило состав новой хунты: полковник Хосе Луис Саласар, полковник Маурисио Дюбуа, полковник Луис Эльфего Монсон. Имя Диаса уже не упоминалось, как ничего не было сказано и о продолжении войны. Только теперь Педро понял, что произошло.

Их всех просто продали. Продали, как товар, из рук в руки! Педро готов был грызть землю от бессильной ярости. Главное — как пошел на такое дело Энрике Диас, любимец армии и лучший друг Арбенса!

— Ну, они там как хотят, — сказал Педро стрелочнику, — а для меня эта война еще не кончена. Для меня она только начинается, не будь я Педро Родригес. Они меня еще узнают!

— Много ты им сделаешь, — усмехнулся стрелочник. — Если бы у тебя хоть оружие было...

— Оружие у меня есть, — поколебавшись, сказал Педро. Стрелочник почему-то внушал ему доверие.

— Да? — спросил тот. — Что ж, это уже лучше. И какое же это оружие?

На секунду Педро почувствовал страх. Но кто сказал «а», должен сказать и «б»; к тому же стрелочник не побоялся показать ему спрятанный от «освободителей» приемник!

— Оружие самое настоящее, не думайте, — сказал он. — Гранаты, вот какое! Их у меня целых две штуки. Только они без запалов, — добавил он.

Стрелочник покачал головой.

— Это плохо. Без запалов какое же это оружие! Граната без капсюля — это все равно что булыжник. Разве что можно стукнуть кого-нибудь по башке, но для этого годится и камень. А ты умеешь вставлять запалы?

— Подумаешь, наука, — фыркнул Педро, — мне бы только их достать, а там уж я разберусь. Даром я, что ли, механик!

— Разобраться-то можно. Далеко твои гранаты?

— Спрятаны, — хмуро ответил Педро, уже расканиваясь в своей откровенности.

— Ну, смотри. В общем, если хочешь, я тебе дам два капсюля и покажу, что и как.

— Правда? — обрадовался Педро. — А вы откуда знаете?

— Как откуда? Я ведь отбывал повинность, все полтора года отслужил. А в армии всему научат.

— Вот это да! А много у вас запалов?

— Как раз два.

— Нет, правда! А может, есть еще?

— Нету, я ж говорю. Ну ладно, давай тащи сюда свое оружие...

Педро, уже не раздумывая, побежал откапывать запрятанные накануне гранаты. Стрелочник зарядил их и объяснил, что нужно делать, когда бросаешь.

— Одним словом, теперь с этим осторожнее. Если зацепишься за что-нибудь этим кольцом, выдержишь — тогда ты пропал. Не успеешь и «Аве Мария» прочитать. Понял?

— Понял! — крикнул Педро, блестя глазами. — А когда нужно, то, значит, выдернуть и уже не разжимать руку, пока не кинешь?

— Правильно. Как разожмешь, тут она и бахнет. Ну, там через четыре секунды, что ли. Я уже сейчас не помню точно. Это чтобы успела долететь.

— Все ясно, — сказал Педро. Он взвесил на руке тяжелое ребристое яйцо, в котором теперь, затаившись, тихо сидела огненная гремучая смерть. — Все ясно! — повторил он в восторге. — Ну, шлюхины дети!..

Оружие, которым Педро теперь владел — а кто скажет, что это не настоящее оружие! — наполняло его совершенно новым и захватывающим чувством собственной силы. Он не был уже тем беззащитным мальчишкой, которому приходилось прятаться от каждого вооруженного. Силы их теперь уравнились.

«Освободители» праздновали свою победу. Трезвых среди них не было, и любому солдату ничего не стоило всадить автоматную очередь в первого встречного. Получай свою порцию свободы, проклятый чап'ин, и землю тоже — в самое что ни на есть вечное пользование!

Педро, встречаясь с «освободителями», подвергался той же опасности, но теперь он о ней не думал. Его могли убить, это верно, но ведь и он сам мог убивать! Видя на улице человека в ненавистном мундире, он всякий раз думал: «Стоит мне захотеть, и ты превратишься в раскиданные куски падали...»

Нужно было только правильно выбрать цель. Пожертвовать одной из двух драгоценных гранат, чтобы отправить на тот свет парочку бандитов, которые завтра, может быть, сами прикончили бы друг друга из-за неподделенной добычи, — это уж слишком много для них чести. Вот если бы встретить какую-нибудь важную птицу из ихнего командования! Но важные птицы ему на глаза что-то не попадались.

Прошло несколько дней. Была сформирована новая правительственная хунта, третья по счету, в состав которой вошел уже сам полковник-«освободитель» Карлос Кастильо Армас; в ответ на это в столице восстали юнкера военной академии, но безуспешно; народные волнения вспыхнули в местечках Консепсьон и Пинула, но были потоплены в крови; все эти новости постепенно доходили до Педро, а он все еще бродил по дорогам, теряя надежду на то, что ему удастся с толком употребить свои гранаты. Но однажды вечером он, наконец, своими глазами увидел высокое начальство.

Педро отдыхал в кустах неподалеку от коттеджа, в котором до войны жил, очевидно, крупный служащий ЮФКО. Сейчас дом был брошен — большинство грингос удрали из страны еще в середине июня, — и в нем разместилось какое-то учреждение «освободителей». Днем, увидев сновавших по двору военных, Педро учуял добычу и решил дожидаться здесь темноты: может быть, удастся проникнуть во двор и запус-

тить гранату в окно. Как-никак, а это что-то вроде штаба! Но оказалось еще лучше.

Уже почти стемнело, когда к воротам подкатил большой закрытый «паккард» и из него вышли четверо офицеров. Судя по тому, как торопливо вскочил увидевший их часовой, можно было догадаться о высоком ранге приехавших. Трое сразу вошли в калитку, а четвертый остановился закурить и сказал сидящему за рулем:

— Не оставляйте машину, лейтенант. Через десять минут едем дальше.

Потом и он ушел в дом следом за остальными. Педро тихонько присвистнул. Ого! Если за шофера у них лейтенант, то кто же тогда они сами? Все полковники?

Да, вот на этих не жаль истратить гранату. Даже две, чтобы уже наверняка. Как только сядут в машину, подбежать и прямо в окно...

Впрочем, тут же им овладели сомнения. Если они увидят его подбегающим к машине, пристрелят почти наверняка. Он просто не успеет ничего сделать. А бросать издали — промахнешься от одного волнения. Он ведь даже не тренировался по-настоящему. Но как же тогда?..

Педро вообще быстро соображал. Все эти мысли промелькнули у него в голове за одну секунду, а в следующую он уже знал, что делать.

В его распоряжении было десять минут. Часовой стоял во дворе, у входа в коттедж; снаружи у ворот никого не было. Лейтенант за рулем включил радио и наслаждался кубинской румбой. Уже сильно стемнело. Все складывалось просто великолепно!

Педро выбрался на дорогу, ползком пересек ее и молниеносно юркнул сзади под низко сидящий кузов «паккарда». Здесь уже он был как дома.

Лежа на спине в мягкой теплой пыли, он вытащил из карманов гранаты, нож и моток крепкой рыболовной лесы, которую, как запасливый человек, таскал с собой на всякий случай. Лейтенант в кабине слушал румбу и от удовольствия даже притопывал, отбивая

такт на коврике. Педро беззвучно посмеялся: вот бы увидеть его рожу, знай он, что делается сейчас под его машиной!

Офицер сказал: через десять минут. А как узнаешь, сколько уже прошло! Да и вернуться они могут раньше, чем думали. Тогда придется рвать их вместе с собою? Конечно, но...

От духоты и волнения Педро обливался потом, но пальцы его работали быстро и ловко, словно им и дела не было, что происходило тем временем у него в голове и в сердце. Связать обе гранаты вместе оказалось легко — шнур туго укладывался в бороздки, насеченные на корпусах. Будь они гладкими, как яйца, вот пришлось бы повозиться! Как нарочно сделаны. А может, и в самом деле нарочно? Эрнесто рассказывал: русские подрывали немецкие танки связками гранат. Интересно, те русские парни тоже связывали их так же? Мысли обрывками проносились в голове Педро, пока он работал, почти ничего не видя и задыхаясь от пыли и бензиновых паров. Или у них бак течет, или бензопровод где-то пропускает. Бак совсем рядом, ох, и рванет! А рвать придется с собой, если только он не успеет. Все равно его или сомнет диффером — посадка у этих «паккардов» очень уж низкая, — или просто пристрелит часовой, как только машина отъедет. Ведь их наверняка будут провожать... таких важных птиц, шлюхиных сынов... Ну, он им устроит здесь фейерверк, сеньорам «освободителям». Не хуже индийского пиротехника на празднике «Торотумбо»...

Проверив на ошупь положение кольца предохранителя — точно вверх, Педро накрепко прикрутил связанные гранаты к рессоре, возле самой серьги, соединяющей ее с задним мостом. Потом отрезал короткий кусок лесы, привязал одним концом к выгибу рамы в самой верхней его точке, а другим, почти не оставив слабины, к кольцу гранаты. Теперь оставалось только разогнуть шплинт.

Покончив с работой, Педро прислушался и, так же быстро и бесшумно выбравшись из-под машины,

шмыгнул в кусты. И тут он почувствовал вдруг такую усталость, как будто работал целый день без перерыва. У него даже руки стали дрожать.

Он лежал и пытался припомнить, не забыл ли чего-нибудь, все ли сделал как надо. Нет, вроде все получилось хорошо.

Когда эти типы залезут в машину, рама осядет и шнур провиснет еще больше. Значит, какое-то время они будут в безопасности. Но это только если ехать очень медленно и вообще до первого ухаба. При сильном толчке, когда рессора подбросит кузов, шнур натянется и выдернет кольцо. Должно получиться так. Хоть бы получилось! Педро не любил молиться — недаром донье Люс было стыдно перед соседками, — но сейчас он стал на колени и, сложив перед собою ладони, прошептал вслух:

— Дева Мария, Иисус и все святые, пожалуйста, сделайте так, чтобы эти шлюхины дети подорвались на моих гранатах, амен.

А теперь нужно было уходить. Если святые поспешат исполнить его просьбу и машина взорвется недалеко отсюда, уйти будет трудно. Педро понимал это, но не мог заставить себя уйти, не удостоверившись в успехе.

Он все еще колебался, когда во дворе коттеджа блеснул свет и послышались голоса. Группа офицеров, освещая путь карманными фонариками, подошла к машине. Прощаясь, они хохотали, говорили о чем-то непонятном для Педро, один из остающихся все напоминал не забыть передать привет Лолите.

Наконец машина тронулась. Очень плавно. Лейтенант за рулем был осторожен, видно, он и в самом деле вез большое начальство. Педро впился ногтями в ладони. Оставшиеся офицеры ушли в дом. Пренебрегая опасностью — часовой мог заметить его из-за ограды, если хорошо видел в темноте, — Педро выглянул из кустов на дорогу и, кусая губы, стал смотреть вслед красным огонькам и светлой полоске от фар удаляющегося «паккарда». Огоньки делались все

тусклее, наконец, совсем погасли: возможно, там, впереди, был поворот.

Педро готов был рвать на себе волосы. Так оскандалиться! Так рисковать — и...

Он замер. Оттуда, куда ушла машина, совершенно отчетливо донесся короткий глухой удар. Взрыв! И совсем не такой, как бывает, когда где-то далеко раскатисто рвется аэропланная бомба. Их-то он наслушался! Да и откуда сейчас бомба? Это был его взрыв, взрыв его гранат. Наконец-то!

Беззвучно смеясь, Педро рысцой побежал по дороге в обратном направлении. Бежать он мог долго: сердце и ноги у него были крепкие. Пробежав с полкилометра, он оглянулся и увидел то, что ожидал увидеть: красноватый колеблющийся отсвет пожара. Зарево, хотя и далекое, было ярким. Еще бы! Машины «освободителей» ходят на первосортном тexasском бензине!

Его арестовали в Халапе. Вернуться в свой город он решил сразу после истории со штабным «паккардом»; то, что было задумано, он исполнил, гранат больше не было, оставаться в этих местах уже не имело смысла. А в Халапе была Аделита — он очень беспокоился за нее последнее время, — и там же был Эрнесто Корвалан, разыскать которого стало сейчас для Педро самой главной задачей. Что делать дальше, может сказать ему только Корвалан. Педро не знал, что делать, но кое о чем догадывался. Так, он догадался, что его мечта поступить на корабль и отправиться в путешествие потеряла сейчас всякий смысл. Сейчас нужно было заниматься совсем другими делами. И не где-нибудь в далеком Рио, а здесь, на гватемальской земле...

До Халапы он добрался благополучно, меньше чем за неделю. И первым, кого он встретил в своем родном городе, был Чакон. Конечно, что такому сделается! Дурни процветают при любом режиме. Отмахнувшись от расспросов о своих приключениях, Педро сам

спросил, где Корвалан и продолжает ли Аделита жить у торговца масками? Корвалана арестовали, сказал Чако, но он, говорят, убежал с целой группой задержанных профсоюзных деятелей; а с Аделитой вроде все пока благополучно; «освободители» тут охотились за девчонками, но хозяйка несколько дней прятала ее в курятнике, и все обошлось.

Педро решил, что сейчас же отправится к торговцу карнавальными костюмами, но сначала зайдет к матери Корвалана. Она его хорошо знает и, если ей только известно что-нибудь относительно Эрнесто, не станет скрывать.

Он торопливо распрощался с Чаконом. Чтобы сократить путь, он решил пересечь город напрямик, по главной улице. Делать так не следовало, но Педро понял это слишком поздно.

Он не учел, что после долгих скитаний по джунглям вид его был не совсем обычен для городского жителя. Возле бара «Эль Копетин» его остановил патруль и потребовал документы.

— Да какие еще вам документы! — обиженно завопил Педро, думая взять смелостью. — Чего вы в самом деле привязались к человеку! Меня тут каждая собака знает, я работаю в авторемонтной мастерской сеньора Ривера!

Пьяный патрульный икнул и дал ему подзатыльника. Другой нахмурился.

— погоди, погоди, — сказал он. — В чьей мастерской, говоришь? Кто хозяин?

— Дон Анастасио Ривера, вот кто! — Педро потер затылок. — Нельзя уже на улицу выйти, чтобы тебя не схватили! Тоже мне свобода!

Он тут же заработал еще одну оплеуху, на этот раз едва удержавшись на ногах.

— Идем-ка, — сказал патрульный. — Сейчас проверим.

Все это происходило на улице, а за зеркальным стеклом в баре сидел за столиком сам дон Тачо в компании двух офицеров. Один из них, только что вернувшийся из «умиротворительной экспедиции», был

пьян и хвастал своими подвигами. Другой слушал со скучающим видом.

— Там теперь полное умиротворение, — бормотал пьяный, роясь в блюде с закусками. — Умиротворили всех от семнадцати и выше... Это, понятно, мужчин. Женщин мы — ха-ха-ха-ха! — удовлетворили. Что есть главная задача освободительной армии на данном этапе? — он подцепил зубочисткой маслину, отправил ее в рот и, жуя, назидательно поднял палец. — Главная задача — умиротворять мужчин и удовлетворять женщин. А?

Он качнулся и посмотрел на собеседников бессмысленно вытаращенными глазами.

Дон Тачо вежливо улынулся. Второй офицер зевнул и посмотрел на часы.

— Не повторяй избитых острот, Луис, — сказал он. — Ты знаешь, за что был умиротворен Абель? И довольно пить.

Пьяный собрался возражать, но тут в бар ввалился патруль с каким-то оборванцем, и солдат направился прямо к их столику.

— В чем дело? — недовольно спросил трезвый офицер.

— Прошу прощения, мой комендант! — гаркнул патрульный. — Задержан один подозрительный и говорит, будто работает в мастерской сеньора Риверы. Вот мы и зашли проверить. Я видел сеньора через окошко...

Дон Тачо с любопытством посмотрел на бродягу и поднял брови.

— А, Родригес, — сказал он. — Где это ты пропал?

— Ваш рабочий? — спросил комендант. — Значит, не врет?

— М-м, как сказать... Был мой, не отрицаю. Но с месяц назад я его уволил.

— Вот как! — сказал офицер и посмотрел на Педро. — Где же ты шатался весь этот месяц? Был в армии?

— Чего там в армии, — буркнул тот. — В армию

берут с восемнадцати, не знаете вы, что ли? Работу искал, вот где был! А потом началась вся эта кани- тель.

— Красный! — рявкнул вдруг пьяный, прицели- ваясь в него указательным пальцем. — По роже ви- жу, что красный. Отвечай, сволочь, когда с тобой разговаривает офицер армии освобождения!

— Тише ты, — сказал ему комендант. — Дон Та- чо, вы осведомлены о взглядах этого парня?

— Ну, — дон Тачо пожал плечами, — взгляды у него были всегда, м-м-м... довольно левые, безуслов- но. Собственно, из-за этого я его и уволил. Сочувствие аграрной реформе и всякие такие штучки...

Педро лизнул губу и затравленно глянул вокруг. Пьяный, боком вывернувшись в кресле, уже нашари- вал непослушными пальцами застежку кобуры. Ко- мендант остановил его руку.

— Увести, — кивнул он. Солдаты поволокли Пед- ро к выходу. — Эй, капрал! Оформите задержание, и пусть пока сидит. Там разберемся.

— Все равно расстреляю, — убежденно сказал пьяный. — Я этих с-стервецов...

— Лейтенант, вы не правы, — улыбнулся дон Тачо. — Этих стервецов в Гватемале слишком много, чтобы можно было всех расстрелять. Должен же кто- то работать, не так ли?

Педро привели в здание комендатуры и заперли в пустой комнате. Он посидел несколько минут в углу, опершись подбородком на колени, а потом им овла- дело страшное отчаянье от мысли, что он так глупо попался и теперь не увидит Аделиту и ничего не узна- ет об Эрнесто. Ему даже захотелось умереть. Лучше бы застрелили на месте! Он вскочил и, подойдя к две- ри, стал бить в нее ногами и выкрикивать всякие ру- гательства в адрес «освободителей». Сначала ему про- сто приказали замолчать; потом, когда он продолжал шуметь, дверь вдруг распахнулась — он едва не вы- валился наружу, — и страшный удар по лицу за- ставил его отлететь к противоположной стене камеры. Вошедший солдат притворил за собою дверь, снял

пояс, обернул вокруг кулака и стал неторопливо избивать лежащего на полу арестанта — по голове, по ногам, по животу, по чему придется. Педро, защищая лицо руками, катался по полу и удерживал крики. Когда солдат ушел, он с трудом сел, сплевывая кровь. Что-то твердое уперлось ему под мышку, он пощупал и не сразу узнал рукоятку ножа. Удивительно, что его даже не обыскали!

Все его тело было избито, один глаз быстро затекал опухолью и уже почти не видел, три зуба шатались. Но он не чувствовал боли — ненависть жгла его сильнее, чем рубцы от солдатского ремня. Теперь ему уже не хотелось умереть.

Пока у него есть нож, он с ними еще поборется. Он мог бы убить солдата, который его избивал. Но солдат — это для него не добыча. Дураки, они думают, что имеют дело с мальчишкой, которого можно укротить ремнем! Он сумел взорвать штабной «паккард», минировал его под носом у часового, пока лейтенант за рулем слушал музыку! Если бы они только знали, кто попался им в руки...

Никакого солдата он убивать не будет. Если его все же вздумают обыскать и найдут нож, тогда другое дело, тогда придется пустить его в ход против кого бы то ни было. Но пока он этого не сделает. Пока он вооружен, у него есть надежда на свободу. Сумел же уйти Эрнесто Корвалан!

ГЛАВА 2

Стоя на пороге своей хижины, Мамерто смотрел на приближающиеся машины и пытался отгадать, куда они едут.

Какое-то предчувствие говорило ему, что они могут остановиться здесь, у подножия холма. Но это было бы слишком скверно, если бы они остановились именно здесь, и поэтому он предпочитал просто не думать о такой возможности.

Машины были еще далеко. Они то скрывались за поворотами извилистого шоссе, то снова появлялись

и с каждым разом становились все ближе. Дорога здесь довольно оживленная, и это вообще могли быть совсем другие машины, не обязательно те. Но даже если это действительно те машины, то что в этом страшного? Они могли ехать на финку старика Орельяны, или к Монсону в «Грано-де-Оро», или еще куда-нибудь...

Сейчас все хозяева ездят друг к другу в гости. С поздравлениями, надо полагать. Ну и, конечно, чтобы выпить. Говорят, старый Гарсиа третьего дня закатил у себя в «Эль-Прогресо» такой пир, что переплюнул те фьесты, которые когда-то устраивал Монсон. Сам Монсон на этот раз ничего не устроил. Понятно, когда у человека такое несчастье! Коммунисты украли у него дочку, нинью Джоанну. Падре Теодосио говорил об этом в церкви. Они знали, что Монсон против них, и украли нинью в ту самую ночь, как началась война. Действительно, жаль человека, и еще больше жаль девушку...

Машины затормозили разом у подножия холма, и из них на обе стороны высыпали люди. Мамерто обеспокоенно оглянулся на дверь своей хижины и принялся считать приехавших. Ему удалось насчитать шесть человек, среди них Монсона и Орельяну, а потом он сбился. И все они направились к хижине вверх по холму.

— Мамерто, — позвала изнутри Каталина. — Я так и знала, что к нам сегодня приедут! Мамерто, ты не спорь с ними, отдай им ихнюю землю, если они захотят... вчера они убили Хасинто, потому что он спорил...

— Молчи, жена, — сурово ответил Мамерто, несколько раздраженный вмешательством женщины в мужские дела. — Эта земля не ихняя, я получил ее от правительства, и у меня есть Бумага...

Он почесал одну босую ногу о другую, глядя на непрошенных гостей и решая, идти к ним навстречу или не идти. Подумав, что вежливость никогда не помешает, он вышел из-под навеса и с достоинством направился по тропинке. Впереди группы шли Монсон, немец — его старший капатас — и молодой Гар-

сия с висящим под мышкой автоматом. На полпути они встретились.

— Ола, Мамерто, — сказал капатас. — Как идут дела?

— Добрый день, дон Энрике, спасибо... работаем понемногу...

— Это правильно, — кивнул немец. — Кто не работает, тот, как говорится, и жрать не получает. Кстати, Мамерто, ты случайно не марксист?

Мамерто не понял вопроса и, чтобы не ответить невпопад, сказал уклончиво:

— Да знаете ли, сеньор Хофбауэр, как когда...

Приехавшие захохотали.

— Типичный оппортунизм, это прямо феноменально! — воскликнул лицензиат Гарсиа, оглядываясь в поисках одобрения.

— Так, этот вопрос ясен, — кивнул Хофбауэр. — Так вот что, Мамерто... Как же мы будем насчет земли? Она-то ведь принадлежит сеньору Монсону, а?

— Я ее получил от правительства, — глухо ответил Мамерто, затравленным взглядом обведя лица приехавших. — Я ни у кого ее не брал, правительство купило ее у патрона и потом отдало мне...

— О, да ты и в самом деле образованный человек, даже в таких вещах разбираешься, — удивился капатас. — Но правительства твоего больше нет, вот в чем беда.

Мамерто стоял перед ним, высокий, костлявый, в истрепанных хлопчатобумажных штанах чуть ниже колен и линялой рубашке с открытым воротом. На его лице, непроницаемом, как у многих латиносов, нельзя было прочесть ничего, кроме упрямства. В нескольких шагах от него, заложив руки в карманы белых бриджей, с угрюмым видом стоял Монсон, до сих пор не проронивший ни одного слова.

— Видите ли, э-э-э... Мамерто, — сказал лицензиат Гарсиа. — Позвольте мне, как юристу, дать вам маленькое разъяснение по этому поводу. Дело в том, что со сменой правительства обычно теряют силу все декреты, законы и распоряжения, изданные до момента переворота.

Мамерто глянул на молодого человека сверху вниз, без всякого выражения, и медленно отвел глаза.

— Я получил землю от правительства, — упрямо повторил он, обращаясь к немцу, — у меня есть Бумага, и там написано, что это земля моя...

— А ты уверен, что там так написано? — спросил немец. — Может, ты не так прочел?

— Я не умею читать, сеньор Хофбауэр, — с достоинством ответил Мамерто. — Бумагу мне прочитала моя дочь, которая учится в школе. Она говорит, что там так написано.

Старый Орельяна подмигнул стоящему рядом лиценциату.

— У него дочка... — он закатил глаза и поцеловал кончики пальцев. — Только имейте в виду, на нее уже сделана заявка, мною.

— Не интересуюсь, дон Тибурсио, — лицензиат скривил губы под пробритыми в ниточку усами. — Этого у меня хватает.

— Хе-хе, посмотрю я, что вы скажете, когда ее увидите... Там такой бутончик...

— Ладно, вот что, — решительно сказал немец. — Неси-ка сюда свою бумагу, сейчас мы увидим, правильно ли прочитала твоя девчонка.

Мамерто очень не хотелось показывать им свое сокровище — свою бумагу. Он боялся, что они ее могут просто отобрать. Но, с другой стороны, и спорить ему не приходилось — одному против дюжины вооруженных.

— Los, los*, — нетерпеливо повторил капатас непонятное слово, которым часто подгонял людей во время работы. — Живее тащи твою бумагу!

— Хорошо, я ее принесу...

Мамерто повернулся и так же неторопливо и с достоинством пошел к хижине. Монсон посмотрел на его спину и дернул щекой.

— Кончайте свой балаган, Энрике, — хрипло сказал он. — У нас еще много дел.

— Слушаюсь! — Хофбауэр вынул из кармана

* — Давай, давай! (Нем.)

кольт и оглянулся на лиценциата. — Так вот, смотрите, тезка. Видите ту коричневую заплатку? Какого она размера — в ладонь? Так я, значит, намечаю, предположим, нижний левый угол... Внимание!

Он подбрисил на ладони тускло блеснувший пистолет и выстрелил, не целясь, со щегольством первоклассного стрелка.

Жена Мамерто выскочила из двери, едва не споткнувшись о труп мужа. Молча поглядев на него и на продолжавшую стоять в отдалении группу гостей, она что-то крикнула и, на мгновение скрывшись в хижине, снова появилась с мачете в руке.

— Будьте вы прокляты, убийцы! — кричала она, сбегая по тропинке. — Будьте вы прокляты во веки веков, вы, и ваши дети, и ваши внуки!

— Видите, тезка, — усмехнулся Хофбауэр, — а вы еще боялись, что мы не встретим вооруженного сопротивления...

— Да, эту индейскую ведьму придется умиротворить, — озабоченно сказал лиценциат, шурясь от дыма зажатой в углу рта сигареты.

Он шагнул вперед, необычайно живописный в своем оливково-зеленом костюме, напоминающем одежду десантника из американского военного фильма, и дал короткую очередь, держа автомат у бедра. Каталина споткнулась, но продолжала бежать. Лиценциат яростно выплюнул сигарету и, перекосив лицо, почти в упор разрядил в женщину весь магазин.

Группа направилась к хижине. В углу, полумертвая от страха, сидела четырнадцатилетняя Нативидад. Прижимая к себе братишку, она с ужасом смотрела на вошедших.

— Ну, вон отсюда, — сказал ей Монсон. — Иди и полюбуйся на своих стариков, это тебя отучит думать о собственной земле. Убирайся!

— Дон Индалесио, — зашептал Орельяна ему на ухо, обдавая несвежим дыханием, — если вы не имеете на девчонку никаких видов... я мог бы взять ее к себе, мне как раз нужна служанка... на кухню...

— Берите, мне-то что, — Монсон брезгливо по-

морщился. — Забирайте и щенка, через год он уже сможет работать...

Дон Тибурсио, торопливо что-то приговаривая, вытащил дрожащую девочку из хижины и повел вниз, к своей машине, крепко держа за локоть. Та, оцепенев от ужаса, покорно шла мелкими шажками рядом со стариком, ведя за руку младшего брата.

Монсон кивнул одному из сопровождавших его младших капатасов и вышел наружу. За ним вышли остальные, хижина опустела. Капатас сгреб в кучу раскиданный по полу убогий скарб, полил его керосином из лампы и поджег.

Приятели курили, стоя внизу возле автомобилей. Когда над тростниковой крышей на холме поднялся дым, Монсон бросил сигарету и растер ее сапогом.

— Одним клоповником меньше, — сказал он хмуро, вынув из кармана записную книжку в свиной коже. Полистав страницы, он вычеркнул из столбца в списке еще одно имя и пробежал взглядом остальные.

— Куда же мы теперь, дон Индалесио? — спросил молодой Гарсиа, безуспешно пытаясь вставить в свой автомат новый магазин.

Монсон глянул на лиценциата, ничего не ответил и, сердито сопя, полез в накренившуюся под его тяжестью машину. За рулем уже сидел Хофбауэр.

— В Кебрада-дель-Манадеро, — процедил сквозь зубы Монсон, захлопнув за собою дверцу.

ГЛАВА 3

Джоанна не сошла с ума и не покончила с собой. От первого ее спасла, очевидно, наследственность — крепкая и жизнелюбивая порода Монсонов; от второго — мысль о будущем ребенке, о ребенке Мигеля. Она еще не знала, будет ли у нее вообще ребенок, и понимала, что не узнает этого раньше, чем через три-четыре недели; но она верила, что ребенок будет, что только ради него спасла ее судьба в тот момент, ко-

гда бомба разорвалась в нескольких метрах от машины.

Ее жизнь теперь принадлежала этому ребенку и еще борьбе. Ради того, чтобы гибель Мигеля не оказалась напрасной, она должна добраться до столицы, эмигрировать, найти за границей друзей и продолжать жить и бороться.

Конечно, все эти мысли оформились в ее голове не сразу. Сначала никаких мыслей не было, был только ужас и бездонное отчаянье. Потом появился инстинкт самосохранения, который заставил ее уйти, покинуть страшное место в ложбине между каменистыми холмами, где в знойном неподвижном воздухе все еще держался острый запах гари и бензина. Она шла по дороге, прихрамывая и морщась от боли в ушибленной коленке, прикладывая носовой платок к щеке — при падении она ударилась лицом о дорогу, и сейчас ссадина, воспалившись на солнце, болела и жгла так, словно в ней копошились сотни термитов. Снова усилилась головная боль, хотя уже не так, как раньше. Все эти болезненные ощущения, как ни странно, помогали ей, заставляя чувствовать собственное тело, чувствовать связь с жизнью. Два или три раза пролетали самолеты; при этом звуке Джоанна начинала дрожать, но не поднимала головы и не сходила с шоссе. Какая-то часть ее существа даже желала, чтобы летчик заметил бредущую по дороге фигурку.

Впереди над синей грядой вулканов догорел короткий ослепительный закат, быстро наступала ночь, повеяло прохладой. Джоанна продолжала шагать, уже ничего не соображая и почти ничего не чувствуя.

Утром она очнулась в глинобитной хижине, на тростниковой циновке. Когда она потеряла сознание, добралась ли до хижины сама или упала на дороге и была кем-то подобрана, осталось для нее неизвестным. Да она и не пыталась это выяснить.

Время от времени появлялась старуха с темным пергаментным лицом, приносила маисовые лепешки, поила горьким ароматным отваром и клала примочки на щеку. Джоанна послушно пила отвар и съедала

лепешки, не ощущая вкуса. Потом старуха выходила и садилась на корточки перед порогом, дымя черной самодельной сигарой, а Джоанна лежала, вытянувшись на спине, и сухими глазами смотрела в потолок, где под кривыми балками висели связки красного перца.

С тех пор как это случилось, она ни разу не заплакала. Есть последние, крайние пределы горя, когда слезы не льются из глаз, когда они скапливаются где-то в груди и давят на сердце, когда кажется, что сердце вот-вот остановится, не выдержав этой страшной тяжести невыплаканного страдания.

Сердце Джоанны не остановилось. И только поняв, что судьба отказывает ей и в этой последней милости, она осознала ее по-новому, по-новому осмыслила оставленную ей жизнь — жизнь для ребенка, жизнь для Гватемалы...

На четвертый день к порогу хижины подошли трое. Джоанна со своего места смотрела на них без страха, с равнодушным любопытством. Они были в хаки, в широкополых шляпах, с автоматами. Двое заговорили со старухой, по обыкновению сидевшей на корточках с сигарой во рту, а третий заглянул в хижину. Не сразу освоившись с полумраком после яркого солнечного света, он всмотрелся в тот угол, где лежала Джоанна, и спросил, обернувшись к старухе:

— Кого ты там прячешь, ведьма?

Та проблеяла что-то в ответ своим козым голосом — одно слово, которое Джоанна не расслышала, но которое, по-видимому, хорошо расслышали солдаты. С опаской поглядывая на дверь, они быстро попятились от порога и ушли. «Очевидно, назвала какую-то заразную болезнь...» — равнодушно подумала Джоанна, прикрывая глаза. Через несколько минут где-то послышались крики, женский плач, короткая автоматная очередь, чей-то истощный вопль. Потом тишина.

Через два дня, к вечеру, инсургенты опять появились в поселке. К старухе на этот раз не заглядывали, но Джоанна слышала шум моторов. Опять были

крики, чей-то плач, сухой треск автоматов. Кого-то, по-видимому, увезли с собой, судя по возне и приглушенным ругательствам возле машин.

Джоанна решила, что пора уходить. Физически она уже поправилась, лишь иногда возвращались сильные приступы головной боли, а оставаться дольше было опасно и для нее самой и для старухи, которая в случае чего первая поплатилась бы за свое гостеприимство. Прощаясь, Джоанна поцеловала ее в пергаментную щеку и протянула единственную захваченную из дому драгоценность — золотые часики, крошечную «Омегу» на тонком браслете-обручике. Старуха повертела блестящую вещицу в руках, одобрительно покивала и вернула Джоанне. Джоанна смутилась, сунула часы в карман, еще раз поцеловала старуху и ушла.

У выхода из поселка ветер донес до нее тяжелый смрад тления. Поморщившись, Джоанна невольно оглянулась и увидела нескольких сидящих на пустыре женщин в пестро-полосатых индейских шаялях. Что-то заставило ее подойти: четыре вздувшихся на солнце трупа лежали в канаве. Крупные зеленые мухи роем гудели над канавой и ползали по лицам расстрелянных. Машинально перекрестившись, Джоанна отступила на шаг.

— Почему вы их не похороните? — минуту спустя спросила она у одной из женщин.

— Нельзя... запрещено, — ответила та, не подымая головы.

— За что их расстреляли? — помолчав, опять спросила Джоанна.

— У них нашли членские книжки аграрного синдиката...

«Небо, почему я не мужчина? — шептала Джоанна побелевшими губами, уходя от канавы. — Почему я не родилась мужчиной...»

То, что она находится в западне, стало для нее ясным на шестые сутки скитаний из поселка в поселок. Она не могла добраться до столицы, минуя ма-

гистральные дороги, а по дорогам день и ночь мчались теперь машины, полные вооруженных людей. Как правило, сидящие в джипах были пьяны в дым, они горланили похабные песни и стреляли в воздух и по сторонам — куда и в кого попало. Попастся им на глаза было бы верной гибелью.

Может быть, стоило рискнуть — найти какого-нибудь офицера и, используя безукоризненное знание английского, притвориться заблудившейся иностранкой и попросить довезти до «Гватемала-Сити» — так обычно называли столицу американские туристы. Но Джоанна такого не посмотрелась за эти дни, что просто не могла заставить себя отважиться на такой рискованный поступок, хотя сознавала, что он остается для нее едва ли не единственным шансом на спасение. Ее бросало в дрожь от одного вида мундира «освободительной» армии.

Почти в каждом поселке — за околицами, в придорожных канавах и просто у изгородей — гнили на июльском солнце трупы расстрелянных, которых не разрешали хоронить. Людей убивали за найденный профсоюзный билет, за газету с текстом декрета об аграрной реформе, за портрет Арбенса; иногда просто за любую книгу. Считалось, что только «красные» обучены грамоте. Приходили, расстреливали главу семьи, иногда насиловали мать на глазах у детей, потом поджигали хижину: это называлось «очисткой страны от агентов Коминформа».

За эти дни Джоанна состарилась душой на несколько лет. От ее прежнего наивного патриотизма, выразившегося главным образом в том, чтобы всегда держать на своем столе букет белых орхидей, ничего не осталось. Теперь она начинала узнавать подлинную Гватемалу, узнавать свой народ, ранее известный ей по романам Астуриаса, — этих простых людей с лицами, вырезанными из красного дерева, людей, которые никогда не спрашивали ее, кто она такая и почему прячется от «освободителей»; людей, которые молча давали ей приют в своих глинобитных хижинах и молча делились с нею последней маисовой лепешкой и последней горстью фасоли. Мысль об этих

людях, отныне снова обреченных на рабство, вместе с мыслью о ее будущем ребенке, ребенке Мигеля, заставляла Джоанну жить, прятаться от солдат, пробираться из поселка в поселок. Только эта мысль помогала ей преодолевать мертвящее сознание раздавившей всю ее жизнь катастрофы и страшную усталость, которую она несла теперь в своем сердце, — усталость от женских воплей на дымящихся развалинах, от треска выстрелов, от смрада разлагающихся трупов, ставшего в эти дни воздухом ее родины, ее Гватемалы. Ей все чаще вспоминались вычитанные где-то слова древнеегипетского похоронного гимна: «Ныне мне Смерть — как ложе усталому, ныне мне Смерть — как освобождение». Но она знала, что еще не имеет права на смерть, права на отдых.

Эту ночь Джоанна провела в полусгоревшем здании школы, на окраине одного из поселков недалеко от Халапы. Утром приехала машина с установленным на крыше громкоговорителем; «освободители» постреляли в воздух для устрашения «освобожденных», согнали их на площадь и заставили прослушать воззвание полковника Кастильо Армаса о возвращении Гватемалы в лоно демократии. Воззвание, как торжественно объявил диктор в конце, было подписано первого июля сего года, в штаб-квартире «армии освобождения» — в городе Чикимула, Гватемала. Громкоговоритель работал на полную мощность, и Джоанна из своего убежища отчетливо слышала каждое слово. «Раньше адрес штаб-квартиры был — Копан, Гондурас», — подумала она, усмехнувшись. Наконец-то полковник-«освободитель» отважился перебраться на землю Гватемалы!

Когда радиоустановка уехала, Джоанна выбралась из-за груды обгорелых стропил, за которыми просидела эти полчаса, и прислушалась. В поселке было тихо, на этот раз дело обошлось без расстрелов.

Перейдя в уцелевшую часть здания (школа сгорела только наполовину, очевидно, пожару помешал дождь), Джоанна походила по комнатам, переступая

через кучи мусора, и присела за одну из парт, согнувшись и положив голову на руки. Уже второй день она чувствовала себя очень плохо: почти непрерывные головные боли, тошнота, рези в желудке.

Дикие фрукты, о которых она не имела ни малейшего понятия, составляли ее главную пищу уже несколько дней. Ночевать в хижинах и принимать угощение хозяев она теперь избегала: во-первых, эти ночевки были слишком опасны, во-вторых, она не могла не видеть, что еды, как правило, не хватает даже для детей. Приходилось спать где попало и довольствоваться фруктами; их было много, но не все были съедобны и не все полезны. Последнее качество было труднее всего определить на вкус, как делала это Джоанна.

Сейчас она сидела, согнувшись за партой, — в такой позе боль, казалось, несколько утихала — и думала о своем безвыходном положении. Когда доберется она до столицы? Как сумеет миновать все контрольные посты на дорогах? И какое впечатление произведет она, появившись в таком виде на городских улицах? Бродяга, настоящая бродяга!

Выставив из-под парты ногу, Джоанна оглядела туфлю, потерявшую форму и цвет, с оторванной подошвой, подвязанной куском телеграфного провода. Когда-то это были нарядные мокасины из тонкой кожи, но скитания по лесу и каменистым дорогам превратили их в нечто неопределимое. Из всего ее костюма лучше всего держались пока брюки: сделанные из тонкой, но прочной ткани, простроченные тройным швом, с никелированными заклепками на углах карманов, они с честью выдержали все испытания. Ковбойка же порвалась в двух местах, на плече и у ворота, и полуоторванный нагрудный карман висел треугольным лоскутом. Первый же полицейский в городе из одного любопытства задержит ее в таком живописном наряде.

Будь она одета немного лучше, все было бы иначе. Она могла бы спокойно явиться в ту же Халапу, продать часы, пообедать в любом ресторане... Может

быть, даже переночевать в отеле, в настоящем номере с туалетом и чистыми простынями. Но главное — пообедать, съесть тарелку горячего супа, хороший бифштекс, выпить молока...

Джоанна проглотила слюну и на всякий случай сунула руку в парту. Иногда дети забывают в партах свой завтрак, она свободно может найти сухую тортилью или что-нибудь в этом роде. Джоанна так твердо поверила в то, что в парте есть еда, что, когда ее не оказалось, чуть не заплакала. Удерживая слезы, она пошарила и в другом отделении, но там оказалась только тетрадка и карандаш. «Я определенно схожу с ума», — опомнившись, сказала она себе и машинально развернула тетрадь. Тетрадь была чистой. Джоанна вздохнула, написала в верхнем углу свое имя и встала из-за парты.

Нужно идти. Она подошла к окну и долго смотрела на безоблачное небо, на зеленые склоны гор, на белую ленту дороги. Нужно идти... А как хорошо было бы остаться! Остаться, лечь и заснуть. И никогда больше не просыпаться...

Джоанна взяла с подоконника треугольный осколок стекла и повертела его в пальцах. Вот здесь, на запястье, отчетливо виден сквозь кожу голубой рисунок кровеносных сосудов. В сущности, это ведь так просто! И, наверное, ничуть не больно. Может быть, только в самый первый момент... А потом боль сразу пройдет и останется только быстро нарастающая слабость и охватывающее тебя чувство все более и более глубокого покоя. Римляне делали это в теплой ванне. Вообще они умели жить, эти римляне. Жить — и умирать. «Где ты, Кай, — там и я, Кайя».

Можно сесть за парту, в очень удобной позе, положив голову на тетрадь. Забавно, это было бы очень символично — умереть на открытой странице, где нет ничего, кроме твоего имени. Джоанна Аларика Монсон де Асеведо, дипломантка Колумбийского университета, США. Неудавшаяся журналистка. Неудавшаяся?

Джоанна села за парту и долго смотрела на чистую страницу, вертя в пальцах треугольный осколок.

Неожиданно блеснувшая мысль поразила ее. Сумеет ли она выбраться за границу — это вопрос. А переправить туда одну статью, несколько листов бумаги, не так, в сущности, и трудно. Через какого-нибудь туриста, через дипломатических представителей, да мало ли как! А ведь одной статьей можно иногда добиться очень многого.

Она взяла карандаш и аккуратно подточила его осколком стекла. Может быть, Джоанна Аларика, вы были несправедливы к самой себе, называя себя «неудавшейся»...

Заглавие искать не приходилось. Еще в госпитале, думая о первой статье, которую она напишет об агрессии, Джоанна решила, что назовет ее просто: «Именем демократии». Она крупными буквами написала эти слова вверху страницы, подчеркнула их двойной линией и начала с красной строки:

«В истории каждого народа есть свои темные и светлые страницы, есть дни, которые отмечают праздниками, и даты, которые вспоминают со стыдом и негодованием. В историю обеих Америк, как День Позора, войдет 18 июня — день, когда моя родина, безоружная республика с трехмиллионным населением, подверглась военно-дипломатической агрессии со стороны Соединенных Штатов — страны, потенциал которой дает ей возможность не только диктовать свою волю половине населения земного шара, но и открыто добиваться глобального приоритета.

В дни, когда пишутся эти строки, Гватемала как суверенное государство больше не существует. На ее территории, именем демократии отданная во власть предателям и уголовным преступникам, лежит бесправная колония Империи Доллара. Рабство вместо национального суверенитета, произвол и террор вместо законности — вот первые плоды «освобождения» Гватемалы, проведенного общими усилиями Объединенной фруктовой компании, государственного департамента и Пентагона...»

Через час Джоанна отложила карандаш и пошевелила онемевшими пальцами. Писать карандашом всегда труднее, чем чернилами, а она вообще никогда ничего не писала от руки, по привычке отстукивая на машинке даже коротенькие записки подругам. С сожалением вспомнив свой бесшумный ремингтон, купленный в Нью-Йорке перед самым отъездом, Джоанна помахала в воздухе кистью руки и снова взялась за карандаш.

Она писала почти без помарок, лишь изредка заменяя одно слово другим или что-нибудь вычеркивая. Исписав половину тетрадки, она перечитала написанное и решила сделать передышку; последние фразы шли уже не так гладко, нужно было отдохнуть и хорошо обдумать дальнейший текст.

Спрятав тетрадку в карман, она поднялась из-за парты и прошла в маленькую комнатку без окон, где накануне устроила себе постель из охалки наломанных в школьном саду веток. В последнее время ее все чаще начинало клонить днем ко сну от недоедания и усталости. Вытянувшись и закрыв глаза, Джоанна начала думать о своей статье и скоро уснула.

Проснувшись она в четыре часа. Голод сделался совсем нестерпимым. Нужно было что-то предпринять: или идти в Халапу, чтобы попытаться продать часы, или попробовать добыть съестного здесь. Ей пришло в голову, что она еще не была в центре поселка; если здесь есть даже школа, то должны быть и лавки; возможно, часы кого-либо заинтересуют.

Выбравшись из школьного сада через пролом в изгороди, Джоанна огляделась и быстро пошла по безлюдной улочке, стараясь держаться непринужденно. Ее предположения оказались верными: выйдя на площадь, она сразу увидела лавку — одну из тех «боличес», где торгуют решительно всем, от спиртных напитков распивочно и навывнос до рабочей одежды и несложных сельскохозяйственных орудий — мотыг, лопат и мачете.

Джоанна вошла в лавку. Посетителей не было, за

прилавком дремал хозяин. Над его головой рядом с рекламой стирального порошка Левер висел новенький портрет Кастильо Армаса — худощавого человека с фатовскими усиками, в одетой набекрень фуражке с широкой тульей.

— Добрый день, — сказала Джоанна негромко, подойдя к прилавку, и покосилась на портрет. — Сеньор, я хотела предложить купить у меня одну вещь...

Разомкнув браслет, она положила часы перед лавочником. Тот пожал плечами.

— Я не ювелир, сеньорита, таких вещей я не покупаю. С этим вам нужно в город... Поезжайте в Халапу, там купят.

— У меня совершенно нет времени, сеньор, — умоляюще сказала Джоанна, — вы понимаете, я оказалась в таком положении... Я отдам их совсем недорого, посмотрите, это настоящая швейцарская «Омега», золотая... вот проба, посмотрите...

Лавочник повертел часы в руках и снова пожал плечами.

— Я не понимаю в таких вещах, — проворчал он, принимая равнодушный вид. — Сколько вы за них хотите?

К этому вопросу Джоанна была не подготовлена. В Нью-Йорке такие часы стоили долларов двести. Но здесь?

— Полтораста кетселей? — сказала она нерешительно.

Лавочник разыграл недоумение, почти испуг.

— Вы шутите, сеньорита! Шутка сказать — полтораста! Может, они только позолоченные... Если хотите — только чтобы вас выручить — могу дать семьдесят.

— Хорошо, — быстро сказала Джоанна, — я согласна.

Лавочник убрал часы и выдвинул денежный ящик.

— Будете что-нибудь покупать? — спросил он.

Джоанна оглядела полки, борясь с желанием истратить на еду половину денег. Но приходилось экономить — больше у нее ничего не оставалось.

— Дайте мне хлеба, — нерешительно сказала она, — потом... пакетик масла и фунт вон той колбасы... Да, у вас есть простые рубашки такого приблизительно типа?

Лавочник взглянул на нее, прикидывая размер, и достал с полки клетчатую ковбойку.

— Хорошо, — кивнула Джоанна. — Мне еще нужно какую-нибудь обувь, тридцать шестой номер...

Лавочник подал ей грубые сандалии — «каитес», какие носят крестьяне.

— Все? — спросил он, подсчитывая стоимость покупок на обрывке бумаги.

— Все. Где у вас можно переодеться?

— Пройдите в ту дверь, там никого нет.

Джоанна вышла и через минуту вернулась, неся под мышкой старые вещи. Заметив в углу ящик с мусором, она выбросила туда сверток и подошла к прилавку. Лавочник отдал ей хлеб, масло и колбасу и выложил пачку замусоленных кредиток. Джоанна, не считая, сунула их в карман.

— Всего хорошего, — сказала она, поворачиваясь к выходу.

— До свидания, сеньорита.

Выйдя из лавки, Джоанна лицом к лицу столкнулась с двумя солдатами из «армии освобождения».

Они стояли перед дверью, лениво переругиваясь: очевидно, решали, продолжать ли обход или зайти пропустить по стаканчику агуардиенте*. Джоанна, которая почему-то считала, что после отъезда радиостановки в местечке не осталось ни одного «освободителя», при виде их замерла от испуга и неожиданности. Первой ее реакцией — чисто инстинктивной — было шарахнуть обратно в лавку; но тут же она сообразила, что такое поведение выдаст ее с головой, и заставила себя сойти по истертым каменным ступенькам низкого крыльца. Оба солдата, от которых не укрылось ее мгновенное замешательство, смотрели на нее; прекратив свой спор. Джоанна машинальным жестом поправила волосы и, закусив губы, бы-

* *Aguardiente* (исп.) — вид водки.

стро прошла мимо, прижимая к груди сверток с покупками и удерживая желание бежать. Солдаты переглянулись.

— Эй, сеньорита! — крикнул один. — Погодите-ка! Похоже, что у вас есть основания не попадаться на глаза властям, а?

Джоанна обернулась и постаралась улыбнуться.

— Не попадаться на глаза? Нет, что вы... ровно никаких! Простите, кабальерос, я немного спешу...

— Стойте, я вам сказал!

Солдат вразвалку подошел к ней. Высокие шнурованные башмаки, бриджи, лихо заломленная те-хасская шляпа с широкими полями, на рукаве пропотевшей рубахи — эмблема «армии освобождения» — крест и меч; Джоанна, бледнея, молча смотрела на него широко открытыми глазами.

— Где живешь? — спросил солдат, нагло оглядев ее с головы до ног.

— Я... я не здешняя, сеньор...

— Это видно, — многозначительно сказал солдат и прищурился: — Русская? Товарич-товарич?

— Русская, я? — нервно рассмеялась Джоанна. — Что вы, сеньор, я родилась в департаменте Эскинтла...

Ствол автомата уперся ей в грудь.

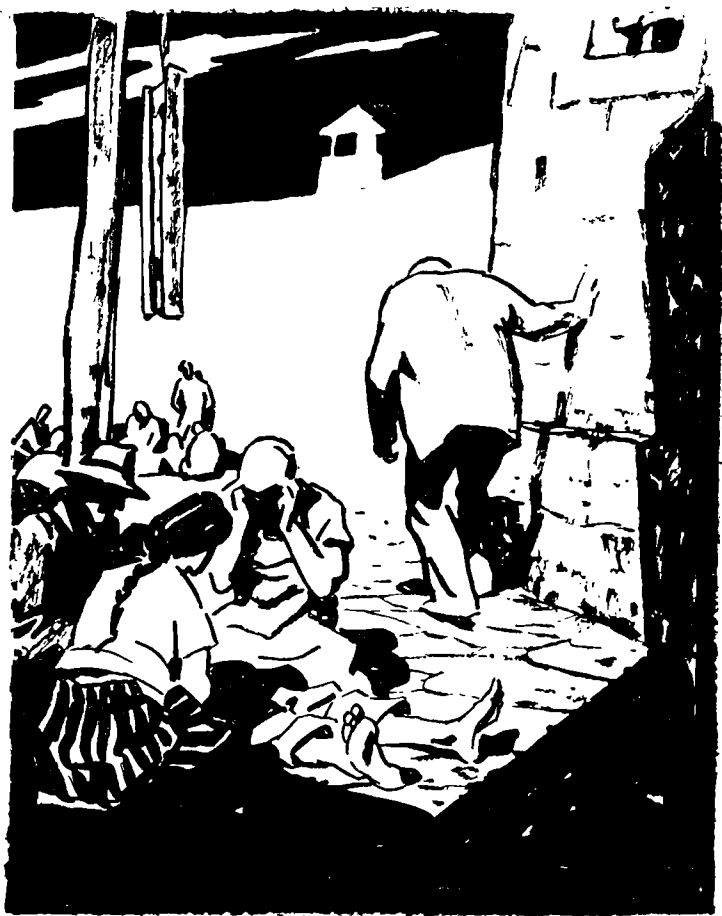
— Брось трепаться, — отдельно и угрожающе произнес солдат. — Из Эскинтлы — с такими волосами? Да ты знаешь, что мы делаем с теми, кто врет? Давай документы, сука!

— Пожалуйста...

Придерживая сверток левой рукой, Джоанна потянула бумажник из заднего кармана брюк. Только когда тетрадка упала на землю, она сообразила, что произошло. Ахнув, она выронила сверток и быстро нагнулась, но было уже поздно. Солдат успел придавить тетрадку башмаком.

— Стоп, — подмигнул он насмешливо, — не торопись, детка! В этом мы разберемся сами.

Подняв тетрадь, он развернул ее на первой странице и стал читать, наморщив лоб и медленно шевеля губами. Джоанна стояла, опустив руки: ее

охватила обморочная слабость и странное сознание нереальности всего происходящего. Второй солдат подошел, пнул сверток, разбросав в пыли его содержимое.

— Пошли, чего читаешь? — сказал он скучным голосом. — Надо отправить ее, пока не ушла машина. Видишь, а ты говорил, что тут не осталось ни одного красного... Они, брат, из-под земли лезут, как термиты...

Над поселком плавилось яростное июльское солнце. В дымном от зноя небе медленно плыл кондор, и за зелеными холмами предгорий — все такие же недостижимые — синели исполинские конусы вулканов. «Как глупо, — подумала Джоанна устало. — Господи, как глупо все это получилось...»

ГЛАВА 4

Громадный асфальтированный двор, ослепительно белые стены, пулеметные вышки по углам и ни одного квадратного дюйма тени в самые жаркие часы дня. Несколько сотен оборванных людей — мужчин и женщин, молодых и старых, здоровых и умирающих — сидят и валяются вповалку на раскаленном асфальте. К вечеру начинает отбрасывать тень западная стена, тогда к ней перетаскивают самых слабых.

Два раза в день — раздача пищи, полусырого варева из бобов, без соли; раз в день раздача воды. Происходит это так: во двор вкатывают на тележке разрезанную пополам железную бочку из-под бензина, и все выстраиваются в длинную спиральную очередь, каждый со своей консервной банкой. Красивые банки с яркими наклейками — из-под мяса, из-под ананасного компота, из-под консервированного пива — заключенные получают от пулеметчиков со сторожевых вышек: попробуй проторчать на посту несколько часов, поневоле начнешь забавляться хотя бы швырянием пустых банок. Пулеметчикам развлечение, а заключенным польза: без консервной банки

здесь как без рук. Вообще организация чувствуется во всем, хорошая деловая организация. Когда при церемонии раздачи воды присутствует лейтенант Эдельмиро Нарваэс, он обычно хохочет: «Селф-сервис-бар! Бар самообслуживанья! Привыкайте к американскому образу жизни, ребяташки!»

Каждый день часть «ребятишек» умирает, так и не успев привыкнуть. Умерший остается во дворе ровно сутки, в назидание остальным, а потом его уволакивают наружу, зацепив длинным крюком. Но население этого своеобразного мирка не уменьшается: то и дело скрипит прорезанная в воротах калитка, и новичок кувырком летит на асфальт от ловкого напутственного пинка. «Принимайте в компанию еще одного! — кричит конвоир со смехом. — Можно без вступительного взноса, здесь вам не Ротари-клуб!»

Весь смысл системы заключения под открытым небом Джоанна поняла не сразу. Ее привезли поздно вечером, когда было уже относительно прохладно, и она даже обрадовалась: не придется сидеть в какой-нибудь душной камере, по крайней мере свежий воздух. Но это было ночью, а к обеду следующего дня у нее уже голова раскалывалась от боли и глаза казались запорошенными битым стеклом.

Она нашла себе место в углу и сидела неподвижно, держась очень прямо — так, чтобы затылок едва касался стены. В таком положении боль распределяется как-то равномерно, а стоит немного опустить голову или склонить ее набок, и боль сразу как бы стекает к одному месту и становится совершенно непереносимой, способной довести до безумия.

Немного помогает, если отвлекаться. Например, читать про себя Гарсиа Лорку, или Рубена Дарио, или Габриэлу Мистраль. Или просто вспоминать имена бейсбольных чемпионов Колумбия Университи, или хотя бы лица продавцов в той аптеке на 216-й улице, куда она обычно забегала съесть яичницу с ветчиной или выпить кока-колу. Впрочем, нет. О кока-коле думать нельзя.

Есть целый ряд вопросов, напоминание о которых — табу. Обычно это вопросы совсем другого по-

рядка, чем кока-кола; гораздо, неизмеримо более важные. Например, твой ребенок, твой маленький Мигелито, которому не суждено жить. Удивительно, что и ребенок и кока-кола одинаково подпадают под одну категорию запретных тем. «Forbidden topics», как говорят наши друзья янки; темы, о которых нельзя думать, чтобы не сойти с ума или не захотеть пить еще больше. Тоже такое странное сопоставление: сойти с ума или захотеть пить! Что ж, нужно пройти соответствующую подготовку для того, чтобы понять связь между этими двумя понятиями: жажда и безумие. Этого не поймешь у себя дома, где можно в любой момент пройти на кухню и распахнуть тяжелую бесшумную дверцу холодильника. Впрочем, холодильники, лед — это тоже табу.

Можно думать о Мигеле. Раньше нельзя было, а теперь можно. Обреченные на смерть имеют право думать о мертвых, не ощущая при этом никакой вины. Пока ты живешь, ты виновата перед ним уже самим фактом своего существования, а когда этот факт на твоих глазах превращается в фикцию, тогда совсем другое дело. Тогда ты можешь думать о нем и говорить с ним, как равная с равным.

Я рада за тебя, Мигель, милый. Будь ты сейчас здесь — тебе было бы очень, очень тяжело. Тяжело вдвойне, за себя и за меня. А так... Я надеюсь, что тебе не было очень больно. У тебя не болела голова, тебе не хотелось пить. Ты не видел перед собой этих раскаленных добела стен. Их ведь видно даже с закрытыми глазами, сквозь веки. Она такая тонкая — кожа человеческих век, она должна была бы быть светонепроницаемой, как черная бумага от фотопленки. Я так за тебя рада, мой Мигелито! Надеюсь, тебе было не очень больно — прошло ведь всего две-три минуты...

Я не выполнила твою волю, но ты же знаешь: я делала все, что могла. Конечно, не нужно было идти в лавку, но человек забывает об осторожности, когда ему так хочется есть. Мне тогда очень хотелось есть. Сейчас тоже. Почти так же, как и пить. Но теперь это ненадолго. Здесь все время умирают, каж-

дый по-своему. Лучше всего умирают крестьяне, ладинос. Они просто ложатся и умирают молча. А та женщина, — кажется, жена какого-то муниципально-го советника, — она умирала плохо. Долго и плохо. Умирать нужно учиться у простых людей, это я поняла еще в госпитале. Я постараюсь умереть так, чтобы тебе не было стыдно за меня, мой любимый...

Да, скоро мы увидимся. «Услышишь, как роят могилу рядом с тобою. уснула другая и в мертвый вступает град. Я подожду, пока меня не засыпят землю, и будем мы говорить хоть вечность подряд...» * Порознь нам все равно не быть. Где ты, Кай, — там и я, Кайя...

Вечером к ней подобрался паренек в комбинезоне, когда-то замасленном, а сейчас просто невероятно грязном и рваном.

— Ола, чика, — общительно сказал он, присев рядом. — Ну как? Лучше сейчас? Днем у тебя вид был поганый, я уж думал, ты не дотянешь.

— Сейчас лучше, спасибо... — Джоанна едва шевельнула губами.

— Ну, это хорошо. А я уж думал, ты загнешься. Ничего, ночью здесь жить можно, до утра надышимся на весь день. Воды вот только маловато, а так ничего. Слушай, тебя за что взяли? Ты чем вообще занимаешься? Занималась, я хочу сказать.

Джоанна слабо улыбнулась: поправка была существенной.

— Я была журналисткой. А взяли меня за одну статью.

— А, ну за это не расстреляют. Подержат и выпустят, ты не вешай нос. Знаешь, я все равно отсюда сбегу, так, может, у тебя есть кто из родичей, ну, или там знакомых — похлопотать, — так я передам. А то ведь теперь как бывает — возьмут человека, и никто

* Габриэла Мистраль, в переводе О. Савича.

не знает, что с ним. Может, твои думают, что тебя пума сожрала, а ты тут сидишь...

Джоанна качнула головой — едва заметным движением, чтобы не разбередить немного притихшую боль.

— Спасибо, но у меня никого нет, кто мог бы хлопотать. А вы... вы думаете, это возможно — бежать? Как же отсюда убежишь? Такие стены...

— Ты-то не убежишь, ясно, для этого нужно быть мужчиной, — отозвался паренек не без гордости. Потом он понизил голос: — У меня есть нож! Настоящий кинжал, понимаешь? Мне удалось пронести под мышкой, они дурачье были пьяные, даже не обыскали. Ты понимаешь, это самое главное — неожиданность... Они уверены, что ни у кого нету оружия, и поэтому не боятся. На допрос иногда ведет один конвоир, а идти нужно целый километр, до старых казарм. С ножом я свободный человек... Пускай только поведут! А не вызовут, так я сам попрошусь, скажу, что знаю важное. Это ерунда, лишь бы вот только один конвоир...

Парнишка задумчиво вздохнул, почесал босую пятку об асфальт, потом посмотрел на девушку.

— Так ты говоришь, против них писала... Я так и думал, что ты из таких. Из политиков.

— Какой я политик! — тихо отозвалась она. — А вас за что арестовали? Просто так?

Паренек обиделся.

— Просто так! Много ты меня знаешь. Я, может, такого им наделал... Только они-то не знают, ясно. А то бы сразу к стенке! Взяли по подозрению, понимаешь? Ну ничего, пока разберутся, я уйду. Вообще-то можно и с двумя конвоирами справиться, если быстро действовать... Так, чтобы совсем неожиданно, понимаешь?

— Вас уже водили на допрос? — помолчав, спросила Джоанна.

— Нет, я тут недавно. Тут иногда по две недели не вызывают, вот что плохо. Я у тех расспрашивал, кого водили.

— А на этих допросах... не бьют?

— Да как когда! Зависит, какое обвинение и кто допрашивает. Ну, а в общем... по настроению. А ты что, боишься?

— Боюсь, — тихо сказала Джоанна.

— Ну, понятно... А ты не бойся, понимаешь? Нужно разозлиться, тогда ничего не страшно. Мне вот при аресте здорово всыпали, а я так разозлился, почти ничего и не почувствовал! Ну, почувствовал, конечно... Но не так, чтобы уж очень. Я теперь ничего не боюсь.

— Вам хорошо, — сказала Джоанна, — вы умеете разозлиться и ничего не чувствовать... а я не умею. Вообще я не переношу никакой боли. Конечно, я боюсь, но что я могу с собой сделать! Меня сразу после ареста допрашивали в командансии, в Халапе, — комендант почему-то решил, что я знала местных профсоюзных деятелей, и спрашивал, куда они убежали. А я ведь действительно ничего не знала, я ведь не здешняя. Так он сказал: «Ты лучше не фокусничай, мы все равно выколотим из тебя любое признание, какое захотим». Правда, потом они ничего со мной не сделали и отправили сюда. Но раз они сами говорят такие вещи, как я могу не бояться?

Паренек посмотрел на нее с сожалением и покачал головой.

— Эх ты, а еще в газете пишешь... Ты держи себя в руках, а то будет плохо. Здесь распускаться нельзя, это главное... Пугать они тебя будут по-всякому, это ихнее ремесло — людей пугать, а ты не слушай, и все!

Он помолчал и спросил:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать три...

— У-у-у... Я думал, меньше. А зовут как? Хуана? Меня — Педро. Ты чего ж это, — он кивнул на ее руку без обручального кольца, — еще не замужем?

— Моего мужа убили, — сказала Джоанна, — две недели назад.

— Простите, — смутившись, пробормотал паре-

нек, сразу перейдя на «вы». — Я не знал, сеньора... Ваш муж тоже писал против них?

— Вообще он был членом ГПТ, но он погиб при воздушном налете. Педро, не нужно называть меня сеньорой, и давай говорить друг другу «ты». Хорошо?

Голос ее вздрогнул. Она почувствовала вдруг, как ей нужна, как предельно необходима простая человеческая дружба — именно здесь, в этом аду, во власти тех, от кого она не могла ждать никакой пощады.

— Хорошо, — кивнул Педро, поняв ее состояние. — Будем друзьями, Хуанита. Ты не бойся, со мной не пропадешь! Я буду отдавать тебе половину своей воды, хочешь? А я пью совсем мало, я себя приучил...

Ее вызвали на шестой день, около десяти утра. Солнце было уже высоко; Джоанна сидела на своем месте с закушенными от боли губами, прислушиваясь к нарастающей ломоте в висках. Кто-то выкрикнул ее имя, но она не придала этому никакого значения — звуковые галлюцинации мучили ее теперь постоянно. Через минуту к ней пробрался Педро.

— Хуанита, — сказал он, трогая ее за плечо, — Хуанита, тебя зовут! Слышишь?

Она открыла глаза и явственно услышала, как от ворот выкликали:

— Джоанна Монсон! Кто здесь Джоанна Монсон?

— Слушай, Хуанита, — зашептал Педро ей на ухо, — я не думаю, чтобы они с тобой что сделали, но знаешь... на всякий случай возьми это, а? Ты встань сначала, вот так...

Он помог ей подняться и, встав вплотную, чтобы никто не видел, сунул ей в руку нож с грубо сделанной рукояткой и коротким, остро отточенным лезвием.

— Спрячь скорее... за пазуху, что ли...

Джоанна слабо улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо. Педро, — прошептала она, возвращая ему оружие. — Спасибо, я понимаю, чем ты для меня жертвуешь, но не нужно. Ты должен бежать,

понимаешь? А я все равно не умею им пользоваться... Прощай, Педро. Когда будешь на свободе, отомсти им за все! Прощай..

Она поцеловала его в щеку и пошла к воротам, откуда все настойчивее выкликали ее имя.

— Наконец-то, — улыбнулся лейтенант Нарваз. — Вы заставляете себя ждать, сеньорита... Прощу! У вас болит голова? Сейчас это пройдет.

Выйдя из ворот, они свернули вправо, по обсаженной пыльными кактусами дорожке к зданию тюремной администрации. Джоанну пошатывало. Лейтенант шел впереди упругим спортивным шагом, точными ударами стека сшибая с кактусов мясистые отростки, усаженные пучками игл.

Распахнув дверь перед Джоанной, лейтенант пригласил ее войти и подождать две минуты. В комнате пахло старыми бумагами и сургучом, как в провинциальной почтовой конторе. На стене висела таблица каких-то сигналов и треснувшее по диагонали небольшое зеркало. Джоанна подошла ближе: из зеркала на нее глянули чужие измученные глаза, потом она увидела неряшливо растрепанные волосы и сожженное до черноты лицо с растрескавшимися в кровь губами. Она осторожно усмехнулась и отошла в сторону.

Вошел лейтенант, жестом радушного хозяина пригласив Джоанну следовать за собой. В прохладной комнате, где на столе бесшумно вращался маленький вентилятор, он усадил ее в кресло, принес воды и таблетку от головной боли.

— Я буду рядом, — сказал он. — Нажмите этот звонок, когда вы почувствуете себя в состоянии ответить на несколько вопросов.

С полчаса Джоанна пролежала в кресле, ни о чем не думая, наслаждаясь прохладой, отсутствием солнца и ощущением затихающей боли в висках. Потом она позвонила.

— Все в порядке? — весело осведомился вошедший в комнату лейтенант. — Отлично, отлично. Итак, сеньорита, несколько вопросов. Сколько дней вы провели в предварительном заключении?

— Около недели, — подумав, ответила Джоанна.

— Очень хорошо! За это время к вам не применяли мер физического воздействия?

Джоанна искоса взглянула на него и отвела глаза.

— Нет... — сказала она тихо.

— Вас кормили?

— Да.

— Вам давали воду?

— Да...

— Оч-чень хорошо! Не откажите скрепить это вашей подписью. Вот здесь, сеньорита, прошу вас.

Джоанна, хмурясь, прочла отпечатанный на машинке короткий текст и криво царापнула вниз: «Дж. Монсон». Ручка едва не выскользнула из ее непослушных пальцев.

— Отлично! Теперь, если вы не возражаете, я попрошу вас поехать со мной в одно место. Пустяки, всего десять минут езды.

Они вышли. Солнце опять ударило Джоанну по глазам с такой силой, что она вздрогнула и заслонила ладонью. Сев в джип вместе с лейтенантом, она зажмурилась и не открывала глаз до самого конца пути.

Капитан с бритым худым лицом принял ее в такой же прохладной комнате, с таким же бесшумным вентилятором на столе. Поднявшись навстречу вошедшим, он принял рапорт лейтенанта, отпустил его небрежным кивком и засуетился, придвигая к столу тяжелое клубное кресло.

— Очень рад вас видеть, сеньорита Монсон, — улыбнулся он, усаживая Джоанну. — Будьте как дома, прошу вас... Я чрезвычайно сожалею, что не смог заняться вами раньше, но... вы знаете, дела, дела... ни минуты свободной, клянусь вам. Видите, даже сейчас...

Он посмотрел на часы и задумчиво нахмурился.

— Вам придется подождать минут двадцать, пока я покончу с одним неотложным вопросом... Но мы сделаем вот что! — воскликнул он весело. — Вы тем временем позавтракаете, сеньорита.

— Благодарю вас, я не голодна.

— Ну-ну-ну! Я ведь знаю, сеньорита, мы, к сожалению, еще не успели наладить нормального питания заключенных. Я крайне огорчен, что вам пришлось перенести некоторые неудобства. Но с этим покончено, сеньорита. Итак, с вашего позволения, минут через двадцать я буду к вашим услугам. А сейчас вам принесут завтрак, и вы подкрепитесь...

Капитан вышел. Через минуту в дверь постучали, и солдат поставил перед Джоанной поднос — сочный бифштекс с жареным картофелем, тонкие ломти белого хлеба, бутылка опорто и даже нераспечатанная пачка «Лаки-Страйк». Джоанна вздрогнула от запаха жаркого, проглотила слюну и сказала, глядя в сторону:

— Можете это унести, я ведь сказала, что не хочу...

— Да ешьте, сеньорита, чего там, — добродушно отозвался солдат, откупоривая вино. — Мясо хорошее, свежее... Мы и то такого не получаем. Это с офицерской кухни.

Он расставил принесенное на покрытом салфеткой углу стола и вышел, ободряюще подмигнув Джоанне. Та боролась с собой еще с полминуты, потом несмело протянула руку и отломил кусочек хлеба. Дальнейшее произошло помимо ее воли.

Когда от бифштекса ничего не осталось, Джоанна увидела вдруг свою руку, лежавшую на белой салфетке. Рука была грязная, исцарапанная, с обломанными ногтями в заусеницах. Джоанна спрятала ее под стол, чтобы не видеть, но тут же увидела со стороны всю себя — дошедшую до унижительного полуживотного состояния, невытую, с жадностью голодной собаки накинувшуюся на брошенную врагом подачку. Сцепив под столом руки, она опустила голову и съежилась, вздрагивая от истерических спазмов в груди.

Через несколько минут пришел солдат и убрал тарелки, оставив на столе сигареты и вино. Потом вернулся капитан.

— Позавтракали, сеньорита? — весело осведомился он. — Ну, вот и хорошо. А вина не попробо-

вали? Напрасно, напрасно... Неплохое вино, сеньорита, смею вас уверить. Вы курите?

— Я не хочу, спасибо, — тихо ответила Джоанна.

— Не смею настаивать. Ничего, сеньорита, теперь все наладится, скоро вы будете дома. Кстати, если вы желаете дать свой адрес, чтобы мы предупредили домашних...

— У меня нет родственников в Гватемале.

— Вот как... — в голосе его послышалось недоумение. — Но разве вы не из семьи Монсонов из Эскинтлы?

— Монсонов из Эскинтлы? Нет, — Джоанна качнула головой. — Я там родилась, в этом департаменте, но фамилия — это просто совпадение. У меня не осталось никого из родственников.

— Так, так... не осталось... А... были?

Джоанна помолчала.

— Мой муж недавно погиб, — сказала она наконец.

— О, чрезвычайно сожалею, сеньора. Можно узнать, при каких обстоятельствах?

— Он... нашу машину обстреляли с воздуха...

— Так, так... Война, сеньора, ничего не поделаешь. Где и когда произошел этот прискорбный случай?

— Двадцать восьмого июня, на шоссе Чикимула — Халапа.

— И вы направлялись...

— Мы ехали в столицу... чтобы интернировать в каком-нибудь посольстве.

— Вы хотели просить права политического убежища?

— Да...

— Ясно. Ваш супруг был в армии?

— Да, в чине сублейтенанта.

— Кадр или резерв?

— Резерв.

— Так, так. Скажите, сеньора, вам были известны политические взгляды вашего мужа?

— Я никогда этим не интересовалась, — помолчав, ответила Джоанна.

— Вы хотите сказать, что вас вообще не интересует политика?

— Во всяком случае, я не состояла ни в какой партии...

Капитан понимающе кивнул и закурил, предложив сигарету и Джоанне. Та опять отказалась. С минуту капитан курил молча, пуская дым тонкими струйками и что-то обдумывая.

— Вы окончили Колумбийский? — спросил он вдруг, стряхнув пепел шелчком пальца.

— Да, — кивнула Джоанна.

— Хороший университет. И должен сказать, что вам он определенно пошел на пользу... судя по вашей статье.

Джоанна насторожилась. Капитан раздавил окурок в пепельнице и, выдвинув ящик стола, достал злополучную тетрадку.

— Собственно, я пригласил вас, сеньора, для того...— рассеянно сказал он, листая исписанные карандашом странички, — чтобы побеседовать об этой вашей работе... К сожалению, она не окончена, м-м-да... Но начало мне понравилось, совершенно серьезно. Вы хорошо пишете, сеньора... горячо и от души, не говорю уже о стиле и прочем. Так что примите мои поздравления. Другой вопрос, можно ли согласиться с направляющей идеей вашей статьи... Я, естественно, не могу. Да и вы сами не согласитесь, когда лучше подумаете...

— Капитан, не нужно, — поморщилась Джоанна. — Я ведь не ребенок, чтобы разговаривать со мной таким тоном.

Следователь вскинул брови.

— Каким тоном, сеньора? Тонем благоразумия? Прошу учесть, что только в таком тоне мы сможем довести наш разговор до... благополучного конца. Меня удивляет, что вы этого не понимаете.

Он свернул тетрадь в трубку и похлопал ею по краю стола, испытующе глядя на Джоанну.

— Я говорю с вами, как с умной женщиной. И как с женщиной, затруднительное положение ко-

торой я хотел бы облегчить в пределах возможного. Понимаете? Давайте-ка взвесим факты, сеньора. Вы не скрываете, что хотели покинуть страну...

— С каких пор это стало считаться пунктом обвинения?

— ...чтобы вести из-за границы антиправительственную пропаганду. Как доказательство последнего, при аресте у вас обнаруживают черновик такой статьи. Судите сами, сеньора: как должны отнестись к вам законные власти?

— Законных властей в Гватемале нет, капитан, вы знаете это не хуже меня. А что касается вашего ко мне отношения, то я удивляюсь, почему меня не расстреляли сразу после ареста. Скажите прямо, чего вы от меня хотите?

— Bravo, сеньора, вы начинаете разговаривать по-деловому! Хочу я от вас совсем немного: чтобы вы выступили в печати, рассказали о своих прежних взглядах, о своем желании эмигрировать — и следом разъяснили, почему и в силу каких причин вы изменили свою точку зрения на происходящее в Гватемале. Скажем, вы можете написать, что вам — уже, так сказать, «пост фактум» — стали известны некоторые обстоятельства, неопровержимо доказывающие, что правительство Арбенса руководствовалось в своей политике целями, чуждыми национальным интересам нашей страны... Затем, что вы получили возможность убедиться в демократичности нынешнего правительства и так далее...

— О да, в этой демократичности меня уже убедили. Более чем наглядно, капитан.

— Без иронии, сеньора, прошу вас! — вскипел следователь. — Не забывайте, где вы находитесь! В серьезном разговоре нет места шуткам!

— Я не шучу, капитан!

— Тем хуже для вас, сеньора! Тем хуже для вас! Я хотел дать вам...

Дверь отворилась, в комнату заглянул какой-то военный, сделав знак следователю.

— Капитан, на минутку...

Тот встал.

— Я сейчас вернусь, сеньора. Подумайте хорошо над тем, что я вам сказал. Боюсь, что вы не совсем ясно представляете себе свое положение. Если вы согласитесь оказать нам маленькую услугу, о которой я говорил, то вам будет предоставлен выбор: или сотрудничать в любой из столичных газет, или свободно уехать за границу. В противном случае...

Он развел руками и вышел из комнаты.

Джоанна до боли стиснула переплетенные пальцы и закрыла глаза. Уйти из этой комнаты. Снова оказаться на свободе. На свободе! Ты понимаешь, что значит это слово — «свобода»? Веселая суতোлка вокзалов и аэропортов, соленый океанский ветер на пристанях и отражение неоновых огней в мокром асфальте, толчея у театральных касс и тихие лавочки букинистов, прерии, кружащиеся за окном вагона, и вписанные в бетон городские скверики — все это для тех, кто свободен... И это может опять стать твоим, только скажи «да». Это ведь совсем просто, слышишь, Джоанна Аларика! Скажи «да», напиши эту статью и езжай за границу. А потом? Прийти к друзьям Мигеля и сказать им, что ты изменила ему и им всем, что купила свободу ценой предательства, для того чтобы получить возможность работать для Гватемалы...

Где-то за окном завели патефон—мяукающим голосом пел Фрэнк Синатра: «Как насчет поцелуйчика, Цецилия?» В соседней комнате, судя по доносившимся восклицаниям, играли в карты. На столе жужжал туманный диск вентилятора, через каждые пятнадцать секунд обдавая ее лицо струей прохладного воздуха. Нет, Мигель, я обещала, что никогда не заставлю тебя стыдиться своей жены...

Это, наверное, будет очень страшно и, наверное, очень больно — как раз в самый последний момент. Только недолго. Хорошо, если бы сразу, чтобы вообще ничего не почувствовать. Говорят, иногда первая же пуля попадает прямо в сердце, и тогда человек ничего не чувствует...

Джоанне стало вдруг очень холодно — возможно,

от вентилятора. И пересохло во рту. Встав, она налила себе стакан воды из стоящего на столе графина. Зубы ее стучали о край стакана, как в лихорадке. Обычно вода успокаивает. Нужно сделать так, чтобы капитан ничего не заметил... Хорошо, что стол — можно спрятать руки, зажать их между колен. Колени тоже дрожат, но из-за стола их не видно. Главное, чтобы капитан ничего не заметил, а потом... Наверное, это будет сразу... Не может быть, чтобы...

Вернулся капитан. Явно не в духе, он прошел мимо Джоанны и опустил в свое кресло. Джоанне хотелось стереть выступившую на лбу испарину, но она почему-то не решалась это сделать. Прошла минута. За окном в третий раз завели ту же пластинку, и Синатра опять принялся выклянчивать поцелуйчик у своей Цецилии. В соседней комнате у картежников вспыхнула яростная ссора; Джоанна узнала голос лейтенанта: «Ты как пошел, кусок идиота? Кто ж ходит с этой карты? Погонщики мулов так ходят, осел ты этакий!» «Значит, Нарваэс здесь», — подумала она, почему-то испугавшись, как будто это имело какое-то значение, здесь он или не здесь.

— Итак, сеньора? — сухо спросил капитан.

Помертвев, Джоанна стиснула зубы и отрицательно мотнула головой. Потом она сделала над собой страшное усилие и пробормотала чужим голосом:

— Нет, я... я не могу.

— Потрудитесь давать ясные ответы! Чего вы не можете?

В этот момент к ней почему-то вернулось самообладание. Она почти спокойно подняла на следователя глаза, чуть вскинув брови.

— Вы недогадливы, капитан. Я говорю, что не могу принять ваше предложение.

— Вот как, — сказал тот. Несколько секунд он смотрел на Джоанну, словно что-то обдумывая, потом пожал плечами.

— В таком случае, сеньора, я умоваю руки. Вы знаете, на что идете.

Да, она это знала. Ужас бился в ее сердце и туманил рассудок, но она сидела очень прямо, как

когда-то учила ее сидеть гувернантка, и смотрела в стену, поверх головы капитана. На стене висел портрет Армаса с отпечатанным лозунгом «освободителей» «Бог — Родина — Свобода».

— Итак, вы решительно отказываетесь? — снова спросил капитан.

— Да, — сказала Джоанна.

— Ну что ж...

Капитан встал и позвонил. Вошел лейтенант Нарваэс. Джоанну опять начало трясти, с каждой секундой все сильнее. Возможно, это был минутный обморок, потому что она не слышала, о чем говорили оба офицера. Потом Нарваэс нагнулся и взял ее за локоть.

— Прошу вас, сеньорита...

Джоанна поднялась из кресла и почти спокойно пошла к двери.

Когда они уже вышли из кабинета, капитан вдруг крикнул:

— Ола, Нарваэс! На минутку...

Лейтенант передал Джоанну караульному солдату и вернулся.

— Приказывайте, мой капитан!

— Присядьте, Нарваэс. — Капитан задумчиво посмотрел на него, почесывая карандашом бровь. — Вот какое дело... Я не хотел говорить это в присутствии сеньоры... В конце концов нужно щадить человеческие чувства, не правда ли? Дело такого рода. Расстрелы у вас производятся обычным способом?

— Так точно, мой капитан, — несколько недоумевающе ответил Нарваэс.

— Я имею в виду... — капитан поиграл карандашом. — На прошлой неделе мне пришлось присутствовать при расстреле нескольких человек в Сакапа... совершенно случайно, так сказать, мимоходом... сам я не любитель подобных зрелищ. Им стреляли в затылок, разрывной пулей. Правда, там были особые причины желать, чтобы расстрелянные остались неопознанными. Так вот, я хочу предостеречь вас от чего-либо подобного... в отношении этой молодой дамы, — он указал карандашом на дверь. — Понима-

ете, Нарваэс? Кроме того, я попрошу вас повременить с похоронами. Расстрелянных обычно зарывают на месте, я знаю. Тело сеньоры вы оставите до завтрашнего дня. Чтобы вам было понятнее, я поделюсь своей мыслью... надеюсь, вы ее одобрите...

Капитан закурил и угостил сигаретой Нарваэса.

— Не знаю, известно ли вам, что сеньора окончила Колумбийский университет... в Нью-Йорке. Так вот, мне сейчас пришло в голову, что мы можем использовать ее смерть в наших интересах. Раз уж не удалось использовать ее таланта. Завтра утром я пришлю к вам фотографа из службы информации, и вы проследите, чтобы он сфотографировал тело. Главное, чтобы лицо осталось ясно распознаваемым. Вы меня понимаете?

— Не совсем, мой капитан.

— Нарваэс, вы ребенок! Хорошо. Представьте себе такой заголовок в газете, ну, скажем: «Диплом Колумбийского университета — достаточное основание для смертного приговора в коммунистическом трибунале Арбенса». Затем снимки, — капитан карандашом очертил в воздухе квадрат, — а ниже текст: «Новое преступление гватемальского ЧК! Джоанна Аларика Монсон, талантливая молодая журналистка, только что окончившая с отличием Колумбийский университет, — очередная жертва красного террора. Труп обнаружен при занятии частями освободительной армии населенного пункта такого-то» — выберем там какой поглуше. Теперь поняли? *

Нарваэс льстиво улыбнулся.

— Вы гений, мой капитан!

— Главное, — продолжал следовательно, — это лицо, Нарваэс. Чтобы ее могли опознать сами «колумбийцы». Снимки мы немедленно отошлем в Штаты. Датируем их, ну, скажем, вторым июля. А почему задержка с публикацией? Да очень просто, экспертиза, установление личности и так далее. Одним словом, завтра вы доставите мне снимки, и мы сообщаем над текстом. Действуйте, лейтенант.

Нарваэс козырнул и вышел в приемную.

Джоанна стояла на том же месте, где он ее оставил. Лейтенант движением руки отослал солдата, подошел к ней и, улыбаясь, взял за подбородок.

— Итак, моя маленькая, теперь я всецело к твоим услугам. Да посмотри же на меня, нехорошо быть такою букой...

Их взгляды встретились. То, что увидела Джоанна, заставило ее похолодеть. Это была не смерть — это было что-то такое, по сравнению с чем смерть показалась ей в эту секунду самым желанным счастьем. Комната поплыла перед ее расширившимися от ужаса глазами; она отшатнулась от Нарваэса и прижалась спиной к стене.

— Я никуда с вами не пойду, — сказала она срывающимся голосом, — оставьте меня, вы не имеете права, слышите?.. Я вам ничего не сделала...

«Я им ничего не сделала! — кричало в ней все ее существо, обезумевшее от ужаса. — Они не могут меня убить, не могут убить вместе со мной моего ребенка! Я ведь хочу жить только ради него, ради ребенка Мигеля... Они не имеют права, нет, нет, нет!..»

— Нет! — вскрикнула она отчаянно, и снова встретила взгляд лейтенанта, и поняла, что теперь уже ей не помогут ни просьбы, ни слезы, ни мольбы, что короткий ее путь окончился в этой пыльной пустой комнате с выщербленными плитками пола и ей осталось лишь сделать несколько последних, самых страшных шагов. Небо, если бы только Мигель был сейчас рядом, если бы он был с нею в эту страшную минуту!..

— У вас пошаливают нервы, сеньорита, — засмеялся лейтенант. — Разрешите предложить вам руку? Прошу... Машина нас ждет. Это совсем недалеко. Тверже шаг, Джоанна!

ГЛАВА 5

Когда Педро Родригеса вызвали на допрос, уже стемнело. Это было большой, неправдоподобной удачей. Обычно на допрос водили днем; но то, что кон-

воиров оказалось двое, почти заставило его отказаться от мысли о побеге. Один кинжал против двух автоматов — это уж слишком. Да и потом он вообще здорово отошал и ослаб за последние дни, хотя занимался каждое утро гимнастикой и старался держать себя в форме — поскольку это возможно в таком заключении.

От тюрьмы до старых казарм около километра с лишним. Дорога идет по невысокой насыпи, по обеим сторонам которой тянутся сплошные заросли колючего кустарника. Лучшего места для побега и не придумать. Вот если бы только не этот второй конвоир...

Рук ему не связали — это была вторая удача. Впрочем, рук не связывают никому. Смешно прибегать к такой мере предосторожности, когда двое вооруженных ведут одного безоружного. Он шел впереди, за ним — шага на три — конвоиры. Они лениво шаркали ногами по каменистой дороге, лениво переговаривались.

— А меня, по правде сказать, вообще сюда не тянуло. Это меня Марикита подбила... Я ей, суке, припомню, когда вернусь. Говорит, триста долларов в месяц, жратва, все такое, да еще и грабануть можно будет при случае... Я не хотел, эти дела не по мне, я в карты, может, по двести монет за ночь зашибал, если на дурака нападешь. Это все она, стерва. В Тегусигальпе тебя, говорит, уже в каждом баре знают как облупленного... Ты, говорит, лучше смотайся пока на пару месяцев, а я тут все следы замету...

— Она их сейчас в постели замечает с каким-нибудь альфонсом, — хрипло засмеялся тот, что шел справа.

— И очень просто! Я говорю, я это ей все припомню... она у меня поскулит. Триста долларов! Много мы из них получили, из этих долларов... Кроме того аванса, ни шиша больше...

— Кто хорошо зарабатывает, так это авиаторы. Я знал одного янки из Сан-Диего. Он завербовался еще в апреле или даже в марте, получал по пятьсот

монет в месяц до первого боевого вылета, а потом стал получать всю тысячу Это фикс, а потом у них еще идет отдельная плата, от каждого задания.

— Да, тем хорошо, — завистливо вздохнул левый. — Но авиаторов они вербовали только в Штатах. Нашим, видать, не доверяли.

— Тот, что я знал, он был из Сан-Диего, — повторил первый. — Хороший был парень и пить умел. По пьяному делу он и накрылся: стал взлетать на своем «Пе — сорок семь» и куда-то не туда заехал... не то в столб, не то в стенку. Мне после ребята рассказывали. Хороший был парень, одних бутылок после него осталось два чемодана.

— Вообще здорово нас надули. Они говорили, никакой войны и не будет, вот что они говорили. А нас возле Гуалана так шарахнули, что мы и не заметили, как границу обратно перескочили... Только под Копаном и очухались!

Шли медленно — торопиться было некуда ни вооруженным, ни безоружному. Сколько уже прошли? Половины пути еще нет. Наверное, около трети. А что если просто отскочить в сторону, и... Нет нельзя. Пристрелят, от автоматов не убежишь... даже если будут стрелять наугад.

— Народ здесь сволочной, вот в чем дело. Недаром наш сержант говорит, что гватемалец хорош только в дохлом виде. И пограбить некого... одна рвань.

— Есть и побогаче, но тех трогать нельзя, — зевнул правый. — Говорят, сторонники демократического режима. А вообще народ здесь паскудный, упрямый народ, это ты прав.

Педро оскалил зубы от удовольствия и беззвучно засмеялся, хотя в его положении человеку обычно не до смеха. Не до смеха и ему, но нельзя не посмеяться над тоном, каким сказаны эти слова, — тоном разочарованным, почти обиженным. «Упрямый народ!» А вы что же думали, потаскухины дети, что вас здесь с музыкой встретят?

— Вот позавчера, ребята рассказывали, привезли в казармы одну девку. Не знаю, кто она такая была,

говорят, вроде писательница или что-то в этом роде. И чего от нее хотели, тоже не знаю. Их сперва вывели, семь человек, и шестерых кокнули тут же, а ее оставили. Вроде приказ пришел, в последнюю минуту. После ее допрашивал сам Нарваэс...

— Нарваэс? Этот умеет.

— Вообще-то умеет. А вот тут не сумел! Такая, говорят, оказалась упрямая да живучая, просто беда. Так ничего с ней и не вышло... Уже под вечер вытащили во двор и пристрелили, тем дело и кончилось. И ведь подумать: ну, был бы еще мужчина, а то девка...

Педро слышал все это до последнего слова. Что речь идет о его тюремной приятельнице, сомневаться не приходилось: ее взяли позавчера, она была писательницей, и увел ее именно Нарваэс.

За четверо суток совместного заключения они сдружились, она рассказала ему свою историю, и с того момента, когда ее увели, Педро не находил себе места от тревоги за ее судьбу. Он все время старался убедить себя в том, что с Хуанитой не случится плохого; то, что он сейчас услышал, буквально оглушило его, как удар грома. Оглушило и одновременно — как молния зажигает сухое дерево — воспламенило весь запас ненависти, который уже месяц накапливался в его сердце.

Дальнейшее произошло без участия рассудка. Рассудок мог бы здесь только помешать: начни Педро думать, взвешивать шансы, он едва ли решился бы напасть. Но голос осторожности ничего не успел сказать, заглушенный призывом мести. Не рассудок семнадцатилетнего паренька, ученика из авторемонтной мастерской, а его кровь, кровь потомка воинов Текум-Умана, определила в эту секунду его действия. Педро придержал шаг — ровно один, чтобы не промахнуться; правая рука молниеносным движением скользнула за пазуху, сомкнув пальцы на рукоятке ножа; и в тот же миг все его тело, подобно спущенной пружине, стремительно развернулось влево, на мгновение сосредоточив все полтора ста фунтов своего веса в куске отточенной стали. Конвойр издал не-

громкий всхлипывающий звук и стал падать, цепляясь руками за воздух; вырвав у него автомат, Педро бросился с насыпи, не чувствуя боли от шипов, раздражающих одежду и тело.

Все кончилось прежде, чем второй конвоир успел прийти в себя от испуга и неожиданности. Опомнившись секундой позже, он нагнулся к товарищу, нашупал торчащий в его груди нож и только тут сообразил пустить в ход свое оружие. Не вставая, с колена, он дал по кустам длинную очередь, прислушался, громко выругался и снова нажал на спуск, метнув перед собой огненный веер трассирующих пуль.

Эта вторая очередь едва не стоила жизни беглецу, просвистев в нескольких сантиметрах над его головой. Педро с размаху упал на землю и быстро пополз, извиваясь всем телом, как ящерица, и не выпуская трофейного автомата. Добравшись до неглубокой ложбинки, он забрался в нее и растянулся на спине, тяжело дыша и слизывая приторно-соленую кровь с рассеченной губы. Трясущимися пальцами он ощупал оружие, погладил ствол, прямой рожок магазина. Это было его оружие, его собственное, взятое у врага! Завтра утром он разберется, как с ним обращаются. Это, должно быть, не так сложно, любой солдат это умеет... Все-таки он удрал! Все-таки он удрал!

За ночь нужно успеть уйти как можно дальше. В горах легко прятаться, а потом в Мексику — через Петен, как советовала Хуанита.

Хуанита, я за тебя уже немного отомстил. И это только начало!..

Отдышавшись, Педро поднялся на ноги и, повесив автомат на грудь, зашагал через кусты. Время от времени он останавливался и прислушивался, нет ли погони. Все было тихо: по-видимому, решили не подымать шума из-за одного убитого и одного бежавшего, поймать которого ночью было почти невозможно. Через несколько часов, шатаясь от усталости, он остановился на гребне скалистого холма. Ровно дул свежий ночной ветер, вдали сияли огоньки казарм

и — чуть поодаль — яркие прожектора, освещающие белые стены тюрьмы. Там, в тюрьме, умирали и ждали смерти сотни людей, простых людей, осмелившихся любить свою родину. И там, в казармах, лежало тело замученной Хуаниты.

Педро плакал со стиснутыми зубами, молча. Когда нервный припадок прошел, он вытер глаза рукавом комбинезона и погрозил кулаком мерцающим в ночи огонькам.

— Упрямый народ, да? — крикнул он во весь голос. — Погодите, вы еще узнаете этот упрямый народ! Грингос, убийцы!

Слепухин Юрий Григорьевич

ДЖОАННА АЛАРИКА

Повесть. М., «Молодая гвардия»,
1962. 312 стр. с илл.

Редактор *Э. Морина*
Художник *О. Коровин*
Худож. ред. *Н. Печникова*
Техн. ред. *Л. Курлыкова*

A10926 Подп. к печати 6/XII 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 9,75
(15,99) + 1 вкл. Уч.-изд. л. 15,
Тираж 115 000 экз. Цена 61 коп.
Заказ 1661.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

По разделу русской прозы и поэзии

- Иван Мельниченко, **Пока ты молод**, роман, 191 стр., цена 43 коп.
- Николай Вирта, **Вечерний звон**, роман (переработанное издание), 624 стр., цена 1 р. 39 к.
- Евгений Носов, **Тридцать зерен**, рассказы, 224 стр., цена 45 коп.
- Леонид Жариков, **Шахтерское сердце**, рассказы, очерки, записные книжки, 320 стр., цена 66 коп.
- Василий Федоров, **Белая роща**, поэмы, 176 стр., цена 64 коп.
- Рытхэу, **Время таяния снегов** (первая и вторая книги), 416 стр., цена 76 коп.
- Лидия Обухова, **Заноза** (страницы сердобольской хроники), 408 стр., цена 78 коп.
- Всеволод Кочетов, **По двум тысячелетиям** (поездка в Италию), 128 стр., цена 57 коп.
- Василий Кулемин, **Облака**, стихотворения, поэмы, 176 стр., цена 39 коп.
- Валентин Сидоров, **Дом моего детства**, стихи, 111 стр., цена 17 коп.
- Александр Твардовский. **Стихи из записной книжки**, 128 стр., цена 30 коп.
- Виктор Боков, **Весна Викторовна**, книга стихов, 304 стр., цена 60 коп.

61 кон.

